

Министерство внутренних дел Российской Федерации

Федеральное государственное казённое
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова»

2021 г. № 1(3)
В двух томах. Том 2

СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Министерство внутренних дел Российской Федерации

**Федеральное государственное казённое
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова»**

2021 г. № 1(3)

В двух томах. Том 2

**СОВРЕМЕННОЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ
И ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО
РЕФОРМИРОВАНИЯ**

Журнал

**Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2021**

Учредитель: Федеральное государственное казённое образовательное учреждение высшего образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова»

**СОВРЕМЕННОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ
ПРАВО – УРОКИ ИСТОРИИ И ПРОБЛЕМЫ
ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ**

**2021 г.
№ 1(3)**

В двух томах. Том 2

Периодическое печатное научное издание – журнал
Издается с 2018 года
Выходит 1 раз в год

Редакционная коллегия:

Председатель редакционной коллегии, главный редактор:

С.А. Синенко, начальник института, доктор юридических наук, доцент.

Заместители главного редактора:

К.В. Муравьев, заместитель начальника института (по научной работе), доктор юридических наук, доцент;

В.Ф. Васюков, профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

А.В. Гришин, начальник кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент;

Д.Ф. Флоря, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент;

В.Н. Чаплыгина, начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук, доцент;

Е.В. Марковичева, профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент;

Е.А. Семёнов, профессор кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук;

Ю.П. Якубина, доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент;

Е.Б. Гришина, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук;

О.А. Ветрова, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.

Адрес редакции, издателя, типографии:
Игнатова ул., д. 2, Орёл, 302027.
Тел.: (4862) 42-31-14, факс: (4862) 41-48-56.
E-mail: nir-ogui@yandex.ru.

Подписано в печать 5 октября 2021 г. Заказ № 336.
Дата выхода в свет 5 октября 2021 г. Формат 60x90¹/₁₆.
Усл. печ. л. – 18,13. Тираж 42 экз.
Распространяется бесплатно.

Выпуск подготовлен по материалам выступлений участников Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования» (к 20-летию принятия УПК РФ) (7–8 октября 2021 года).

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение высшего образования «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова».

Компьютерная вёрстка: Е.В. Мурашев.

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2021.

Содержание

Муравьев К.В. 20 ЛЕТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: ИТОГИ И НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ	7
Мядзелец О.А. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА РЕАБИЛИТИРОВАННЫМ И ЛИЦАМ, НЕЗАКОННО ПОДВЕРГНУТЫМ МЕРАМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	17
Николюк В.В. ПОЧЕМУ УПК РФ НЕ МОГ БЫТЬ ДРУГИМ? (К 20-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ КОДЕКСА)	27
Павлов Д.В. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ О ВОВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	38
Павлов Д.В., Петраков С.В. ДОПУСТИМОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ (НЕДОСТОВЕРНОСТИ) ПОКАЗАНИЙ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ЭКСПЕРТА	45
Петров С.А. ВИНА ПЕШЕХОДА ПРИ НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	51
Победкин А.В. ПРИНЦИПАЛЬНАЯ ОШИБКА (ПОЧЕМУ ПРИ ПРИНЯТИИ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА НЕ СЛЕДОВАЛО ИГНОРИРОВАТЬ А.С. ПУШКИНА)	58
Полякова А.В. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ	69
Проваторова К.В. ИНСТИТУТ СОЕДИНЕНИЯ И ВЫДЕЛЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ	74

Прохорова Е.А., Саморока В.А. ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	80
Пупышева Л.А. РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОЙ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО РАССМОТРЕНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В УПК РФ (2001–2021 ГОДЫ)	87
Рашидов Б.Н. ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ПО УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН	96
Сальников Е.В., Власов В.В. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОБЫСК ЖИЛИЩА И ЛИЧНЫЙ ОБЫСК	103
Самко А.В. ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ	109
Сезонова Т.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ ХИМИИ И БИОЛОГИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ	115
Семёнов Е.А., Каширгов А.Х. РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	120
Семенцов В.А. ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК ФАКТОР ОПТИМИЗАЦИИ ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ И ОБЪЕМА	130
Синенко С.А., Савенков Ю.Н. К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН	141
Сретенцев А.Н. К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	149

Сретенцев Д.Н. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ	155
Сумин А.В., Химичева О.В. ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ И СВОБОДА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ	161
Сучков А.И. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ.....	169
Таджиев А.А. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХУЛИГАНСТВА	177
Таршева М.Н. ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	182
Телигисова С.С. К ВОПРОСУ ОБ АПЕЛЛЯЦИОННОМ И КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ	189
Титов П.М. ИНСТИТУТ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ	195
Тохирзода О.Т. К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ	201
Тошкулов Г.Э. ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УЗБЕКИСТАНА	208
Угольников Н.В. ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА КАК КОРРУПЦИОННЫЙ РИСК	214
Фадеев А.А. О НАУЧНЫХ ПОДХОДАХ К СОДЕРЖАНИЮ ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»	220
Федоров А.Ф. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ	226

Филимоненко И.А. К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ УЧАСТНИКОВ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ	231
Хамидуллин Р.С. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	234
Хусанов А.Д. О ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ В ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЯМИ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	241
Цоколова О.И. ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА 2021 ГОДА (ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА)	247
Чаплыгина В.Н., Рудов Д.Н. К «ЮБИЛЕЮ» СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ. ПОЛТОРА ВЕКА СО ДНЯ УЧРЕЖДЕНИЯ В РОССИИ	254
Шатрова А.В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ПРОИЗВОДСТВЕ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА	260
Шпагина Ю.В. ПРОИЗВОДСТВО НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	265
Шурухнов Н.Г. ОБ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ	271
Якубина Ю.П. ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СВЕТЕ ПРОКУРОРСКО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	284

Муравьев К.В.

**20 ЛЕТ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА
МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ: ИТОГИ И НАПРАВЛЕНИЯ
ДАЛЬНЕЙШЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ**

**20 YEARS OF IMPROVEMENT OF THE INSTITUTE
OF PREVENTIVE MEASURES:
RESULTS AND DIRECTIONS OF FURTHER REFORM**

В статье обращается внимание на значимые результаты и «оборотную сторону» уголовно-процессуальной политики 2002–2021 гг. в отношении института мер пресечения, предлагаются подходы к решению отдельных кризисных аспектов.

The article draws attention to the significant results and the "reverse side" of the criminal procedure policy of 2002–2021 in relation to the institution of preventive measures, approaches to solving individual crisis aspects are proposed.

Для обеспечения порядка уголовного судопроизводства процессуальное законодательство традиционно допускает возможность применения к подозреваемым/обвиняемым мер пресечения. Использование данных принудительных средств воздействия способствует достижению назначения и целей, решению задач уголовного процесса.

Несмотря на то, что УПК РСФСР 1960 г. предусматривал семь мер, в практической деятельности наиболее востребованными являлись подписка о невыезде и заключение под стражу. Причем аресты разрешалось избирать по делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года (в исключительных случаях – и на меньший срок). К лицам, обвиняемым в совершении ряда преступлений, его можно было применять по мотивам одной лишь опасности деяния (чч. 1 и 2 ст. 96 УПК РСФСР). Арестованные содержались в условиях, которые неоднократно признавались ЕСПЧ не соответствующими Конвенции о защите прав человека и основных свобод [например, 1].

Разработчики Кодекса 2001 г. постарались решить задачи, связанные с усилением стандартов обоснованности избрания мер пресечения, сведением дополнительных ограничений на применение арестов, с возможностью использования альтернативных принудительных средств. Уже при вступлении УПК РФ в силу полномочия по применению заключения под стражу переданы суду, изменено материально-правовое условие ареста – данную меру пресечения законодатель допустил избирать, если за противоправное деяние предусмотрен срок наказания свыше двух лет (с возможным исключением) (ст. 108 УПК РФ). Малоэффективное поручительство общественных объединений заменено на домашний арест; предусмотрена аналогичная заключению под стражу процедура его избрания (ст. 109 УПК РФ) и др.

По результатам полугодового мониторинга действия «нового» Кодекса зафиксировано сокращение количества арестованных граждан на 20 %. Это дало возможность его идеологам прийти к достаточно спорным, популистским выводам. Например, председатель Комитета по законодательству Госдумы РФ П. Крашенинников отмечал, что «это как раз процент необоснованных случаев заключения под стражу по прежнему УПК. Данное обстоятельство – бесспорное свидетельство преимущества нового судебного порядка заключения под стражу» [2, с. 13]. Вместе с тем, в 2002 г. с введением в действие УПК РФ одновременно изменилось и материальное законодательство. Так, размер мелкой кражи был повышен с одной до пяти минимальных размеров оплаты труда, а хищения с меньшей суммой ущерба отнесены к административным правонарушениям. Кроме того, после 1 июля 2002 г., в связи с введением одиозной процедуры согласования прокурором постановлений о возбуждении уголовных дел, примерно на 20 % сократилось и количество возбуждаемых производств. Таким образом, положительная оценка нового законодательства о мерах пресечения была явна завышена.

Для того чтобы повысить обоснованность избрания и эффективность применения мер пресечения, а заключение под стражу реально превратить в исключительную меру обеспечения судопроизводства, требовались дальнейшие законодательные шаги. За двадцать лет их было сделано множество. Только глава 13 УПК РФ изменена и дополнена 33 федеральными законами. Кор-

ректировались и иные нормы Кодекса, находящиеся за рамками специализированной главы, которые также регулируют отдельные аспекты реализации мер пресечения (п. 13 ст. 5, ст. 10, ч. 2 ст. 128, ч. 5 ст. 220, ст. 224, ч. 3¹ ст. 225, п. 3 ч. 1 и ч. 2 ст. 228, п. 6 ч. 2 ст. 231, ст. 255, п. 9 ч. 1 ст. 308, ст. 311, п. 18 и 18¹ ст. 397, ст. 450 УПК РФ). В целом нормативное регулирование увеличилось более чем в 2,5 раза.

Так, в ст. 97, 99 и 100 УПК РФ внесены взаимосвязанные изменения, в соответствии с которыми основания для избрания меры пресечения распространены на подозреваемого; вместо «тяжести предъявленного обвинения» в качестве учитываемого обстоятельства предложена «тяжесть преступления», увеличен до 45 суток срок предъявления обвинения подозреваемому в совершении преступлений террористической или иной экстремистской направленности. В профильном постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 41 разъяснено, что при решении вопроса о мере пресечения в каждом случае необходимо устанавливать «обоснованные подозрения», в материалах дела должны содержаться конкретные сведения о причастности к совершенному преступлению определенного лица, им дается оценка, но без обсуждения вопроса о его виновности [3].

В значительной степени новеллы коснулись меры пресечения в виде заключения под стражу (чч. 1, 1¹, 5 и 12 ст. 108, ст. 109, ч. 1¹ ст. 110, ч. 2¹ ст. 221 УПК РФ и др.). Например, в постановлении об избрании данной меры предписано указывать конкретные фактические обстоятельства, на основании которых судья принимает решение. Для исключения случаев ареста лиц, совершивших преступления небольшой тяжести (с учетом новой редакции ст. 15 УК РФ), скорректировано материально-правовое условие – «предварительное заключение» допускается (по общему правилу) к подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, которые караются уголовным наказанием свыше трех лет лишения свободы. Предусмотрено требование при обнаружении в результате медицинского освидетельствования тяжелого заболевания, препятствующего содержанию преследуемого лица под стражей, изменять данную меру пресечения на другую; установлен запрет на применение арестов по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности. Закреплена возмож-

ность заочного принятия решения в случае объявления обвиняемого в международный и (или) в межгосударственный розыск; скорректированы нормы, устанавливающие сроки содержания в следственных изоляторах в ходе предварительного расследования и при нахождении дела у прокурора и т.д.

Продолжали развитие «альтернативные» аресту меры обеспечения – домашний арест (ст. 107 УПК РФ) и залог (ст. 106 УПК РФ).

В частности, определено, что содержанием домашнего ареста является нахождение подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (при ненадлежащем состоянии здоровья – на территории учреждения здравоохранения), при этом с учетом данных о личности преследуемого, тяжести обвинения, фактических обстоятельств уголовного дела на него возлагаются запреты. Регламентирован порядок применения домашнего ареста, в том числе исчисление его срока; определены условия исполнения рассматриваемой меры пресечения, субъекты и формы контроля исполнения.

Уточнен перечень видов залога – закреплена возможность передачи недвижимого имущества и движимого имущества в виде денег, ценностей, акций и облигаций, допущенных к публичному обращению в РФ. Внесены изменения о размере: он не может быть менее пятидесяти тысяч рублей по делам о посягательствах небольшой и средней тяжести и менее пятисот тысяч рублей – о тяжких и особо тяжких преступлениях. Скорректирована цель данной меры пресечения – может избираться, в числе прочего, для предупреждения действий, препятствующих производству по уголовному делу. Более четко прописан порядок применения – для избрания залога так же требуется решение суда.

Несмотря на предпринятые усилия, домашний арест и залог так и не стали реальной альтернативой заключению под стражу. В условиях недостаточной эффективности существующей системы мер пресечения продолжался поиск ее оптимальной модели. Появилось новое средство процессуального воздействия – запрет определенных действий (ст. 105¹ УПК РФ), которое также предполагает исключительно судебный порядок избрания.

В целом, развитие в 2002–2021 гг. уголовно-процессуальных норм, регламентирующих меры пресечения, свидетельствует о том, что государство осуществляет политику в сторону модели «надлежащей правовой процедуры», приоритетом которой является защита индивидуальных прав и свобод, предоставление максимального числа гарантий лицу, защищаемому от уголовного преследования. Отдельные шаги реформирования свидетельствуют о том, что не забывается и важность обеспечения «контроля над преступностью», ведется поиск наиболее эффективных и рациональных средств воздействия, которые обеспечивали бы реализацию предполагаемого наказания и иных мер уголовно-правового характера [подробнее – 4, с. 23–30]. Вместе с тем в процессе совершенствования были усилены имеющиеся и появились новые кризисные аспекты, которые требуют своего решения. Обратим внимание на некоторые из них.

1. Требуется вернуть «стройность» системе мер пресечения, которая потерялась после появления в УПК РФ запретов определенных действий. В соответствии с ч. 1 и 6 ст. 105¹ УПК РФ данную меру пресечения предлагается избирать как самостоятельную: подозреваемый/обвиняемый обязуется своевременно являться по вызовам органов, ведущих уголовное производство, а также соблюдать один или несколько запретов (выходить в определенное время за пределы жилого помещения, находиться в установленных местах, общаться с отдельными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и Интернет, управлять транспортным средством). Кроме того, соблюдение любых запретов может дополнительно возлагаться на преследуемые лица при избрании залога (ч. 8¹ ст. 106 УПК РФ), а отдельных запретов – при домашнем аресте (ч. 7 ст. 107 УПК РФ). То есть «запреты», с одной стороны, выступают содержанием самостоятельной меры пресечения, с другой – могут являться дополнением к основным ограничениям.

При существующем подходе сложно выполнить требование об экономии процессуального принуждения, в соответствии с которым более строгая мера пресечения может избираться только после обсуждения возможности применения более мягкой меры (ч. 1 ст. 105¹, ч. 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ, пп. 3, 4, 8, 36, 42¹, 51¹ постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41). Реализа-

ция данного правила предполагает четкое ранжирование принудительных мер, что в настоящий момент отсутствует. Хотя они и названы в законе в определенной последовательности (ст. 98 УПК РФ), это не свидетельствует о большей строгости одних мер пресечения по отношению к другим. Например, предусмотренный п. 1 ч. 1 ст. 105¹ УПК РФ запрет оставлять в определенные периоды времени пределы жилого помещения связан с ограничением конституционного права на свободу. При этом залог, также избираемый по решению суда, не ограничивает данного права, он является лишь финансовым способом обеспечения обязательства подозреваемого/обвиняемого о явке в компетентные органы, недопущении совершения новых преступлений и действий, препятствующих производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 106 УПК РФ).

Для решения указанной проблемы необходима коренная оптимизация системы принудительных мер. Существующая в УПК РФ модель допускает возложение на преследуемое лицо совокупности ограничений, определенных применительно к конкретному способу их обеспечения. Выбор оптимальной меры воздействия требует оценки и эффективности ограничений, которые являются содержанием меры пресечения, и результативности способа их обеспечения. На наш взгляд, более продуктивным может являться вариант, при котором система уголовно-процессуального принуждения будет включать два самостоятельных элемента. Первый – это ограничения и обязательства (лишение свободы, ограничение выезда из государства или из населенного пункта, изъятие паспорта, воздержание от общения с определенными лицами и др.), второй – способы обеспечения их исполнения и соблюдения (личное обязательство (подписка), поручительство иных лиц, денежное обеспечение (залог), контроль со стороны органов власти). Одновременно следует закрепить в законе процессуальные обязанности подозреваемого/обвиняемого (не препятствовать производству по делу, являться в органы расследования и в суд по первому требованию и т.д.). Доказательства, подтверждающие вероятность невыполнения (неисполнение) данных обязанностей, будут являться процессуальным основанием для применения мер пресечения [5, с. 336–337].

2. Спорным законодательным решением, ограничивающим принципы справедливости и равенства перед законом и судом, является запрет на заключение под стражу предпринимателей (ч. 1¹ ст. 108 УПК РФ). Изъятия из общего порядка применения мер пресечения могут быть оправданы лишь в отношении тех субъектов, которые находятся в менее защищенном правовом положении (например, несовершеннолетние или лица, страдающие тяжелыми заболеваниями). Предприниматели же осуществляют свою деятельность с целью получения прибыли и сознательно идут на риск, в том числе связанный с правовой неопределенностью [5, с. 75–79]. В целях повышения уровня обоснованности принуждения в отношении данной категории лиц необходимо использовать иные конструкции. Например, обсуждение возможности избрания других мер пресечения, введение дополнительных процедурных гарантий (как это предусмотрено для несовершеннолетних, «VIP-персон» и т.д.).

3. Требуется регламентировать сроки применения любых мер пресечения (запретов и обязательств, которые являются их содержанием) и установить для них предельные сроки в зависимости от строгости принуждения и угрожающего уголовно-правового воздействия. Так, период запрета управления автомобилем (п. 6 ч. 7 ст. 105¹ УПК РФ) не должен превышать сроков лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортным средством (ст. 47 УК РФ). Следует предусмотреть справедливую формулу зачета сроков применения мер государственного принуждения в уголовно-процессуальной и уголовно-правовой сфере. Например, до направления в порядке ч. 2 ст. 432 УПК РФ в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (СУВУЗТ) подросток может быть помещен на минимально необходимое для его устройства время в центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) [7, п. 2 ч. 2 и ч. 6 ст. 22]. Применение данной меры принуждения в конституционно-правовом смысле представляет собой, по сути, лишение свободы [8]. При этом суд обязан указать в приговоре на зачет в срок содержания в СУВУЗТ время нахождения в ЦВСНП, в котором в отношении правонарушителя начинается вестись профилактическая работа, оказываются соответствующие образовательные услуги. Интере-

сам несовершеннолетних в большей степени соответствовало бы нормативное регулирование, которое будет предполагать зачет сроков содержания под стражей и названных выше мер воздействия [подробнее – см. 9, с. 150–165].

4. Важно учитывать, что уголовно-процессуальный институт мер пресечения в существующем законодательном оформлении не распространяется на гл. 47 УПК РФ, а «обслуживает» лишь центральное, основное производство в уголовном процессе – расследование и судебное разбирательство уголовного дела. С вступлением приговора в законную силу меры пресечения утрачивают свое действие (п. 10 ч. 1 ст. 308 УПК РФ), однако при замене наказания в связи с уклонением осужденного от его отбывания для обеспечения явки в судебное заседание предусмотрено заключение под стражу (пп. 18, 18¹ ст. 397 УПК РФ). Фактически, это самостоятельная мера пресечения: различны не только основания, сроки, но и порядок ареста [10]. Полагаем, что имеется необходимость в более тщательной правовой регламентации принудительных средств, применяемых к осужденным, уклоняющимся от отбывания наказания.

Единое предназначение мер пресечения позволяет предложить монолитную модель правового регулирования принудительных средств, применяемых в ходе производства по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве [11]. В Общей части Кодекса должны найти отражение: система мер пресечения (виды ограничений, обязательств и способов их обеспечения), цели, общие условия применения, обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения; порядок взаимозачета сроков ограничений и обязательств. Что касается оснований, частных условий, особенностей процессуального порядка избрания и сроков применения мер пресечения на различных этапах процессуальной деятельности, то их следует законодательно оформить в главах УПК РФ, регулирующих досудебное и судебное производство по делу, а также уголовно-исполнительное судопроизводство.

1. Дело «Калашников (Kalashnikov) против РФ» [Электронный ресурс]: постановление ЕСПЧ от 15 июля 2002 г. (жалоба

№ 47095/99). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Рос. юстиция. 2002. № 11.

3. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Булатов Б.Б., Муравьев К.В. Институт мер пресечения в УПК РФ: динамика развития и перспективы совершенствования // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2021. № 6.

5. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис... д-ра юрид. наук. Омск, 2017.

6. Фетищева Л.М., Рудич В.В. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС). 2015. № 3 (63).

7. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ: в ред. от 24 апреля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. По делу о проверке конституционности положений ст. 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и ст. 22 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А. [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2019 г. № 38-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Николаева Н.А. Производство о применении к несовершеннолетнему меры уголовно-правового воздействия в виде помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

10. Николюк В.В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения: монография. Орел, 2015. 236 с.

11. Муравьев К.В. Модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.В. Николюка) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3. С. 145–155.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Муравьев Кирилл Владимирович. Заместитель начальника (по научной работе), доктор юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Muravyev Kirill Vladimirovich. Deputy Head (for Scientific Work), Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу; домашний арест; залог; запрет определенных действий; ограничения и обязательства.

Keywords: preventive measures; detention; house arrest; bail; prohibition of certain actions; restrictions and obligations.

УДК 343.13

Мядзелец О.А.

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА
РЕАБИЛИТИРОВАННЫМ И ЛИЦАМ, НЕЗАКОННО
ПОДВЕРГНУТЫМ МЕРАМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

**LEGAL REGULATION OF NON-COMPENSATION
OF HARM TO REHABILITATED PERSONS AND PERSONS
ILLEGALLY SUBJECTED TO MEASURES
OF PROCEDURAL COERCION IN CRIMINAL
PROCEEDINGS**

В статье отслеживается формирование в УПК РФ нормативной основы возмещения вреда реабилитированным и лицам, незаконно подвергавшимся мерам процессуального принуждения при производстве по уголовному делу. Анализируются в этой части проекты УПК РФ 1997 г., 2000 г. и 2001 г. Показываются отличия между основаниями и условиями признания права на возмещение вреда при реабилитации обвиняемого, подсудимого, осужденного и при установлении незаконности применения принудительных процессуальных мер к лицу, не имеющего статус уголовно преследуемого.

The article traces the formation of the regulatory framework for compensation for harm to rehabilitated persons and persons who were illegally subjected to procedural coercion measures during criminal proceedings in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In this part, the projects of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 1997, 2000 and 2001 are analyzed. The article shows the differences between the grounds and conditions for recognizing the right to compensation for harm during the rehabilitation of the accused, the defendant, the convicted person and when establishing the illegality of the application of compulsory procedural measures to a person who does not have the status of a criminally prosecuted person.

УПК РФ 2001 г. на момент его введения в действие содержал целый ряд нововведений, относящихся к «общей части» уголовного процесса, его досудебному и судебному производству. Повышенное внимание еще в ходе работы с законопроектами привлекли главы об особых формах судопроизводства, предусматривающие «Особый порядок принятия судебного решения при наличии согласия подсудимого с предъявленным ему обвинением», «Срочное судебное разбирательство», «Уголовные приказы» и «Сокращенное судебное разбирательство». Не все указанные судебные процедуры были поддержаны законодателем, на что имелись разные причины. А вот такой абсолютно новый для отечественной уголовно-процессуальной кодификации институт, кратко названный одним словом «Реабилитация» (глава 18), получил в УПК РФ прописку, надо полагать не временную.

Двадцатилетний опыт применения норм главы 18 УПК РФ выявил устойчивые проблемы в уголовно-процессуальной деятельности по возмещению гражданам и юридическим лицам вреда, причиненного незаконными действиями суда, прокурора, органов расследования при производстве по уголовному делу. В плане выработки мер для устранения (нейтрализации) факторов, снижающих эффективность института реабилитации в уголовном процессе, представляет интерес информация, отражающая содержание, динамику и конкуренцию проектных норм о реабилитации в период «прохождения» проекта УПК РФ в Госдуме ФС РФ в 1996–2001 г.

Реабилитационные правоотношения, возникающие в сфере уголовного процесса, взаимодействуют с гражданскими материальными и процессуальными правоотношениями. Закон допускает применение как уголовно-процессуального, так и гражданского процессуального порядков рассмотрения требований реабилитированного. Поэтому при подготовке УПК РФ законодателю следовало определиться по целому ряду вопросов, связанных с возмещением реабилитированному, а также иным лицам вреда, причиненного незаконными действиями суда, прокурора, органа расследования. И надо сказать, в проектах УПК РФ предлагались разные варианты регулирования названной группы общественных отношений.

В главе 50 «Производство по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями суда и органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу» проекта УПК РФ, подготовленного в 1996 г. в Министерстве юстиции РФ и во многом повлиявшего на содержание итогового текста действующего УПК РФ, был реализован следующий способ регулирования реабилитационных отношений.

Во-первых, реабилитационные нормы размещены в главе 50 раздела «Особенности производства по отдельным категориям дел» проекта кодекса. Данная глава соседствует еще с тремя главами, регулирующими особенности производства по делам о преступлениях несовершеннолетних, по делам юридических лиц (авторы данного проекта УПК РФ исходили из возможности признания юридического лица субъектом преступления), по делам о применении принудительных мер медицинского характера. Очевидная разнохарактерность указанных дел (в последних трех случаях осуществляется производство по уголовному делу, в то время как в соответствии с предписаниями главы 50 проекта кодекса решение о производстве выплат по требованию реабилитированного принимается по прекращенному уголовному делу или по уголовному делу, по которому постановлен оправдательный приговор) говорит о том, что набор глав в разделе 14 «Особенности производства по отдельным категориям дел» несколько искусственен.

Во-вторых, предмет регулирования главы 50 анализируемого проекта УПК РФ образуют отношения по поводу возмещения вреда лицам, реабилитированным по уголовному делу соответствующим процессуальным решением (оправдательным приговором, постановлением о прекращении уголовного дела). Что касается возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения в связи с производством по уголовному делу, то этот вопрос не нашел решения в указанном законопроекте УПК. Вместе с тем в ч. 2 ст. 12 этого же документа предусмотрено, что вред, причиненный гражданину в результате нарушения его прав и свобод при производстве по уголовному делу, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, установленных законодательством. Данная норма является элементом принципа «Охраны прав и свобод граждан при производстве по

уголовным делам» и может применяться непосредственно, напрямую. Однако практически реализовать названное положение затруднительно ввиду отсутствия для этого надлежащей процедуры. Остается только один вариант – требовать возмещения вреда в порядке гражданского судопроизводства.

Идея компенсации вреда, причиненного в результате ошибки или злоупотребления органа, осуществляющего уголовное судопроизводство, не только реабилитированному, но и всякому лицу, незаконно подвергнутому принудительным процессуальным мерам в рамках уголовного дела, стала получать доктринальное оформление в научных источниках, опубликованных в период ведения активной работы над УПК РФ (1996–2001 г.). Профессора А.П. Гуляев и В.В. Николук выделили два направления, которые развивались в теории уголовного процесса в связи с поиском оптимальной нормативной модели возмещения вреда, причиняемого гражданам и юридическим лицам в сфере уголовно-процессуальной деятельности: 1) усиление правовых гарантий имущественных интересов лиц, реабилитированных по уголовному делу; 2) формирование правовых оснований для возмещения вреда, причиненного гражданам различными процессуальными (следственными) действиями и принудительными мерами, независимо от итогового решения по уголовному делу.

Сторонники второго направления исходят из того, что признание проведенного следственного действия или примененной меры принуждения незаконным, ошибочным уже само по себе образует достаточное основание для возникновения у любого участника процесса права на возмещение вреда. Данный подход к регулированию отношений, возникающих при причинении вреда в ходе уголовно-процессуальной деятельности, был обозначен в 1996 г. в Модельном УПК для государств-участников СНГ (ч. 6 ст. 53) [1]. В контексте разработки УПК РФ это имело определенное стратегическое значение, поскольку в президентском заключении от 22 мая 1997 г. на проект УПК РФ рекомендовалось при его доработке учесть положения Модельного УПК для государств-участников СНГ [2].

Забегаая вперед, обратим внимание на то, что содержание ч. 6 ст. 53 Модельного УПК для государств-участников СНГ 1996 г. было отражено в ч. 3 ст. 133 УПК РФ 2001 г.

Предпринимались и попытки развития указанного подхода на теоретическом уровне. Так, по мнению В.А. Азарова и С.В. Супруна, возмещение материального вреда, причиненного гражданам при производстве следственных действий, не должно увязываться с итоговым решением по уголовному делу. Необходимо создавать правовые гарантии обеспечения имущественных прав гражданина, вовлеченного в производство по уголовному делу в любом качестве – подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля или иного субъекта уголовного судопроизводства [3].

Что касается непосредственно законопроектных работ над УПК РФ, ситуация в интересующей нас части складывалась следующим образом.

В проекте УПК РФ (по состоянию на 1 июля 1999 г.), подготовленном ко второму чтению рабочей группой В.В. Киселева, выделялась глава 50 «Производство по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями суда и органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу», текст которой во многом был идентичен соответствующей главе проекта УПК РФ, разработанного в Министерстве юстиции РФ. Однако имелись и существенные отличия. Они заключались в следующем:

- специально оговаривались вопросы, подлежащие разрешению в порядке гражданского судопроизводства;
- устанавливались другие сроки для обращения реабилитированного с требованием о возмещении вреда в орган, принявший решение о его реабилитации (в пределах срока исковой давности, установленных гражданским законодательством);
- предусмотрена обязанность органа или должностного лица, принявшего решение о реабилитации, принести ему официальные письменные извинения за причиненный вред;
- указаны правила рассмотрения судом жалобы или протеста, принесенных на постановление о производстве выплат, возврата имущества или его стоимости.

Стоит подчеркнуть, что в названии рассматриваемой главы не используются термины «реабилитация» и «реабилитированный». В самом тексте статей главы 50 проекта УПК РФ 1999 г. термин «реабилитация» употребляется трижды. В ст. 6 проекта

УПК РФ 1999 г. термины «реабилитация» и «реабилитированный» не разъясняются. Из изложенного очевидно, что возникла необходимость уточнить название данной главы, в которой собственно и не идет речи о производстве по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями суда и органов, осуществляющих расследование по уголовному делу. Предстояло согласовать ст. 6 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» и главу 50 проекта УПК РФ 1999 г. в связи с введением понятия «реабилитация».

Надлежит обратить внимание и на следующее положение проекта УПК РФ 1999 г. В ч. 3 ст. 13 «Охрана прав и свобод человека и гражданина при производстве по уголовным делам» предлагалось предусмотреть, что вред, причиненный лицу незаконными действиями и решениями должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством РФ. В силу общего характера данного положения можно его трактовать таким образом, что оно охватывает и случаи обеспечения имущественных прав гражданина, вовлеченного в производство по уголовному делу не в качестве уголовно-преследуемого лица. Однако это только предположение.

В проекте УПК РФ, подготовленного рабочей группой Е.Б. Мизулиной и принятого во втором чтении 20 июня 2001 г., вопросы реабилитации и возмещения вреда лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения при производстве по уголовному делу, получили дальнейшую детализацию, содержательные изменения, а сама глава, посвященная указанным вопросам и фигурировавшая в предыдущих проектах как «Производство по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями суда и органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу», под новым названием «Реабилитация» перемещена в часть первую Кодекса «Общие положения». Текст главы 18 «Реабилитация» проекта УПК РФ 2001 г. практически без изменений сохранился в окончательной редакции УПК РФ, принятой Госдумой 22 ноября 2001 г.

Итак, в УПК РФ 2001 г. впервые за всю историю существования отечественного кодифицированного уголовно-процессуального законодательства, включая Устав уголовного судопроиз-

водства 1864 г., в рамках самостоятельной главы урегулированы реабилитационные отношения, вытекающие из факта оправдания подсудимого по уголовному делу. Безусловно, данное законодательное решение является прогрессивным и своевременным, хотя президентская рабочая группа, участвовавшая в подготовке текста проекта УПК РФ, выступала за исключение из уголовно-процессуального законодательства норм, связанных с порядком возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями суда и органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу [4]. Но формирование уголовно-процессуального института реабилитации не завершено, что подтверждается многочисленными изменениями и дополнениями главы 18 УПК РФ после введения Кодекса в действие.

Положения главы 18 УПК РФ «Реабилитация» подробно комментируются и исследуются правоведами вот уже в течение 20 лет. Однако «в тени» до сих пор незаслуженно остаются нормы, включенные в ч. 3 ст. 133 УПК РФ и предусматривающие право любого лица на возмещение вреда, причиненного ему незаконным применением мер процессуального принуждения в связи с производством по уголовному делу.

В немногочисленных научных источниках, в которых предпринимаются попытки интерпретировать предписание ч. 3 ст. 133 УПК РФ, справедливо отмечается отсутствие, в отличие от института реабилитации, соответствующего механизма возмещения вреда лицам, не подпадающих под категорию реабилитированных. Высказываются и суждения о том, что редакция ч. 3 ст. 133 УПК РФ некорректна и нуждается в существенном уточнении для того, чтобы распространить ее действие только на уголовно-преследуемых лиц. В частности, предлагается изложить ее в следующем виде: «Право на возмещение вреда в порядке, установленном настоящей главой, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе уголовного судопроизводства, при условии, что их применение связано с уголовным преследованием данного лица» [5].

Однако в литературе более распространенной является точка зрения о самостоятельности и независимости в главе 18 УПК РФ норм, защищающих имущественные интересы лиц, не входящих в группу участников уголовного процесса, указанных в

главе 7 УПК РФ. Исследуя правовую природу норм о возмещении вреда лицам, к которым незаконно применялись меры процессуального принуждения, Л.В. Головки обоснованно утверждает, что они не относятся «к институту реабилитации в строгом смысле и являются самостоятельным уголовно-процессуальным институтом (ч. 3 ст. 133 УПК РФ), пусть и регулируемого гл. 18 УПК РФ, именуемой «Реабилитация» [6].

Еще раньше В.В. Николюк пришел к выводу, что «закрепленные в ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ нормы дают гражданам и юридическим лицам право уже по ходу производства по уголовному делу, не дожидаясь результатов его расследования или судебного рассмотрения, предъявить в суд требование возместить причиненный им вред незаконным применением к ним мер процессуального принуждения» [7].

На страницах юридической печати обозначен и третий подход к пониманию назначения в уголовном процессе положений, скрытых в лаконичной формулировке ч. 3 ст. 133 УПК РФ. По мнению А.С. Шаталова и А.А. Крымова, в круг реабилитированных не входят обвиняемый, осужденный, преступные действия которых были переквалифицированы или из обвинения которых исключены квалифицирующие признаки, ошибочно вмененные статьи при отсутствии идеальной совокупности преступлений либо в отношении которых приняты иные решения, уменьшающие объем обвинения, но не исключающие его (например, осужденный при переквалификации содеянного со ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ), а также осужденные, мера наказания которым снижена вышестоящим судом до предела ниже отбытого. В перечисленных случаях, как считают указанные авторы, и должны применяться предписания ч. 3 ст. 133 УПК РФ [8]. Однако приведенные ситуации ближе к понятию «частичная реабилитация», которая подробно регламентируется УПК ряда стран СНГ [9].

Таким образом, мы видим, что, с одной стороны, в УПК РФ наряду с институтом реабилитации заложены основы другого процессуального института, призванного обеспечить возмещение вреда участникам уголовного процесса за любые неоправданные (незаконные) стеснения, причиненные в ходе уголовного судопроизводства. В текущий момент говорить о какой-либо сложив-

шейся доктрине по данному вопросу нет никаких оснований. Уже на первоначальном этапе ее становления заметны существенные расхождения среди исследователей в части назначения норм ч. 3 ст. 133 УПК РФ, области их возможного применения.

Несмотря на очевидную оригинальность в структуре гл. 18 УПК РФ предписаний о возмещении вреда, причиненного участникам уголовного процесса незаконным применением к ним принудительных мер, они не разъяснены в специализированном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве» [10].

Из изложенного вытекает недостаточная исследованность данного зарождающегося в УПК РФ института, явно не соответствующая его потенциальной значимости для реализации назначения уголовного судопроизводства. Необходимо специальное комплексное освещение как теоретических, так и правовых, прикладных аспектов возмещения физическим и юридическим лицам вреда, возникшего в результате незаконного применения в отношении них принудительных мер по уголовному делу. Взятая на себя государством ответственность в этой части способна превратиться в очередную декларацию, если в очередные двадцать лет в законе не будет прописан механизм работы положений ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

1. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ: рекомендательный заключительный акт. М., 1996. С. 40.

2. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сб. ст. и мат. / отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина; науч. ред. Е.Б. Мизулина. М.: Норма, 2007. С. 20.

3. Азаров В.А., Супрун С.В. Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Омск, 2001. С. 68–88.

4. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по монито-

рингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сб. ст. и мат. / отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина; науч. ред. Е.Б. Мизулина. М.: Норма, 2007. С. 745.

5. Гаврилюк Р.В., Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Реабилитация в российском уголовном процессе. Нижнекамск, 2007. С. 61.

6. Головки Л.В. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М., 2016. С. 1188.

7. Николук В.В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения. Омск, 2012. С. 137.

8. Шаталов А.С., Крымов А.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: академический курс по направлению «Юриспруденция». М., 2018. С. 303.

9. Мядзелец О.А. Особенности законодательной регламентации института реабилитации в УПК стран ближнего зарубежья // Правосудие. 2021. № 7. С.

10. Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мядзелец Ольга Александровна. Судья, кандидат юридических наук.

Второй кассационный суд общей юрисдикции (г. Москва).
121357, Российская Федерация, г. Москва, ул. Верейская, 29/34.

Myadzelets Olga Alexandrovna. Judge, Candidate of Sciences (Law).

Second Cassation Court of General Jurisdiction (Moscow).
121357, Russian Federation, Moscow, Vereyskaya st., 29/34.

Ключевые слова: уголовный процесс; реабилитация; реабилитированный; меры процессуального принуждения; вред; незаконный; производство по уголовному делу.

Keywords: criminal process; rehabilitation; rehabilitated; measures of procedural coercion; harm; illegal; criminal proceedings.

Николюк В.В.

**ПОЧЕМУ УПК РФ НЕ МОГ БЫТЬ ДРУГИМ?
(К 20-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ КОДЕКСА)**

**WHY COULD THE RF CRIMINAL PROCEDURE
CODE NOT BE DIFFERENT?
(TO THE 20th ANNIVERSARY
OF THE ADOPTION OF THE CODE)**

По истечении 20 лет с момента принятия и введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации автор решил рассмотреть условия и использованные технологии работы законодателя с соответствующими проектами. На основе анализа документов, в том числе стенограмм, зафиксировавших позиции участников законодательного процесса, в статье реконструируются этапы прохождения проектов УПК РФ в Государственной Думе Федерального Собрания РФ, растянувшиеся на 5 лет (1996–2001 годы). Объясняется отсутствие преемственности процессуальных кодексов 1960 г. и 2001 г., отмечается неэффективность парламентских слушаний как формы апробации проекта УПК РФ.

After 20 years have passed since the adoption and implementation of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the author decided to consider the conditions and technologies used by the legislator to work with the relevant projects. Based on the analysis of documents, including transcripts, which recorded the positions of the participants in the legislative process, the article reconstructs the stages of passing the draft Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, stretching over 5 years (1996–2001). The lack of continuity of the procedural codes of 1960 and 2001 is explained, the ineffectiveness of parliamentary hearings as a form of approbation of the draft Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is noted.

Предваряя анализ документов, раскрывающих технологию подготовки и принятия законодателем УПК РФ, обратим внима-

ние на весьма интересную позицию судьи Конституционного Суда Российской Федерации, высказанную им в особом мнении по делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком». Суть ее в следующем: при законодательном регулировании вопросов уголовного процесса от законодателя требуется системный подход к пониманию уголовного процесса, его целей и задач, функций, основных этапов, соотнесенных со статусом каждого из участников уголовного процесса. Решение многих вопросов зависит от общей модели уголовного процесса и определения в нем места, роли, статуса суда, органов дознания, следователя, прокурора, подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), потерпевшего [1].

Если бы специалисты и другие участники законодательной процедуры строго придерживались этих правил, то разделы, главы, статьи, нормы УПК удалось бы максимально согласовать, избежать в нем излишних внутренних отсылок, осложняющих правоприменение, в целом упростить конструкцию закона.

Как показывает многолетний опыт, в первоначальном тексте, введенном с 1 июля 2002 г. в действие УПК РФ, а затем и в нормативном массиве, формирующемся и разрастающемся в кодексе в результате вносимых в него изменений и дополнений, не обеспечено системное единство. Отсюда в правоприменении возникает множество ситуаций, обозначаемых перед Конституционным Судом Российской Федерации как не соответствующие принципу правовой определенности [2]. Вследствие этого (разумеется, и по другим причинам) в УПК РФ образовались и продолжают возникать пробелы и коллизии, препятствующие единообразному применению закона.

Предмет исследования настоящей статьи определялся с учетом известных специалистам и общественности результатов практического применения УПК РФ в течение двух десятилетий, его модернизации, толкования норм УПК РФ Верховным Судом РФ и Конституционным Судом РФ, доктринального освещения в тысячах публикаций с различной степенью обстоятельности и объективности большинства институциональных и частных (спе-

циальных) вопросов уголовного процесса. Автор стремился избежать повторений, дублирования уже известных фактов, положений, комментариев, достаточно накопившихся в юридической литературе, либо посмотреть на эти факты нестандартно. В статье обращается внимание на несколько причин, существенно повлиявших на содержание УПК РФ 2001 г. и его техническое исполнение.

Установка на разрыв с советским законодательством об уголовном судопроизводстве и слабая преемственность между процессуальными кодексами 1960 г. и 2001 г. – одни из главных причин отсутствия внутреннего единства в УПК РФ, размывания в нем основного вида судопроизводства.

В Концепции о судебной реформе в РСФСР, которой придана легитимность постановлением Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г., отечественный уголовный процесс был признан находящимся в жесточайшем кризисе, удостоен крайне негативных оценок. Фактически в данном документе речь шла о ликвидации действовавшего в тот период уголовно-процессуального законодательства, создании принципиально нового кодекса на «началах подлинной состязательности» и отмежевания его от УПК РСФСР 1960 г. К сожалению, именно данный подход в итоге и определил содержание кампании по реформированию российского уголовного судопроизводства на рубеже XX–XXI веков. В результате были целенаправленно отвергнуты многие положительно зарекомендовавшие себя «советские» уголовно-процессуальные институты и компактные нормативные образования (предусмотренный УПК РСФСР (ст. 232) институт возвращения судом уголовного дела для дополнительного расследования был логичен и прозрачен как самостоятельное нормативное образование, имел ясную структуру (решение суда; компетенция прокурора; порядок действий следователя; повторное поступление дела прокурору и в суд). Будучи «запрещенным» в УПК РФ, он как необходимый уголовно-процессуальный механизм материализовался в другой нормативной конструкции – «возвращение уголовного дела прокурору», базирующейся на положениях ст. 237 УПК РФ. Руководствуясь ими, прокурор и органы расследования стали действовать фактически в прежнем режиме дополнительного расследования, хотя это не вполне соответствует це-

лям возвращения уголовного дела в досудебное производство) [3]. Последовало размывание основного вида уголовного судопроизводства под «прикрытием» курса на дифференциацию уголовного процесса, объявленного как вполне закономерного и объективно обусловленного («дифференциация – тренд российского уголовного судопроизводства»), хотя существуют ограничители (пределы) как усложнения, так и упрощения уголовного процесса.

После пяти лет действия УПК РФ П.В. Крашенинников и Е.Б. Мизулина совершенно безосновательно обвиняли уже поверженный УПК РСФСР 1960 г. (называя его ошибочно УПК РФ 1961 г.) в том, что он «был пронизан духом борьбы с преступностью и различия между виновным и обвиняемым не производил» [4]. Во вступительной статье к изданному в 2007 г. в связи с пятилетием принятия УПК РФ сборнику материалов С.М. Мионов, занимавший в то время пост Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, не без гордости за проведенную в стране реформу уголовного правосудия подчеркивал: «... на протяжении всего советского периода своей истории советский уголовный процесс являлся частью механизма политических репрессий, использовался для борьбы с политическими противниками советской власти. Такие ценности, как справедливость, правосудие, были чужды идеологии советского уголовного процесса» [5].

Чиновникам-законодателям, возвращенным советским государством, словно невдомек, что уголовный процесс – единственная разрешенная государством форма реализации норм уголовного права. Поэтому в законодательстве об уголовном судопроизводстве концептуально должен получить закрепление, с одной стороны, механизм контроля над преступностью, с другой – механизм надлежащей правовой процедуры. Обе законодательные конструкции не могут противопоставляться; между ними должен быть достигнут баланс. Упрекать уголовно-процессуальный закон в крене к модели «контроля над преступностью» так же нелепо, как и обвинять его в увлечении моделью «надлежащей правовой процедуры».

Высказанных в адрес УПК РСФСР 1960 г. упреков, обвинений, недостатков – множество, и можно было бы продолжить их

перечисление. Но есть ли в этом смысл? Думается, что нет, если обратиться к следующим примерам.

По нашему мнению (автор статьи приступил к научным исследованиям в области уголовного процесса в 1977 г. и опирался в доктринальных разработках на УПК РСФСР более четверти века), УПК РСФСР сам по себе не мог быть и не являлся инструментом «расправы с политическими противниками», не «игнорировал принцип презумпции невиновности», не «сковывал независимость судов» и не выступал фактором, дестабилизирующим социально-политическую ситуацию в обществе. Для проведения кампании так называемых «посадок» конкретных категорий лиц соответствующим «специалистам» не мешает любой, даже самый прогрессивный, демократический уголовно-процессуальный закон. Поэтому надо разграничивать два взаимосвязанных, но самостоятельных вопроса: качество закона и практика его применения.

Что касается преемственности УПК РСФСР и УПК РФ как одного из принципов кодификации, то она, к сожалению, реализована в недостаточном объеме, притом, что по своим техническим характеристикам (законодательная техника) УПК РСФСР, как представляется, смотрится предпочтительнее УПК РФ.

Так, по ходу принятия УПК РФ, особенно на этапе подготовки его ко второму чтению, высказывались неоднократные предложения сформулировать задачи уголовного процесса (их содержание, приоритетность) по опыту их нормативного выражения в ст. 2 УПК РСФСР. Однако, чтобы лишний раз подчеркнуть замену советской обвинительной модели уголовного процесса на принципиально новую состязательную конструкцию, исключающую участие следствия в борьбе с преступностью, подобные здравые предложения были заблокированы. При этом были проигнорированы позиции многих известных отечественных ученых, адвокатов-правозащитников и даже зарубежных экспертов Совета Европы, указавших в отношении ст. 6 проекта УПК РФ следующее: «Не может быть никакого сомнения в том, что, в первую очередь, задачей уголовного процесса является установление факта преступления, розыск подозреваемого и проведение беспристрастного судебного разбирательства с целью установить виновность подсудимого и назначить ему наказание» [5, с. 9].

Положения же ст. 6 УПК РФ обходят стороной защиту публичных по своей природе интересов всего общества и не отражают неразрывную связь уголовного процесса и материального уголовного права [6].

Что касается тезиса «следствие не является инструментом борьбы с преступностью», то он противоречит и здравому смыслу, и закону. Если следователь обязан возбуждать уголовные дела, раскрывать и расследовать преступления, создавая тем самым условия для проведения судебного разбирательства уголовного дела, то как можно утверждать, что он не противодействует преступности? Все преступники, отбывшие или отбывающие наказание, в обязательном порядке «прошли через следователя».

Термин «раскрытие преступления» носит базовый характер для института заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и фигурирует в гл. 40.1 УПК РФ. Феномен «раскрытия преступления» многогранен, имеет нормативное закрепление в ряде законов (Закон «О полиции», Закон «Об ОРД», УК РФ, УПК РФ). В условиях действия УПК РФ раскрытию преступления как уголовно-процессуальной категории неоправданно мало уделяется внимания в науке уголовного процесса из-за отказа разработчиков кодекса второй волны поставить перед уголовным судопроизводством в качестве одной из задач раскрытие преступлений. Безусловно, категория «раскрытие преступлений» должна быть восстановлена в УПК РФ и должна получить в нем надлежащее правовое регулирование.

УПК РФ – продукт нескольких концептуально разных проектных документов. Базовый проект УПК РФ, который был принят Думой в первом чтении 6 июня 1997 г., готовился комитетом по законодательству и судебно-правовой реформе с февраля 1996 г. (рабочая группа В.В. Киселева). 1 июля 1999 г. рабочая группа завершает подготовку проекта УПК РФ ко второму чтению, которое состоится только через два года, и обсуждаться будет принципиально иной документ, представленный уже новой командой.

С 13 апреля 2000 г. рабочую группу комитета по законодательству по подготовке проекта УПК РФ возглавила Е.Б. Мизулина. 25 мая 2001 г. такая работа завершена; 20 июня 2001 г. проект УПК РФ принимается во втором чтении.

В связи с внесенными 20 октября 2001 г. Президентом РФ в Госдуму поправками к проекту УПК РФ последний возвращается к процедуре второго чтения, состоявшегося 22 ноября 2001 г. Более того, в этот же день законодатели принимают проект УПК РФ и в третьем чтении. «Чтецы» в течение рабочего дня умудрились проделать (если они следовали регламенту (а соблюдать его они были обязаны)) невероятный объем работы, непосильный для среднестатистического человека.

Особенностью подготовки проекта УПК РФ является функционирование с 28 ноября 2000 г. рабочей группы по вопросам совершенствования законодательства о судебной системе, образованной в Администрации Президента РФ (руководитель – Д.Н. Козак), сфокусировавшей свои усилия на качестве текста проекта УПК РФ. Дважды (4 июня и 28 октября 2001 г.) Президент РФ направлял в Думу поправки к проекту УПК РФ, поэтому, соответственно, в первом и втором чтениях, большинство из которых в том или ином виде реализованы в окончательном варианте УПК РФ.

Таким образом, принятый 22 ноября 2001 г. УПК РФ фактически «кроился» из трех законопроектных документов, подготовленных разными рабочими группами с разной целевой установкой. В распоряжение рабочей группы Е.Б. Мизулиной поступил принятый в первом чтении и подготовленный предыдущей рабочей группой ко второму чтению проект УПК РФ, что избавляло от необходимости разрабатывать его с чистого листа и проводить по нему процедуру первого чтения, при этом изменив его концептуально. Будучи разбавленным президентскими поправками, эклектичный текст проекта УПК РФ в итоге и предстал перед нами в виде одного из самых изменяемых и критикуемых российских законов.

Манипулирование стадиями законотворческого процесса. Участниками парламентских слушаний по обсуждению проекта УПК РФ неоднократно обращалось внимание на нарушения регламента работы Госдумы и ее комитетов. Суть и последствия таких нарушений выражаются в следующем.

Одобренная и принятая Госдумой в первом чтении версия УПК РФ (6 июня 1997 г.) означает, что концептуально она не может быть пересмотрена во втором чтении. Выступая на парламент-

ских слушаниях 16 апреля 2001 г., председатель комитета по безопасности В.И. Илюхин заметил, что фактически все же предпринимаются попытки пересмотреть концепцию проекта УПК РФ, поддержанную в рамках первого чтения законопроекта, что согласно регламенту допускается только при первом чтении [5, с. 672].

В заключении Правового управления Аппарата Думы от 15 июня 2001 г. на представленный на правовую экспертизу проект УПК РФ, подготовленный ко второму чтению (вариант от 31 мая 2001 г.), прямо указывалось, что целый ряд его норм и положений существенным образом видоизменяет концептуальные основы данного проекта, принятого в первом чтении 6 июня 1997 г.: в рассматриваемом проекте совершенно по-иному определяются задачи уголовного судопроизводства; заметно меняется процессуальное положение следователя и дознавателя (а в некоторых случаях – и прокурора), которые в представленном проекте кодекса неосновательно включаются в состав «стороны обвинения», хотя при первом чтении они являлись субъектами осуществления уголовного судопроизводства и относились к государственным органам и лицам, участвующим в уголовном процессе; из сферы уголовного процесса полностью исключается институт народных заседателей; в главе 53 проекта, регламентирующей особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц, на судей возлагается абсолютно несвойственная функция, связанная с дачей согласия на возбуждение уголовного дела в отношении этих лиц и привлечение их к уголовной ответственности, что входит в прямое противоречие с конституционным принципом равенства граждан перед законом и судом, а также основными принципами уголовного судопроизводства.

Если иметь в виду, что при рассмотрении законопроекта в первом чтении обсуждаются его основные положения, необходимость принятия, дается общая оценка концепции, то придется признать, что целый ряд вопросов, отражающих суть концепции будущего УПК РФ, подлежал рассмотрению по процедуре первого чтения, для чего следовало к ней вернуться.

Низкое качество законопроектов, формальное их обсуждение. Этот недостаток в ходе обсуждения депутатами Думы, учеными и практическими работниками проектов УПК РФ фиксируется

вался как применительно к тексту условно называемой «Общей части» кодекса, так и в отношении большинства его разделов, глав. В заключении Правового управления Думы от 15 июня 2001 г. в этой части проекту УПК РФ даны следующие оценки:

– многие положения проекта УПК РФ не согласуются с соответствующими нормами УК РФ и УПК РФ, а также ряда федеральных конституционных и федеральных законов;

– проект кодекса нельзя признать удачным с точки зрения структуры и последовательности его изложения (правовой статус, права и обязанности многих участников уголовного судопроизводства, процедура их реализации, а также регламентация одних и тех же вопросов, будучи раздробленными, нередко приводятся в разных разделах и главах, в связи с чем текст проекта явно перенасыщен внутренними отсылками, причем зачастую без всякой на то необходимости); столь усложненная конструкция кодекса может серьезно осложнить его правильное и четкое использование правоприменителем при принятии соответствующих процессуальных решений;

– как и предыдущие варианты, рассматриваемый проект кодекса содержит массу технических погрешностей: в его невыверенном тексте отсутствует единая терминология, которая бы соответствовала основным понятиям, использованным в данном проекте; текст проекта не имеет единой сквозной нумерации, изобилует ошибочными отсылками, внутренними противоречиями и повторами одних и тех же положений;

– лингвистическая экспертиза проекта УПК РФ проведена, однако замечания и предложения отдела лингвистической экспертизы законопроектов Правового управления Аппарата Думы Комитетом Думы по законодательству востребованы не были.

Участники парламентских слушаний по обсуждению проекта УПК РФ в своих выступлениях, наряду с анализом содержательных аспектов данного документа, не меньше внимания обращали на неудовлетворительное качество многих проектных норм с точки зрения их техничного исполнения (законодательной техники). Кроме того, они были лишены возможности предварительно ознакомиться с соответствующими документами, которые, как заметил постоянный участник таких слушаний, представитель Администрации Президента РФ М.С. Палеев, получались

за пять минут до начала заседания [5, с. 650]. Регламент слушаний отводил выступающим семь минут для изложения своей позиции, что объективно затрудняло детальное обсуждение (как показывает содержание стенограмм парламентских слушаний, редко кто из вступающих укладывался в установленный лимит времени) спорных положений проекта УПК РФ. Некоторые авторитетные ученые-процессуалисты (К.Ф. Гуценко и др.) открыто заявляли, что их используют в рабочей группе в качестве статистов, не прислушиваются к их мнению даже тогда, когда оно отражает позицию большинства экспертов.

В заключение надлежит отметить, что в результате кодификации 2001 г. формальный и во многом фактический разрыв с советской уголовно-процессуальной эпохой наступил. Однако последняя уголовно-процессуальная кодификация, если принять во внимание последовавшие после нее по принципу «снежного кома» бесчисленные новации в законодательстве об уголовном судопроизводстве и судоустройстве, способствовала, как выразился Л.В. Головкин, не стабилизации, а дестабилизации отечественного уголовного процесса [7]. И в этом трудно увидеть влияние советского уголовного процесса, чьи достижения оказались невосребованными при подготовке и принятии УПК РФ, а перенос норм из УПК РСФСР в УПК РФ без изменения их содержания воспринимался участниками законодательного процесса как признак дурного тона.

Символическая, виртуальная преемственность между процессуальными кодексами 1960 г. и 2001 г., формирование содержания УПК РФ на основе нескольких концептуально разных проектных документов, стирание границ между принципиально отличающимися стадиями законотворческого процесса (процедуры первого и второго чтения), формальный подход к рассмотрению институциональных проблем уголовного судопроизводства и фактическое игнорирование в этой части позиций уголовно-процессуальной доктрины, – вот далеко не все факторы, определившие внутреннее наполнение и внешний облик УПК РФ. При сложившихся тогда условиях он вряд ли мог быть другим.

1. Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 23 марта 1999 г. № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Сидоренко М.В. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 15-18.
3. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Возвращение уголовного дела прокурору. Омск, 2021. С. 122.
4. Крашенинников П.В., Мизулина Е.Б. Как создавался УПК РФ // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина / науч. ред. Е.Б. Мизулина. М.: Юрист, 2006. С. 35.
5. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сб. ст. и мат. / отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина; (науч. ред. Е.Б. Мизулина). М.: Норма, 2007. С. 9, 672, 650.
6. Кондратьев С. А. Роль суда на этапе назначения наказания в уголовном процессе Англии и США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 20.
7. Головкин Л.В. УПК Российской Федерации 2001 года как кодификация: «эффект кристаллизации» или «эффект размывания»? // Законы России. 2021. № 6. С. 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Николюк Вячеслав Владимирович. Главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член НКС при Верховном Суде Российской Федерации.

Российский государственный университет правосудия.

117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69.

Nikolyuk Vyacheslav Vladimirovich. Principal Research Scientist of the Research Center for the Study of Justice Problems, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Member of the Scientific Advisory Council at the Supreme Court of the Russian Federation.

Russian State University of Justice.

117418, Russian Federation, Moscow, Novocheremushkinskaya st., 69.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовно-процессуальный кодекс; реформа; законодатель; стадия законодательного процесса; парламентские слушания.

Keywords: criminal process; Code of Criminal Procedure; reform; legislator; stage of the legislative process; parliamentary hearings.

УДК 343.1

Павлов Д.В.

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ
И ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИИ
О ВОВЛЕЧЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

**CRIMINAL PROCEDURAL FEATURES
OF THE INITIAL VERIFICATION AND DOCUMENTATION
OF INFORMATION ABOUT THE INVOLVEMENT
OF A MINOR IN THE COMMISSION OF A CRIME
AND ANTI-SOCIAL ACTIONS**

В статье проанализированы особенности выявления и документирования информации о преступлениях, предусмотренных ст. 150 и 151 УК РФ, а также требования, предъявляемые к

правоохранительным органам на стадии рассмотрения материалов в рамках предварительной проверки.

The article analyzes the features of identifying and documenting information about crimes under Articles 150 and 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the requirements for law enforcement agencies at the stage of reviewing materials as part of a preliminary check.

Первоначальным этапом, предваряющим любое расследование, является проверка полученной информации о преступлении. Уголовно-процессуальный закон не предусматривает самостоятельного действия, связанного с регистрацией поступившего сообщения о преступлении, указывая лишь на необходимость его проверки после приема. Однако важность регистрации информации о преступлении связывается не только с тем, что именно с момента фиксации сообщения начинают истекать установленные законом сроки стадии возбуждения уголовного дела, но и с тем обстоятельством, что на основе полученных данных формируется ситуация, позволяющая выработать будущую технологию непосредственно самого расследования [1. с. 21]. Учитывая это, можно утверждать, что необходимость и обоснованность осуществления правоохранительными органами первоначальной проверки информации во многом будет зависеть именно от установления в полученном заявлении или сообщении о каком-либо событии наличия признаков преступления.

Изложенное позволяет свидетельствовать, что именно установление указанных признаков противоправного деяния является исходным моментом, определяющим последующие действия, которые помимо регистрации поступивших сведений в установленном законом порядке [3] будут включать в себя:

- обязательную дифференциацию материалов, полученных в ходе первоначальной проверки;
- оценку содержания полученных данных на их полноту, достоверность и относимость к исследуемым обстоятельствам;
- фиксирование результатов осмотра места происшествия, проводимого в неотложном порядке до возбуждения уголовного дела.

Одна из главных особенностей первоначального этапа расследования, относящегося к проверке информации о преступлении, связана с тем, что в этот период совокупность полученных сведений о событии преступного деяния по существу соответствует полному отражению совершенного преступления. Вместе с тем, лицо, осуществляющее проверку, всегда сталкивается с множеством препятствий на пути установления необходимых сведений и в первую очередь ограниченностью источников, допускаемых законом, а равно и многими иными объективными и субъективными факторами, существующими на начальном этапе проверки, что делает невозможным в реальности полное совпадение.

Исходя из этого, круг источников первичной информации о событии преступления может включать в себя:

а) сведения о лице или лицах, при подаче группового заявления от которых поступила первичная информация;

б) сведения об иных лицах, обладающих какой-либо информацией о событии и способных удостоверить установленные факты или дать по ним дополнительную информацию;

в) документы и предметы, свидетельствующие на сделанные связь с первоначальной гипотезой (непонятно; скорее всего, имелось в виду – «свидетельствующие о связи с первоначальной гипотезой»);

г) результаты, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности.

При совершении преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетнего в акт преступления или антиобщественных действий, фиксирование информации осуществляется в соответствии с положениями ст. 140 УПК РФ, которая достаточно четко регламентирует процедуру ее предоставления.

Как свидетельствует практика расследования указанных преступлений, в абсолютном большинстве случаев информация о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий формируется материалами, являющимися результатом работы инспектора по делам несовершеннолетних и материалами уголовного дела, собранными при расследовании другого преступления, соучастниками которого являлись несовершеннолетние.

В первом случае высокому уровню выявления фактов преступного поведения со стороны взрослых способствует специфическая деятельность, связанная с решением задач, стоящих перед инспектором, как правило, профилактического характера, таких как установление и постановка на профилактический учет неблагополучных семей, а также взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с учреждениями и организациями, обеспечивающими обучение и воспитание. В качестве основных источников предоставления значимой информации традиционно выступают педагоги и администрация школ, гимназий и лицеев, работники детских дошкольных учреждений, психолого-социологических и кризисных центров.

Во втором случае можно говорить о наличии характерной черты преступности лиц несовершеннолетнего возраста, а именно – совершение преступлений в составе группы.

Анализ уголовных дел по ст. 150 и 151 УК РФ свидетельствует о том, что наиболее часто в качестве вовлечателей выступают родственники, знакомые, а также лица из числа ранее судимых за совершение различных преступлений, с которыми знакомы несовершеннолетние. При этом, вовлекая несовершеннолетних в совершение преступления, 95,3 % взрослых преступников сами являлись непосредственными исполнителями. Почти половина вовлечателей (40 %) ранее была осуждена за совершение краж, 18,6 % лиц имели судимость за совершение грабежей, 11,2 % – за разбой, 13,3 % – за совершение хулиганства [2. с. 113].

Результатом проведенной проверки первичной информации будет являться принятие одного из трёх следующих решений:

- 1) решение о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству;
- 2) решение о направлении первичных материалов или уголовного дела для расследования другому органу по подследственности;
- 3) решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Следует отметить, что, несмотря на достаточную конкретизацию действий всех участников процессуальной деятельности относительно непосредственного процесса расследования, процессуальный закон никак не регулирует порядок собирания и закрепления материалов в процессе проверки заявлений и сообще-

ний о преступлениях, относящийся к первоначальному этапу, что, на наш взгляд, в определенных условиях может выступать в качестве препятствия для всестороннего и грамотного расследования.

Вместе с тем можно утверждать, что эффективность будущего расследования всецело зависит от непосредственно доследственной ситуации, способствующей формированию границ первоначальной проверки, определяя выбор криминалистических средств, приемов и методов, способных обеспечить выполнение задач, относящихся к стадии возбуждения уголовного дела.

В качестве особенностей методики первоначальной проверки информации о вовлечении несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий следует отметить:

- задачи и пределы проводимой проверки;
- приемы и средства, реализуемые на данном этапе;
- методы проводимой проверки;
- уголовно-правовые и криминалистические особенности преступлений, предусмотренных ст. 150 и ст. 151 УК РФ;
- особенности поступившей информации об указанных преступлениях;
- своеобразие ситуаций доследственного характера.

Важными условиями, позволяющими успешно решать вопросы по раскрытию рассматриваемых преступлений, будут выступать быстрое обнаружение его признаков и безотлагательное возбуждение уголовного дела, способствуя сокращению времени между совершенным деянием и определением ответственности за его совершение, отражаясь в том числе и на профилактике и предупреждении совершения преступлений.

В этой связи все первичные материалы, поступающие в правоохранительные органы, о преступлениях, связанных с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий, представляется возможным разделить на две самостоятельные группы:

1. Первую группу образуют материалы, не нуждающиеся в предварительной проверке и являющиеся достаточными для решения вопроса о возбуждении уголовного дела либо отказа в его возбуждении.

2. Ко второй группе будут относиться материалы, требующие производства предварительной проверки. Причем материалы, требующие предварительной проверки, требуют своего разделения на подгруппы по предмету, среди которых необходимо выделить следующие:

а) установление точного возраста лица на момент совершения преступления;

б) установление способа вовлечения в преступление или антиобщественную деятельность;

в) получение информации о здоровье несовершеннолетнего;

г) определение статуса субъекта преступления, вовлечателя (не совершено ли вовлечение несовершеннолетнего в преступление и антиобщественные действия лицом, на которого законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего и т.д.);

д) имело ли место при совершении указанных преступлений насилие или угрозы его применения и т.д.

Практическое значение представленного деления позволяет в кратчайшие сроки не только выявить признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий, но и обеспечить, как это отмечалось, максимальное сокращение времени между совершением преступления, получением первоначальной информации и началом расследования.

Материалы второй группы, как правило, нуждаются в комплексе действий, предшествующих обоснованному решению вопроса, принимаемому по заявлению или сообщению о совершенном или подготавливаемом преступлении. На этой базе вырабатываются версии и разрабатывается план их проверки, а также определяется круг вопросов, требующих своего выяснения по средствам практических действий. К кругу таких вопросов можно отнести: выход на место происшествия и его осмотр; получение объяснений лиц, подтверждающих или опровергающих исходную информацию; изучение необходимых документов, а также дача в необходимых случаях поручения специалистам провести исследование с целью получения необходимой информации; проведение оперативно-розыскных мероприятий и другие.

Таким образом, можно свидетельствовать, что при проведении первоначальной проверки поступившей в правоохранитель-

ные органы информации основная задача не сводится к сбору исчерпывающего объема сведений обо всех фактах вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и антиобщественных действий. Деятельность на данном этапе в своей основе направлена на установление лишь тех данных, которые однозначно указывают на признаки конкретного преступления и наличие которых должно быть достаточным для решения основного вопроса – вопроса о возбуждении уголовного дела. Дальнейшее расследование по уголовному делу может способствовать постановке новых задач, связанных с установлением иных обстоятельств, имеющих значение для дела, которые будут устанавливаться следственным путем.

1. Данильян С.А. Организационно-тактические особенности расследования незаконного оборота наркотических средств. Краснодар, 2000. С. 21.

2. Павлов Д.В. Особенности выявления, расследования и противодействия вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий. Ленинградская область, 2020. С. 25–26.

3. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 // Рос. газ. 2014. 14 нояб. № 260.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлов Дмитрий Владимирович. Заместитель начальника кафедры общеправовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России.

188662, Российская Федерация, Ленинградская область, г. Мурино, ул. Лесная, 18-а.

Pavlov Dmitriy. Deputy Head of the Chair of Common Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law).

Leningrad branch of St. Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia.

188662, Russian Federation, Leningrad district, Murino, Lesnaya st., 18a.

Ключевые слова: первоначальная проверка информации; документирование; поводы и основание для возбуждения уголовного дела; преступления в отношении несовершеннолетних.

Keywords: initial verification of information; documentation; reasons and grounds for initiating a criminal case; crimes against minors.

УДК 342.6

Павлов Д.В., Петраков С.В.

**ДОПУСТИМОСТЬ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ
(НЕДОСТОВЕРНОСТИ) ПОКАЗАНИЙ УЧАСТНИКОВ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА
ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ЭКСПЕРТА**

**THE ADMISSIBILITY OF DETERMINING THE
RELIABILITY (UNRELIABILITY) OF THE TESTIMONY
OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS
BY THE EXPERT'S CONCLUSION**

В статье анализируется место и значимость определения достоверности/недостоверности показаний участников уголовного судопроизводства при расследовании уголовного дела со стороны эксперта. Рассматриваются предложения относительно совершенствования существующих экспертиз, по вопросам установления истинности показаний участников судопроизводственной деятельности.

The article analyzes the place and significance of determining the reliability/unreliability of the testimony of participants in criminal

proceedings during the investigation of a criminal case by an expert. Proposals are being considered to improve the existing expert examinations on the issues of establishing the truth of the testimony of participants in judicial activity.

Основу всех процессуальных решений, принимаемых субъектами уголовного судопроизводства, составляет оценка доказательств. Ежегодно суды общей юрисдикции осуществляют оценку при вынесении итоговых решений почти миллиону уголовных дел, поступающих к ним. При этом реальное количество осуществления оценки намного превышает указанную цифру вследствие того, что наравне с принятием итоговых решений возникает необходимость принятия решений еще на досудебных стадиях, связанных как с возбуждением уголовного дела, избранием меры пресечения, привлечением лица в качестве обвиняемого, так и с принятием решений частного характера, например: производство обыска, выемки, освидетельствования и т.п. [2. с. 51–55] И в каждом конкретном случае принятию решения субъектами, осуществляющими доказывание, предшествует оценка того или иного события, действия. В этой связи практически невозможно переоценить вклад оценки доказательств в уголовный процесс при отправлении судопроизводства, где немаловажное место занимает процесс определения достоверности показаний участников уголовного процесса заключением эксперта.

В методологии судебной психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы выделяют несколько базовых положений, лежащих в основе экспертной практики. К ним, в частности, относятся самостоятельные феномены и предметы исследования:

1) потенциальная способность и возможность субъекта правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания;

2) установление факторов, влияющих на эту способность и возможность.

Вместе с тем, сами показания оценке со стороны эксперта, как правило, не подвергаются, так как достоверность показаний определяет суд при непосредственном исследовании их в судебном заседании. Как отмечают отдельные авторы, в деятельности

суда нередко возникают ситуации, когда при рассмотрении уголовного дела возникает обоснованная необходимость определения признаков «психологической достоверности» показаний.

Так, в частности, В.Ф. Енгальчев, Г.К. Кравцова и Е.Н. Холопова делают попытку методологически обосновать методику анализа достоверности свидетельских показаний по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, отмечая практическую значимость данного анализа. Как отмечают авторы, указанный вид экспертного исследования, с одной стороны, может существенно повысить качество судебного разбирательства, позволяя увеличить возможности установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а с другой – способствовать увеличению общей компетентности сотрудников, осуществляющих уголовное преследование, при этом приобретающих необходимые навыки выявления ложных показаний при производстве следственных действий [1. с. 42–43].

В частности, указанными авторами предлагается использовать наравне с исследованием показаний подозреваемого или обвиняемого анализ содержательных особенностей предоставляемых им сведений – например, поведение в процессе осуществления следственного действия, его эмоций, а также различных эмоциональных проявлений лица с учетом личностных, индивидуально-психологических особенностей. Основываясь на вышеизложенных элементах, формируется и структура «частной экспертной методики», которая будет включать в себя:

- 1) психологический анализ материалов уголовного дела;
- 2) психологический анализ коммуникативного взаимодействия подэкспертного с участниками видеозаписи и определение «фонового» состояния допрашиваемого лица;
- 3) психологический анализ вербальных и невербальных проявлений подэкспертного и его психоэмоционального состояния;
- 4) сравнительный анализ информативно-смыслового содержания показаний подэкспертного обстоятельств, имеющих уголовно-релевантное значение, и его невербального реагирования.

В итоге основой экспертной методики является анализ вербальных и невербальных составляющих показаний, где одно из центральных методических средств – «оценка валидности утверждений». Авторами данной методики (оригинальное название ме-

тодики – «анализ качества высказываний») являются немецкие психологи М. Штеллер и Г. Кёнкен, предложившие ее в 1989 г.[3]

В ходе научных дискуссий неоднократно высказывалась и аргументировалась позиция, в соответствии с которой потенциал судебно-психологических исследований достоверности показаний как с точки зрения методологии, так и с точки зрения научной обоснованности не является достаточным, учитывая требования, предъявляемые к проведению судебных экспертиз.

Вместе с тем такие экспертизы назначаются следователями и проводятся исключительно платно отдельными специалистами ряда образовательных учреждений, а также частными организациями, извлекающими коммерческую выгоду.

Выводы таких экспертиз по причине недостаточности научной и методической базы для их проведения, а также квалификации «платных» экспертов в практике следственных органов и судов вызывают обоснованные сомнения.

В научных кругах неоднократно приходят к выводам о необходимости разработки основанной на единых методических принципах и эмпирической базе типовой экспертной методики для оценки по видеозаписи достоверности показаний участников уголовного судопроизводства. Данные выводы во многом повторяют резолюцию международной научно-практической конференции «Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей», состоявшейся 16 марта 2017 г. в Российском государственном университете правосудия при широком представительстве экспертного сообщества и судебного корпуса.

В настоящее время, с учетом того, что эксперт в уголовном процессе не уполномочен делать вывод о достоверности или недостоверности показаний, существуют следующие рекомендации:

- 1) случаи назначения экспертиз по видеозаписям следственных действий для определения достоверности показаний участников уголовного судопроизводства сделать исключительными; назначение платных экспертиз такого вида независимо от их стоимости согласовывать с центральными аппаратами органов расследования;

2) в расследовании преступлений отдавать приоритет использованию других процессуальных способов участия специалистов-психологов в исследовании показаний участников уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, проведенный нами сбор эмпирических данных показал, что соответствующие экспертизы назначаются в практике. Было установлено два факта назначения психолого-лингвистической экспертизы по материалам видеозаписи:

1) отказ лица, давшего показания при производстве следственного действия с использованием видеозаписи, от этих показаний в дальнейшем;

2) отсутствие совокупности доказательств, устанавливающих как факт наличия самого деяния, так и причастность к этому деянию конкретного субъекта.

И в этой ситуации всегда необходимо смотреть на квалификацию привлекаемого психолога, его опыт работы именно в данном направлении, а не в каком-либо другом. Привлечение психолога, не соответствующего специализации, может повлечь за собой признания заключения в целом недопустимым, так как экспертизу проводил не специалист в соответствующей области психологических познаний.

При изучении заключения эксперта необходимо обратить внимание в том числе и на обоснованность выводов эксперта и мотивировку ответа. То есть не просто ссылаться на вывод о том, что признаки лжи в показаниях, данных лицом, отсутствуют или присутствуют, а выяснить, почему именно эксперт (психолог) пришел к выводам об этом. Неаргументированность выводов также может повлечь за собой признание заключения эксперта недопустимым доказательством в силу субъективности позиции эксперта при отсутствии обоснованной методики проведенного исследования.

1. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. М., 2016. С. 42–43.

2. Костенко Р.В. Некоторые особенности оценки относимости и достоверности вещественных доказательств по уголовным делам // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 51—55.

3. О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы: информационное письмо, утв. Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (протокол от 15 июня 2016 г. № 6) Ученым советом ФГБУ «ФМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России (протокол от 20 июня 2016 г. № 7).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлов Дмитрий Владимирович. Заместитель начальника кафедры общеправовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Ленинградский областной филиал Санкт-Петербургского университета МВД России.

188662, Российская Федерация, Ленинградская область, г. Мурино, ул. Лесная, 18-а.

Pavlov Dmitriy Vladimirovich. Deputy Head of the Chair of Common Law Disciplines, Candidate of Sciences (Law).

Leningrad branch of St. Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia.

188662, Russian Federation, Leningrad district, Murino, Lesnaya st., 18a.

Петраков Сергей Викторович. Заведующий кафедрой управления следственной деятельности (Высшие академические курсы) Факультета повышения квалификации, кандидат юридических наук, доцент.

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета.

190000, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96.

Petrakov Sergey Viktorovich. Head of the Chair of Investigative Activity Management (Higher Academic Courses) of the Faculty of

Advanced Training, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee.
190000, Russian Federation, St. Petersburg, Moika nab., 96.

Ключевые слова: допустимые доказательства; оценка доказательств; показания участников уголовного процесса; экспертная оценка.

Keywords: admissible evidence; evaluation of evidence; testimony of participants in the criminal process; expert assessment.

УДК 343.14

Петров С.А.

ВИНА ПЕШЕХОДА ПРИ НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

PEDESTRIAN'S FAULT FOR VIOLATING THE RULES ROAD TRAFFIC

Статья посвящена рассмотрению субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 268 УК РФ, совершенного пешеходом. Пешеход может умышленно нарушить правила дорожного движения, но психическое отношение к наступлению последствий может быть только в форме неосторожности. По мнению автора, для полного уяснения вины, правоприменителю необходимо устанавливать мотивы и побуждения, определяющие поведения виновного лица.

The article is devoted to the consideration of the subjective side of the crime under Article 268 of the Criminal Code of the Russian Federation committed by a pedestrian. A pedestrian can intentionally violate the rules of the road, but the mental attitude to the onset of consequences can only be in the form of carelessness. According to the author, in order to fully understand the guilt, the law enforcement

officer needs to establish the motives and motives that determine the behavior of the guilty person.

Наибольшее число преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта происходит в сфере функционирования автомобильного транспорта, который является самым распространенным из всех видов транспорта. Во многих дорожно-транспортных происшествиях пострадавшими выступают пешеходы, являющиеся одними из участников дорожного движения. Пешеход является наиболее многочисленной и самой уязвимой группой участников дорожного движения [4, с. 5]. Однако в некоторых случаях субъектом автотранспортного происшествия является пешеход, по вине которого происходят аварии с наступлением общественно опасных последствий.

Ответственность пешехода за нарушение правил дорожного движения предусмотрена административным законодательством Российской Федерации. Пешеход, нарушивший Правила дорожного движения (пересечение проезжей части в неустановленном месте), не подлежит уголовной ответственности до тех пор, пока административное правонарушение не трансформируется в преступление. Преступлением будет такое нарушение безопасности движения пешеходом, в результате которого другому лицу будет причинен тяжкий вред здоровью, гибель человека или нескольких лиц.

Статья 268 УК РФ предусматривает окончанный состав преступления при наступлении общественно опасных последствий в виде тяжкого вреда здоровью или гибели человека (людей). Важность практического значения субъективной стороны преступления бесспорна. Малейшие нюансы в понимании правоприменителями таких элементов, как предвидение возможности, сознательное допущение, самонадеянный расчет и т.д. неизбежно влекут за собой существенное изменение границ между умыслом и неосторожностью, между преступным и не преступным поведением [2, с. 4].

Мотивы и цели участника движения, нарушившего правила, обеспечивающие безопасную работу транспорта, не являются основанием для установления или исключения преступности деяния, но влияют на степень вины. На степень вины могут суще-

ственно повлиять побудительные причины совершения преступления [8, с. 41]. Тот же пешеход может внезапно выбежать на проезжую часть перед близко идущим транспортом, чтобы успеть сесть на автобус, остановившийся на противоположной стороне, может, находясь в состоянии алкогольного опьянения, выбежать на дорогу и останавливать автомобиль, а может просто, задумавшись, пойти на запрещающий знак светофора. В определенных случаях мотивы и цели могут быть учтены в качестве смягчающих наказание обстоятельств [1, с. 11].

Правила дорожного движения могут быть нарушены пешеходом как умышленно, так и по неосторожности, невнимательности, рассеянности, что зачастую определяется как неосознанность. В своем большинстве пешеход-нарушитель, легкомысленно относится к возможным наступлениям последствий, то есть предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, однако самонадеянно рассчитывает на их предотвращение. В субъективной стороне совершаемого пешеходом преступления просматривается смешанная или сложная форма вины, по отношению к своему поведению и к наступившим последствиям.

Изучая практику преступных нарушений правил безопасности движения пешеходами, можно заметить, что виновные лица сознательно нарушают Правила дорожного движения. Нарушители умышленно совершают действия, которые без наступления общественно опасных последствий, являются административными правонарушениями. При этом нужно иметь в виду, что общественно опасные последствия наступают не в результате неправомерных действий пешехода, а в результате взаимодействия его с транспортным средством. Как верно заметил В.И. Жулев, что эти последствия причиняет не пешеход-нарушитель, а транспортное средство, на пути которого он оказался. Избегая наезда на пешехода, водитель вынужден резко тормозить, круто поворачивать или совершать иное экстремальное действие по управлению транспортным средством [3, с. 146].

Рассмотрим пример из следственной практики. З., гуляя по г. Хабаровску со своей 4-летней дочерью, имея намерение посетить магазин, который находится на противоположной стороне улицы, решила сократить путь и пересечь проезжую часть в не-

установленном для перехода месте. При этом З., являясь пешеходом, легкомысленно отнеслась к возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, без достаточных на то оснований, самонадеянно рассчитывала на их предотвращение. При наличии в зоне своей видимости регулируемого пешехода, в нарушении требований п. 4.3 Правил дорожного движения, З. взяла свою дочь за руку и стала переходить проезжую часть улицы. Находясь на проезжей части и двигаясь в направлении противоположной стороны, З. и ее дочь внезапно вышли из-за стоящего в крайнем правом ряду автомобиля и были сбиты двигающимся в попутном направлении автомобилем. Водитель принял все меры к остановке транспортного средства, однако, вследствие внезапного появления на проезжей части пешеходов, не имея технической возможности избежать наезда на З. и ее дочь, совершил наезд на последних. В результате дорожно-транспортного происшествия ребенку по неосторожности были причинены телесные повреждения, которые квалифицированы, как тяжкий вред здоровью [7]. Из приведенного примера дорожно-транспортного происшествия, с наступлением тяжких последствий видно, что виновная умышленно нарушила Правила дорожного движения, осознавая всю опасность своих противоправных действий.

Согласно диспозиции ст. 268 УК РФ, законодатель допускает, что пешеход может умышленно нарушать правила безопасности движения, однако указывает только на возможность предвидения общественно опасных последствий, не указывая осознание виновного к действию, вызвавшему их. Нарушение пешеходом правил безопасности движения не имеет уголовно-правового значения до тех пор, пока эти противоправные деяния не повлекут общественно опасные действия. Психическое отношение виновного к наступлению последствий может быть только в форме неосторожности. Не может быть неосторожного общественно опасного деяния без преступного результата (неосторожного последствия, предусмотренного уголовно-правовой нормой) [9, с. 61].

Рассматривая вопросы вины пешехода, мы сталкиваемся с несогласованностью уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за преступные нарушения правил безопасности движения и уголовной концепции двойной вины. Дис-

позиция ст. 268 УК РФ устанавливает неосторожное отношение виновного к последствиям и не оговаривается вина к нарушениям правил безопасности движения. Следовательно, можно предположить, что допускается умысел и неосторожность.

В соответствии со ст. 27 УК РФ преступление с двойной формой вины предполагает наличие умысла виновного по отношению к деянию и неосторожность по отношению к последствиям, что вполне согласуется с поведением пешехода, который может умышленно нарушить Правила дорожного движения и легкомысленно отнестись к возможности наступления общественно опасных последствий. Но, согласно ст. 27 УК РФ, если в результате умышленного преступления причиняется по неосторожности тяжкие последствия, которые не охватываются умыслом виновного, преступление признается совершенное умышленно. Получается, что пешеход, пересекая проезжую часть и предвидя наступление общественно опасных последствий, которые самонадежно рассчитывает предотвратить, уже выполняет объективную сторону умышленного преступления, что, конечно же, является абсурдом. Действия пешехода опосредованы и зависят от множества таких факторов, как: интенсивность движения, скоростью реагирования водителя, состояния дорожного полотна, наконец, физического и психического состояния самого пешехода. Нарушения правил безопасности движения может остаться только административным правонарушением, что часто так и происходит, и в уголовно-наказуемое деяние не «перерасти».

Диспозиция ст. 268 УК РФ сконструирована таким образом, что включает в себя элементы как бы двойной формы вины и формально, уголовно-правовая норма может быть отнесена к умышленному деянию. В составе преступления объединены административное правонарушение и уголовно-правовые последствия. На наш взгляд, наиболее близка к истине позиция тех авторов, которые полагают, что само по себе нарушение тех или иных правил безопасности не является преступным деянием, независимо от того, как (сознательно или незоснательно) к нему относится сам нарушитель. Реальная основа для существования преступлений с двумя формами вины заложена в особенностях законодательной конструкции отдельных составов преступлений

с разными субъективными и объективными признаками [2, с. 125].

Как было замечено, причиной наступления оговоренных в ст. 27 УК РФ «тяжких» общественно опасных последствий является совершение не просто общественно опасного деяния. Такой причиной должно быть совершение умышленного преступления, то есть умышленного общественно опасного деяния, самого по себе, независимо от наступления оговоренных «тяжких» последствий, запрещенного Уголовным кодексом под угрозой наказания [10, с. 14]. Своеобразие преступлений с двумя формами вины состоит в том, что законодатель объединяет в один состав два самостоятельных преступления, одно из которых является умышленным, а другое – неосторожным, причем оба состава могут существовать самостоятельно, а в сочетании друг с другом образуют качественно новое преступление со специфическим субъективным содержанием [6, с. 15].

На эту особенность составов преступлений, в которых содержатся две формы вины к действиям и к последствиям, в свое время обратил внимание В.Н. Кудрявцев, утверждая, что «смешанной» формы вины быть не может. Как правило, форма вины в составе едина, поскольку в соответствии с законом она определяется в материальных составах отношением лица к общественно опасным последствиям, а в формальных – к своим общественно опасным действиям [5, с. 149].

В заключение необходимо отметить, что для полного уяснения субъективной стороны транспортного преступления, совершенного пешеходом, применения судом адекватного наказания, с учетом наступивших общественно опасных последствий, правоприменителю в каждом случае необходимо устанавливать мотивы и побуждения, определяющие поведение, а также психическое отношение виновного к своим действиям.

1. Баранчикова М.В. Проблемы квалификации нарушений правил дорожного движения пешеходом // Мировой судья. 2011. № 8. С. 9–12.

2. Векленко С.В., Бавсун М.В., Фаткулина М.Б. Вина и ответственность в уголовном праве. Омск: Омская академия МВД России, 2009. 256 с.

3. Жулев В.И. Транспортные преступления. М.: Спарк, 2001. 192 с.
4. Кузьменко Д.О. Криминологический анализ дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
5. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М.: Юрист, 2001. 304 с.
6. Латыпова Э.Ю. Проблемы ответственности за преступления, совершенные с двумя формами вины: прошлое и современность // Следователь. 2007. № 7 (111) С. 15–19.
7. Материалы уголовного дела № 784003 по обвинению Зайцевой // Архив СУ УМВД по Хабаровскому краю. 2008.
8. Питецкий В.В. К вопросу о степени вины в уголовном праве // Уголовное право. 2006. № 3. С. 41–45.
9. Проценко С.В. Установление форм вины в процессе квалификации транспортного преступления // Уголовное право. 2009. № 2. С. 59–64.
10. Сорочкин Р.А. Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступление, совершенные с двумя формами вины. М., 2010. 176 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петров Сергей Анатольевич. Старший преподаватель кафедры криминалистики.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
680020, Российская Федерация, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.

Petrov Sergey Anatolevich. Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

680020, Russian Federation, Khabarovsk, Kazarmenny lane, 15.

Ключевые слова: пешеход; участник движения; правила дорожного движения, транспорт; преступление.

Keywords: pedestrian; traffic participant; traffic rules; transport; crime.

УДК 343.346

Победкин А.В.

**ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ОШИБКА
(ПОЧЕМУ ПРИ ПРИНЯТИИ УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
НЕ СЛЕДОВАЛО ИГНОРИРОВАТЬ А.С. ПУШКИНА)**

**FUNDAMENTAL ERROR
(WHY A.S. PUSHKIN SHOULD
NOT BE IGNORED WHEN ACCEPTING
THE CRIMINAL PROCEDURAL CODE)**

В статье показано, что принятие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в 2001 г. стало принципиальной ошибкой законодателя, углубившей в сфере уголовного судопроизводства коренное противоречие российского общества: между духовно-нравственными ценностями и капиталистическими общественными отношениями. Обосновывается, новый уголовно-процессуальный закон как самостоятельный нормативный акт де-факто не состоялся и оказался нежизнеспособен.

The article shows that the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2001 was a fundamental mistake of the legislator, which deepened the fundamental contradiction of Russian society in the field of criminal proceedings: between spiritual and moral values and capitalist social relations. It is substantiated that the new criminal procedure law as an independent normative act de facto did not take place and turned out to be unviable.

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

А.С. Пушкин

Право – явление производное. Оно подвержено влиянию экономики, политики, геополитики, и никогда не бывает «чистым». Право всегда защищает определенные классы, слои, группы. Чаще всего – это прямые или аффилированные собственники на средства производства. Право не может не меняться в своей основе, если меняются производственные общественные отношения. Даже нейтральное по форме право, а иногда и нарочито демократичное, по существу всегда служит экономически господствующим слоям. Иногда завуалировано, иногда явно (как, например, предусматривая особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и экономической деятельности). Собственно, право порождается в первую очередь экономическими отношениями и, если им не соответствует, притязания неудовлетворенных классов, слоев выступают причиной соответствующих изменений права [1, с. 51], революционных или эволюционных. Соответственно правоохранительная система, и суд в частности, никогда не может быть абсолютно нейтральными.

Да и, действительно, где и кто видел суд, который принимает решения настолько независимо, что не беспокоится вследствие принятых решений даже о самом своем существовании. Так не бывает, и здесь М.С. Строгович сколь прям, столь и прав [2, с. 63].

Смена общественного строя в конце прошлого века в России, приватизация, ориентация на западные ценности в идеологии, культуре, праве – факторы, прямо повлиявшие на судьбу отечественного уголовно-процессуального права. «Десант» американских юристов, обучающихся в тот период отечественных следователей, прокуроров, судей на мероприятиях разного формата – яркое свидетельство идеологического порабощения уголовного судопроизводства России, обработки умов отечественных юристов.

Следующий шаг просто кричал сам за себя. Нужно новое уголовно-процессуальное законодательство! Его идеологической основой должна была стать приснопамятная Концепция судебной реформы в Российской Федерации [3], из буржуазного нутра которой «яд» на основы советского уголовного процесса даже не брызгал, а струился широким потоком. Концепция была настолько радикальна, что предусматривала никак не меньше как «мужественный акт самоотрицания» государства, которое должно было превратиться из политического в правовое. Государство должно было само себя отринуть, отказавшись быть политическим! Поскольку государств без политики не бывает, надо полагать, что подразумевалось отрицание собственной национальной политики и развитие права в рамках политики «цивилизованных государств», которые в Концепции назывались прямо: Германия, США.

Собственно ничего удивительного в призывах поставить уголовное судопроизводство на буржуазные рельсы, порвать с социалистическими ценностями (в число которых походя были записаны и некоторые традиционные отечественные) в условиях смены базисных общественных отношений не было. «Антидемократический режим», «политизированное законодательство», «суды... элемент командно-административной системы руководства страной», «дефицит милосердия в правосудии», «чуждое интересам людей правосудие», «коррупция, сокрытие преступлений от учета, дутые показатели раскрываемости, почти полное отсутствие оправданий, отработанная технология добывания лжепризнаний и осуждения невиновных», «пресловутый обвинительный уклон», государство – «враждебная сила по отношению к гражданскому обществу и личности», суд – «чисто государственный орган правосудия, чья сущность слегка закамуфлирована безмолвствующими народными заседателями» и другие созвучные по тональности и смыслу определения советской системы судопроизводства, приводимые в Концепции – объяснимы заряженностью на разрушение советской идеологии уголовного процесса. Между тем, он был ориентирован на защиту обычного рядового труженика, не имеющего больших средств на адвокатов, вполне способного самостоятельно понять смысл законодательства, порядок обжалования приговоров, имеющего возможность рассчитывать на справедливость общественных защитников и обще-

ственных обвинителей, народных заседателей. Квинтэссенция замысла, заложенного в Концепцию, просматривалась в том, что «будет ликвидирована идеологизация правоохранительной деятельности и ее ориентация на предпочтительную защиту публичного интереса». Поразительно для публичной отрасли права. Однако лишь на первый взгляд: а какие интересы еще защищает буржуазное право в первую очередь, как не частные?

Законодатель в этой связи вполне осмысленно отказался от публичного назначения судопроизводства в действующем УПК. Е.Б. Мизулина достаточно подробно объяснила, что в основу уголовно-процессуального законодательства была положена, так называемая «технологическая теория», суть которой в отказе от рассмотрения уголовного процесса как единого вида государственной деятельности и сведении уголовного судопроизводства к социальной технологии, которая не имеет цели, а только результат [4, с. 72]. Такой подход, якобы, позволяет «иначе взглянуть на уголовный процесс, осмыслить его как технологически устроенное образование, главным для которого является не цель, а результат и способы его достижения» [4, с. 74] и увидеть, что стремление объективной истине оправдывает любые беззакония [4, с. 81]. Таким образом, отказ от целей и задач уголовного процесса в тексте УПК – не случаен. Мало того, что законодатель и не подразумевал никаких целей и задач судопроизводства, они в том виде, в каком были отражены в УПК РСФСР 1960 г., рассматривались как ошибочные. Быстрое раскрытие преступлений «именуемое в теории как борьба с преступностью» [4, с. 79] ассоциировалась авторами технологической теории «борьбой с классовыми врагами», «врагами народа», «преступниками-обвиняемыми», исключаящей сомнения в справедливости обвинения и основанного на нем приговора, который может быть только обвинительным [4, с. 79]. (Заметим, что и в период реализации «технологической теории» оправдательные приговоры – крупное событие!)

Сегодня уже нет необходимости доказывать ошибочность «технологической теории» уголовного судопроизводства. Она доказана жизнью. Уголовный процесс, основанный на УПК, не снижал доверия населения страны, в том числе и поэтому продолжают поиски оптимальной модели процесса, хотя в свое

время авторами «технологической теории» науке было отказано в праве «конструировать абстрактные модели уголовного процесса» [4, с. 75]. Утраченные в ходе судебной реформы рубежа XIX и XX веков отечественные ценности последовательно возвращаются в уголовный процесс.

Оглядываясь на глубинные народные «обереги» (истина, справедливость, коллективизм), коими веками жила Россия, реформаторы не хотели и прямо в Концепции об этом писали: «следует исключить из научной дискуссии игру на «любви к отеческим гробам» в качестве аргументов в пользу того или другого решения». Между тем, аргумент этот пушкинский для права – едва ли не самый главный. Право должен поддерживать народ, иначе оно – «красная тряпка» и средоточие народной неприязни. Мало постановить законное и обоснованное судебное решение – важно, чтобы в это поверил народ. Увы, пока убедить население страны в правосудности приговоров удается не вполне: 45 % респондентов считают, что выносимые судами приговоры чаще несправедливые [5].

Не будем забывать, что формы уголовного судопроизводства лишь маскируют его подлинную сущность, его тип. Отсюда и внешне респектабельные идеи: о народном представительстве в форме присяжных заседателей, о процессуальной самостоятельности следователя, о доступности суда для населения; усилении судебного контроля за законностью досудебного производства и другие «демократические идеи» изменить железные закономерности развития права в условиях смены экономического базиса изменить не могли и не изменили. Надо ли доказывать, что процессуальная самостоятельность следователя – лишь привычный оборот речи, а народное представительство – даже на полноценную «ширму» пока никак не претендует; оправдательные приговоры – большая редкость, а суды практически не отказывают должностным лицам, осуществляющим досудебное производство, в удовлетворении ходатайств о применении мер процессуального принуждения. Зато «раздулись» процессуальные иммунитеты, наметились контуры самостоятельного уголовно-процессуального законодательства для лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, а процедуры обжалования стало затруднительно осмыслить даже квалифицированному юристу.

Авторы Концепции, справедливости ради, понимали, что она не содержит идей, готовых для реализации в законодательстве и, скорее, представляет собой политически окрашенный публицистический материал. «Грядущая судебная реформа ... должна осуществляться комплексно, без хаотической поспешности в законотворчестве, подстегиваемой заинтересованными ведомствами» – подчеркивалось в Концепции. «Главное при этом – тщательное обдумывание, теоретическое обоснование каждого шага, последовательность принимаемых решений». Странно, что при таком понимании роли Концепции, в ней же и отраженной, сей документ мог быть одобрен на уровне высшего законодательного органа страны.

Поначалу работа над проектом УПК велась, как и подобает в таких случаях, неспешно и с оглядкой. Официально она началась в 1994 г., когда Президент России создал рабочую группу по подготовке нового УПК в рамках государственно-правового управления, работа которой по ряду организационных причин завершилась весьма неоднозначным проектом Общей части УПК. Продолжилась – в 1996 г., когда Комитет Государственной Думы по законодательству и судебно-правовой реформе создал рабочую группу по подготовке проекта УПК, который был принят в первом чтении 7 июня 1997 г. и, не поддерживаемый президентскими структурами был в 1998 г. направлен на заключение в Совет Европы. К середине 1999 г. проект УПК был готов к рассмотрению во втором чтении. Однако далее в работу над проектом вновь вмешиваются эксперты Совета Европы и парламентские выборы 1999 г., по результатам которых 13 апреля 2000 г. была создана новая рабочая группа по подготовке проекта УПК, которая в ноябре того же года распоряжением Президента модернизируется. Работа над проектом УПК продолжается (а по сути, начинается вновь) уже под «патронажем» Американской ассоциации юристов. Уже 20 июня 2001 г. проект УПК принят во втором чтении (практически новый проект), а 22 ноября после его возвращения снова к процедуре второго чтения он принимается сразу во втором и третьем чтении. Таким образом, работа над проектом УПК, ставшим законом, с учетом образования рабочей группы Президентом России в ноябре 2000 г., когда работа и «закипела» [6, с. 38] – длилась ров-

но год. Ясно, что содержание первоначальной редакции УПК в силу даже временного фактора не могло быть должным образом обсуждено, проработано, внутренне согласовано и логично, тем более что выхолостить из УПК отечественные традиции судопроизводства, его публичный характер оказалось невозможно. Влиятельная и не менее уважаемая, чем представители рабочей группы, часть специалистов, основываясь на результатах многолетних научных исследований, в том числе и своих, принципиально не могли согласиться с основными идеями разработчиков УПК. Сложно было предсказать и реакцию населения на закраившуюся прозападную идеологию уголовно-процессуального законодательства, поскольку таковая в иных сферах жизни общества уже показала свою несостоятельность в России. Ничего, кроме страданий основной честно трудящейся массе населения (именно такое население и составляет в России, вне всякого сомнения, большинство) западные идеи не принесли.

Для целой плеяды ученых на карту было поставлено оправдание научной жизни, подлинность идей, которым довелось служить. На первой крупной международной научно-практической конференции, проходившей в феврале 2002 г. в МГЮА и посвященной принятию УПК, в достаточно накаленной обстановке дискуссий, принимавших характер полемики с политическим подтекстом, профессор В.П. Божьев, дальновидно обращаясь к молодым ученым, находящимся в зале, объективно подчеркнул, что работа по созданию нового уголовно-процессуального законодательства велась много лет, были разработаны ряд проектов УПК, некоторые из которых содержали разумные идеи, которые, к сожалению, не вошли в текст УПК, однако выразил надежду, что результаты серьезной научной работы, пусть пока и невостребованной, даром, конечно, не пропадут. В.П. Божьев напомнил, что результаты эксперимента по принятию нового законодательства могут быть как положительными, так и отрицательными, а «оценивать качество нововведений должны не те, кто их разрабатывал», а нейтральная группа специалистов, резко и справедливо осудил при этом «охаивание опыта прошлого» [7, с. 296].

Обоснованное несогласие с несвойственными отечественному судопроизводству идеями высказывали и другие крупные ученые [8, с. 288–295].

Сегодня, по прошествии всего 20 лет нельзя не признать: сомневавшиеся в идеях судебной реформы ученые оказались полностью правы.

На предшествующем форуме, проводившемся в ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, автором настоящих тезисов было обозначено главное противоречие современного уголовного процесса России – капиталистические экономические отношения, определяющие содержание уголовного судопроизводства, никогда не смогут мирно уживаться с национальными духовно-нравственными ценностями, которые основаны на социальном подходе к государству, общности решаемых задач и коллективизме. Было спрогнозировано принятие в обозримом будущем нового уголовно-процессуального законодательства, в котором главное противоречие максимально смягчено (устранить его полностью, конечно, невозможно). Признавая, что на комплексную реформу уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, а также законодательства об административных правонарушениях нет достаточных сил, П. Крашенинников, тем не менее, замечает, что такая потребность зреет, особенно в случае принятия нового КоАП, проект которого П. Крашенинниковым, заметим справедливости ради, не поддерживается. «КоАП у нас ужасный, но делать из него еще более страшную вещь неправильно», – мудро констатирует глава комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству [9, с. 79].

Жаль таким мудрым подходом не руководствовались при принятии УПК. Стремление реализовать новые политические идеи как можно скорее, понятно. Однако их «живучесть» зависит в первую очередь от того, насколько они поддерживаются жителями страны, насколько ее население готово отказаться от традиционных ценностей, насколько глубоко народ поверил в чуждые, хотя и привлекательные внешне, картинки.

В.Д. Зорькин, признавая необходимость совершенствования права, справедливо замечает, что «правовая новизна бывает разная. ... в этой новизне необходимо точно определять различия

между целесообразными новациями – и рисками создания катастрофических разрывов между правом и укорененными в социальном большинстве морально-этическими нормами. Включая массовые представления о добродетели и грехе, о добре и зле, о справедливости и несправедности. ... если поток правовой новизны создает такие разрывы, общество не только неуклонно слабеет, но и почти неизбежно ввергается в хаос» [10].

Доказывать, что УПК сегодня принципиально иной, чем был в первых своих редакциях, вряд ли есть необходимость. С помощью Конституционного Суда Российской Федерации он последовательно дрейфует в гавань отечественных духовно-нравственных ценностей.

Недооценили, выходит, Пушкина! «Любовь к отеческим гробам» – чувство, действительно, дивно близкое россиянам.

Для чего же принималось новое уголовно-процессуальное законодательство? Что от него ожидалось и что оно реально дало России?

Переориентация на защиту иных социальных слоев, ослабление публичных начал, особенно в первоначальных редакциях видны, что называется, невооруженным глазом. Однако для этого не следовало ломать УПК РСФСР 1960 г., достаточно было выверенных изменений в него, учитывающих традиционные духовно-нравственные ценности, национальные потребности. Собственно такие изменения и вносились последовательно в УПК РСФСР 1960 г., в основном как реализация правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

УПК и в самом деле, привнес ряд позитивных изменений: реабилитация, судебный контроль в досудебном производстве, некоторое расширение возможностей защитника участвовать в доказывании, апелляционное производство как возможность реально проверять правильность установления фактов судом первой инстанции и некоторые другие новеллы. Однако вновь повторим: для этого также не требовалось новое уголовно-процессуальное законодательство.

Оправдание принятия УПК могло заключаться в обеспечении его стабильности, качестве, ясности. Этих качеств УПК и не приобрел. Он стал гораздо более зыбким, чем его предшественник даже в свои последние уже реформенные годы.

УПК, принятый в спешке, на волне политической эйфории, эмоций, усугубивший и без того глубинное противоречие между потребностью в справедливости и буржуазными ценностями, неряшливый с точки зрения законодательной техники, от которого сегодня (всего-то через 20 лет) не осталось даже прежнего остова – принципиальная ошибка отечественного законодательства.

1. Сырых В.М. Прощай, классика, вперед к материалистической теории права! // Правоведение. 2014. № 5 (316).

2. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939.

3. О Концепции судебной реформы в РСФСР: постановление Верховного Совета РСФСР от 24 ноября 1991 г. № 1801 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

4. Мизулина Е.Б. О технологической теории уголовного процесса // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие): сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина / научн. ред. Е.Б. Мизулина. М.: Юристъ, 2006.

5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ombudsmanrf.org/content/doclad2020>.

6. Мизулина Е.Б. Как создавался УПК РФ // Сборник статей и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина / научн. ред. Е.Б. Мизулина. М.: Юристъ, 2006.

7. Божьев В.П. О совершенствовании уголовно-процессуального законодательства // Божьев В.П. Избранные труды. М.: Издательство Юрайт, 2010.

8. Кокорев Л.Д. Судебная реформа: идеи и реальность // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В.А. Панюшкина. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006.

9. Крашенников П. Поправки в Конституцию убирают возможность кризиса власти [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/8946037> (дата обращения: 06.09.2021).

10. Зорькин В. Право против хаоса // Рос. газ. 2015. 24 нояб.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Победкин Александр Викторович. Начальник кафедры уголовной политики, доктор юридических наук, профессор.

Академия управления МВД России.

125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Pobedkin Alexander Viktorovich. Head of the Chair of Criminal Policy, Doctor of Sciences (Law), Professor.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125171, Russian Federation, Moscow, Zoe and Alexander Kosmodemyansky st., 8.

Ключевые слова: назначение, цели, задачи уголовного судопроизводства; нравственные начала уголовного судопроизводства; реформа уголовного судопроизводства.

Keywords: purpose; goals; objectives of criminal proceedings; moral principles of criminal proceedings; reform of criminal proceeding.

УДК 343.1

Полякова А.В.

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА
СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ
ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

**FEATURES OF THE IMPLEMENTATION
OF THE PRINCIPLE OF ADVERSARIAL NATURE
OF THE PARTIES WHEN CONCLUDING A PRE-TRIAL
COOPERATION AGREEMENT**

Статья посвящена одному из актуальных вопросов – изучению особенностей реализации принципа состязательности сторон при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Автором обращено внимание на основные проблемы, возникающие при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, а именно – на реализацию принципа состязательности сторон. До сих пор нерешенным остается вопрос надлежащего уведомления потерпевшего о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Отсутствует должное равенство сторон обвинения и защиты в данном вопросе.

The article is devoted to one of the topical issues – the study of the features of the implementation of the principle of adversarial parties when concluding a pre-trial cooperation agreement. The author draws attention to the main problems that arise when concluding a pre-trial cooperation agreement, namely the implementation of the principle of adversarial parties. The issue of proper notification of the victim about the conclusion of a pre-trial cooperation agreement remains unresolved until now. There is no proper equality of the parties of the prosecution and the defense in this matter.

В настоящее время российский уголовный процесс полностью ориентирован на соблюдение основных прав и свобод лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства. Основным назначением уголовного процесса выступает защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от пре-

ступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод [4].

Тем самым на законодательном уровне определено, что лицо, которое является подозреваемым (обвиняемым) в совершении того или иного преступления, также находится под защитой государства.

Современный уголовный процесс направлен в сторону гуманизации уголовного преследования. В настоящее время в УПК РФ существуют так называемые упрощенные процедуры производства предварительного расследования и судебного разбирательства. К упрощенным процедурам мы можем отнести: заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и сокращенное дознание.

В то же время, как нам известно, российский уголовный процесс строится на целой системе принципов уголовного судопроизводства, соблюдение которых является важным элементом при достижении основного назначения уголовного судопроизводства. При реализации рассматриваемого института нарушаются многие принципы уголовного судопроизводства, в том числе и принцип состязательности сторон. Именно поэтому для нас особый интерес представляет проблема реализации принципа состязательности сторон при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Закрепление института досудебного соглашения о сотрудничестве (или как иначе его называют на практике – «делка с правосудием») в УПК РФ является достаточно важным шагом законодателя, и достаточно благоприятно он воспринимается такими участниками уголовного судопроизводства как подозреваемый (обвиняемый). Безусловные плюсы данного института выражаются в том, что оказывается содействие органам следствия, и сам срок уголовного наказания в результате данного содействия минимизируется.

В настоящее время данный институт регламентируется главой 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [4].

Так как согласно статье 15 УПК РФ стороны обвинения и защиты равны перед судом. Однако при заключении досудебного

соглашения о сотрудничестве возникают проблемы равенства процессуальных прав сторон участников уголовного процесса. В особенности это затрагивает фигуру потерпевшего [1].

Так, в п. 61 статьи 5 УПК РФ закреплено, что «досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого, в зависимости от его действий, после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения» [4]. Однако на практике при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве согласие потерпевшего вовсе не требуется. Тем самым зачастую потерпевший находится в неведении относительно заключенного между следствием и подозреваемым досудебного соглашения.

Налицо прямое нарушение принципа состязательности сторон, так как потерпевший не может выразить свое несогласие с данным соглашением или же обжаловать его в соответствующие органы. Необходимо отметить, что в целях реализации принципа состязательности сторон до потерпевшего должны быть доведены все важные процессуальные действия и решения следователя [3].

Также при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве участвует достаточно большое число лиц государственных органов, а именно: руководитель следственного органа, следователь и прокурор – однако для реализации принципа состязательности сторон было бы логичнее, чтобы при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве принимал участие суд, так как именно судебные органы решают вопрос о виновности или невиновности лица в совершении преступления и, соответственно, вопрос о сокращении уголовного наказания.

Таким образом, необходимо сделать следующий вывод: применяя действие принципа состязательности сторон к институту досудебного соглашения о сотрудничестве, можно отметить, что в нормах УПК РФ [4] имеются значительные противоречия и пробелы [5], в результате чего при необходимом равенстве в правах право потерпевшего на участие в уголовном судопроизводстве оказывается серьезно ограничено. Для того чтобы механизм реализации принципа состязательности сторон был более действенным при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, необходимо внести соответствующие изменения в УПК

РФ, касающиеся расширения прав такого участника уголовного судопроизводства как потерпевший, на возможность дачи им согласия при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

1. Иванова А.В. Особый порядок судебного разбирательства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40 со значком 1 УПК РФ) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 3. С. 58–60.

2. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2012 г. № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Смирнов А.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 11 июня 2021 г.: с изм. от 17 июня 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Гришин А.В., Гришина М.В. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением расследования преступлений, совершенных коммерческими (торговыми) представителями либо контрагентами в случае злоупотреблений правом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2016. № 3 (68). С. 40–42.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Полякова Анна Викторовна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Polyakova Anna Viktorovna. Postgraduate student of the Chair of Criminal Procedure.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Иванов Дмитрий Александрович. Начальник кафедры предварительного расследования, доктор юридических наук, доцент, Почетный сотрудник МВД России.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117427, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Ivanov Dmitry Alexandrovich. Head of the Chair of Preliminary Investigation, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

117427, Russian Federation, Moscow, Akademik Volgin st., 12.

Ключевые слова: принцип состязательности сторон; досудебное соглашение о сотрудничестве; потерпевший; обвиняемый (подозреваемый); следователь; суд.

Keywords: the principle of adversarial parties; pre-trial cooperation agreement; victim; accused (suspect); investigator; court.

УДК 343.1

Проваторова К.В.

**ИНСТИТУТ СОЕДИНЕНИЯ И ВЫДЕЛЕНИЯ
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

**INSTITUTE OF CONNECTION AND SEPARATION
OF CRIMINAL CASES: PROBLEMS OF LAW
ENFORCEMENT PRACTICE**

Большое значение для успешной реализации задач уголовного судопроизводства по обеспечению объективного расследования преступлений имеет четкая регламентация положений, определяющих порядок соединения и выделения уголовных дел, а также материалов уголовного дела в отдельное производство. На стадии предварительного расследования данные правовые нормы нашли отражение в главе 21 УПК РФ, в связи с чем представляется дискуссионной позиция включения законодателем статей 239.1, 239.2 в главу 33 УПК РФ.

Of great importance for the successful implementation of the tasks of criminal proceedings to ensure an objective investigation of crimes is a clear regulation of the provisions defining the procedure for combining and separating criminal cases, as well as the materials of the criminal case into separate proceedings. At the stage of the preliminary investigation, these legal norms were reflected in Chapter 21 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in this connection the position of the inclusion of articles 239.1, 239.2 in Chapter 33 of the Code of Criminal Procedure by the legislator is debatable.

По мнению ряда авторов, соединение и выделение уголовных дел рассматривается как самостоятельный институт уголовно-процессуального права [1, с. 6; 2, с. 7–8; 3, с. 29; 4, с. 54]. В УПК РФ нормативные положения, образующие институт выделения и соединения уголовных дел, материалов уголовного дела в отдельное производство на стадии предварительного расследования, включены в главу 21 («Общие условия предварительного

расследования»). При этом современным законодателем нормативные положения о соединении и выделении уголовных дел в судебном производстве (ст. 239.1, 239.2 УПК РФ) в группу общих условий судебного разбирательства (глава 35 УПК РФ) не включены.

Полагаем, это обусловлено тем, что все вопросы, связанные с оптимизацией материалов уголовного дела, выделением из него не относящихся к рассматриваемому факту материалов об иных эпизодах и лицах, должны быть решены на стадии подготовки к судебному разбирательству, что вытекает из целей первой стадии судебного производства и ее места в системе данного производства. Соединение материалов нескольких дел влияет на определение предмета и пределов судебного разбирательства, в связи с чем такое соединение должно состояться до начала судебного разбирательства в суде первой инстанции. Исключение составляют случаи, связанные с соединением мировым судьей в одном производстве по уголовному делу частного обвинения двух заявлений (ч. 3 ст. 321 УПК РФ). Что касается выделения уголовного дела в судебном разбирательстве в суде первой инстанции, то такая ситуация может возникнуть при наличии обстоятельств, предусмотренных пп. 1 и 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, равно как может потребоваться выделить материалы из уголовного дела для передачи их прокурору.

В связи с вышеизложенным полагаем, что, действующая комплектация общих условий судебного разбирательства в этой части не совсем удачна, что требует, возможно, иного решения в поиске ее оптимального состава. В обоснование своей позиции считаем актуальным обращение к истории становления и развития института выделения и соединения уголовных дел. Первые упоминания о нем в источниках российского права относятся к середине семнадцатого века, после чего в том или ином виде, соответствующем различным этапам развития уголовно-процессуального законодательства и его концептуальных основ, они неизменно находили отражение в основополагающих правовых актах, регулирующих уголовный процесс [3, с. 6–29].

Например, в УПК РСФСР 1923 г. [5] установления, касающиеся предварительного следствия, носили «характер не строгих юридических правил, а скорее гибких норм инструкционного по-

рядка» [3, с. 4], применение или неприменение которых в каждом определенном случае зависело от решения самого следователя. Согласно положениям данного Кодекса правовые нормы о соединении и выделении уголовных дел не были отнесены к общим условиям предварительного расследования, которыми в тот период времени являлись: быстрота производства (ст. 110, 116), полнота и всесторонность (ст. 112, 113), негласность (ст. 115), отсутствие состязательности (ст. 112, 114), беспристрастие (ст. 111, 112), подчиненность надзору прокуратуры (ст. 118). Однако эти положения получили нормативное закрепление в ст. 117, которая устанавливала основания для соединения уголовных дел: соучастие; совершение одним лицом нескольких преступлений; совершение одним лицом нескольких преступлений, связанных между собой единством намерений. Основания для соединения уголовных дел в одном производстве регламентировались статьями 33–40 главы 11 указанного УПК; выделение уголовных дел допускалось только в отношении несовершеннолетних до 16 лет – уголовные дела с их участием выделялись и направлялись в комиссию по несовершеннолетним (ст. 38). При этом законодатель того времени предоставлял суду полномочия разделять уголовные дела, неправильно соединенные в одном следственном производстве (ст. 244).

Уже в УПК РСФСР 1960 года нормативные положения о соединении и выделении уголовных дел получили закрепление в статье 26 первого раздела «Общих положений», где указывалось, что соединение и выделение дел производится по постановлению лица, производящего дознание, следователя, прокурора либо по определению или постановлению суда [6].

С принятием действующего УПК РФ 2001 г. в российское законодательство были внесены значимые изменения, которые коснулись, в том числе, и вопросов нормативной регламентации правовых положений о выделении и соединении уголовных дел. Так, получили правовое закрепление возможность выделения из уголовного дела материалов в отдельное производство и исчисление сроков следствия по соединенным и выделенным уголовным делам. При этом существенно изменился взгляд законодателя на место нормативных положений о выделении и соединении уголовных дел в общей системе институтов уголовно-процессу-

ального права и на состав субъектов, в чьи полномочия может входить реализация нормативных предписаний, предусмотренных статьями 153–155 УПК РФ. Из числа субъектов соединения и выделения уголовных дел был исключен суд, и вышеуказанные нормативные положения внесены в главу 21 УПК РФ с присвоением им статуса «общих условий предварительного расследования» вместо занимаемого ранее статуса «общих положений» уголовного судопроизводства.

Несмотря на то, что в научной доктрине до сих пор ведется спор о целесообразности отнесения нормативных положений, регламентирующих соединение и выделение уголовных дел, к общим условиям предварительного расследования, мы поддерживаем выбранную современным законодателем позицию в данном вопросе, считая ее в полной мере обоснованной и соответствующей юридической природе указанных нормативных положений, так как они в большей степени представляют собой ничто иное, как условия, порядок, обстоятельства, при которых возможно соединение и выделение уголовных дел. Поэтому они не могут претендовать на признание их основополагающей идеей мировоззренческого характера, какими, в свою очередь, являются принципы уголовного судопроизводства, образующие ядро «основных положений» в УПК РФ.

Что касается первоначальной позиции законодателя, выраженной в УПК РФ 2001 года, по вопросу лишения суда полномочий на соединение и выделение уголовных дел, то со временем она претерпела изменения. Так, Федеральным законом от 23 июля 2013 г. № 2017-ФЗ в действующий УПК РФ введена статья 239.1 («Выделение уголовного дела»), и Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 327-ФЗ введена статья 239.2 («Соединение уголовных дел»).

Однако мы считаем, что данные нормативные положения по соединению и выделению уголовных дел должны быть включены в главу 35 УПК РФ в качестве общих условий судебного разбирательства. В обоснование своей позиции хотелось бы привести следующие доводы:

- во-первых, по своему смысловому содержанию эти нормы отображают правила и условия, устанавливающие определенный и единообразный порядок соединения и выделения уголовных

дел в суде, они выступают в качестве норм-предписаний, требующих конкретных действий и носят обязательный характер. На наш взгляд, можно говорить о том, что все нормы, входящие в институт соединения и выделения уголовных дел (ст. 153, 154, 155, 239.1, 239.2 УПК РФ), представляют собой в целом группу общих условий, определяющих процедурные аспекты производства предварительного расследования и судебного разбирательства;

- во-вторых, анализ нормативных положений статей 239.1 и 239.2 УПК РФ указывает на тот факт, что их применение не ограничивается только предварительным слушанием, так как процедура соединения и выделения уголовного дела может быть осуществлена и в стадии судебного разбирательства;

- в-третьих, в указанных статьях действующего УПК РФ говорится, что соединение и выделение уголовных дел производится при наличии предусмотренных в законе оснований, однако конкретный перечень их не устанавливается. При этом законодатель отсылает нас к основаниям, предусмотренным статьями 153, 154 УПК РФ («Соединение уголовных дел», «Выделение уголовного дела»), что указывает на «родство» данных нормативных положений между собой, схожесть присущих им свойств и равнозначное положение (один ранг) в иерархии норм, включенных в уголовно-процессуальное законодательство РФ.

Таким образом, можно сказать о том, что по общим свойствам (признакам) исследуемые нормативные положения статей 239.1 и 239.2 УПК РФ по своей принадлежности тяготеют быть отнесенными к категории общих условий.

1. Шарафутдинов Ш.Ф. Соединение и выделение уголовных дел и материалов в советском процессе. Уфа: УВШ МВД СССР, 1990. 87 с.

2. Дробинин Д.В. Соединение и выделение уголовных дел как гарантия их всестороннего исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1999. 16 с.

3. Денисов С.А. Законность и обоснованность соединения и выделения уголовных дел. М.: Юрлитинформ, 2004. 192 с.

4. Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Власова Н.А. Общие условия предварительного расследования. М.: Юрлитинформ, 2005. 144 с.

5. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г.: вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР // Известия ВЦИК. 1923. 18 февраля. № 37.

6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: от 27 октября 1960 г. URL: http://www.democracy.ru/library/laws/federal/up_kodex/page1.html (дата обращения: 05.03.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Проваторова Ксения Васильевна. Преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин.

Волгоградская академия МВД России.

400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Provatorova Ksenia Vasilyevna. Teacher of the Chair of Civil Law Disciplines.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

400089, Russian Federation, Volgograd, Istoricheskaya st., 130.

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Зайцева Елена Александровна. Профессор кафедру уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор.

Волгоградская академия МВД России.

400089, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

Zaitseva Elena Aleksandrovna. Professor of the Chair of Criminal Procedure, Doctor of Sciences (Law), Professor.

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

400089, Russian Federation, Volgograd, Istoricheskaya st., 130.

Ключевые слова: институт соединения уголовных дел; выделение уголовного дела; общие условия; судебное разбирательство; предварительное расследование.

Keywords: institute of connection of criminal cases; allocation of a criminal case; general conditions; judicial proceedings; preliminary investigation.

УДК 343.1

Прохорова Е.А., Саморока В.А.

**ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ
ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

**POSSIBILITIES AND PROSPECTS FOR APPLICATION
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES
AT THE STAGE OF INITIATING A CRIMINAL CASE**

В статье рассматриваются возможности и перспективы применения технологий искусственного интеллекта на стадии возбуждения уголовного дела. Проанализированы целесообразность и допустимость их использования в деятельности по приему, регистрации, проверке и разрешению сообщений о преступлениях.

The article discusses the possibilities and prospects of using artificial intelligence technologies at the stage of initiating a criminal case. The expediency and admissibility of their use in the activity of receiving, registering, verifying and resolving reports of crimes have been analyzed.

Стремительно развивающийся во всем мире процесс внедрения искусственного интеллекта в различные сферы обществен-

ных отношений не мог не затронуть и уголовное судопроизводство. Российские и зарубежные ученые активно занимаются разработкой научной базы и правовой основы применения цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности.

В условиях непрекращающихся споров о судьбе стадии возбуждения уголовного дела в системе отечественного уголовного процесса интересным представляется рассмотрение возможностей и перспектив применения технологий искусственного интеллекта на данном этапе как важнейшего средства его совершенствования, способного искоренить наиболее критикуемые аспекты – трудозатратность предусмотренных главами 19–20 УПК РФ процедур, а также необоснованность принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела [1, с. 176].

В свете обозначенной проблемы необходимо проанализировать целесообразность и допустимость использования информационных систем в деятельности по приему, регистрации, проверке и разрешению сообщений о преступлениях.

Прием и регистрация сообщений о преступлениях, по нашему мнению, являются наиболее вероятным направлением использования технологий искусственного интеллекта на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Ежегодно сотрудниками органов внутренних дел принимается огромное количество заявлений и иных сообщений о преступлениях. Так, в 2020 году зарегистрировано 2 044 221 преступление (93,9 % из них выявлено органами внутренних дел), в 2019 году – 2 024 337 преступлений (93,3 % выявлено органами внутренних дел), в 2018 году – 1 991 532 преступления (92,9 % выявлено органами внутренних дел) [5]. Информатизация порядка приема и регистрации сообщений о преступлениях позволит существенно разгрузить должностных лиц органов внутренних дел, избавив их от рутинной работы по обработке больших объемов информации.

Начало данному процессу на настоящий момент положено: Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденная приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (далее – Ин-

струкция) [2], предусматривает подачу заявлений о преступлениях в электронной форме – направляются посредством официальных сайтов. Удобство рассматриваемого порядка как для органов внутренних дел, так и для заявителей не вызывает сомнений. Полноту и качество таких заявлений гарантирует соответствующее программное обеспечение, предусматривающее их надлежащее оформление и обязательное заполнение необходимых реквизитов.

Перспективы технологизации процесса приема электронных заявлений о преступлениях видятся нам в его расширении и усилении.

Говоря о расширении возможностей подачи заявлений в электронной форме, следует отметить пропаганду эргономичности последней. При этом недопустимо ограничение права заявителя на свободу выбора формы обращения, он должен иметь доступную альтернативу в виде простого и привычного человеческого общения с сотрудником правоохранительного органа и подачи устного или письменного заявления в дежурную часть, что особенно важно для категорий лиц, которые не владеют компьютерной техникой. При этом заявление о преступлении после его оформления по правилам ст. 141 УПК РФ должно быть оцифровано и внесено в программу.

Усиление рассматриваемого процесса означает использование максимума возможностей соответствующих технологических решений, разработанных с использованием методов машинного обучения для разрешения конкретных задач рассматриваемого этапа уголовно-процессуальной деятельности, – например, моментальная проверка заявления на предмет соответствия требованиям закона и достоверности паспортных данных, номера телефона, адреса заявителя, иных данных, фигурирующих в заявлении.

Особый интерес вызывает процесс подписания заявления, оформленного электронным образом. Инструкция предполагает, что электронные заявления переводятся в привычную нам форму письменного заявления – распечатываются на бумажном носителе и подписываются заявителем. Такое правило, на наш взгляд, усложняет рассматриваемую процедуру и не соответствует современным реалиям. Более правильными представляются иные варианты – удостоверение электронной подписью, сканирование

QR-кода и другие подобные способы идентификации личности, получившие широкое распространение в последнее время.

Вопрос о предупреждении заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ может быть решен путем проставления отметки в соответствующей графе. Игнорирование данного требования и отсутствие отметки не даст возможности завершить подачу заявления.

Процесс внесения заявления в электронную форму автоматически должен повлечь его регистрацию. В таком случае действия по приему и регистрации сообщения о преступлении будут объединены, что позволит существенно сократить время на их выполнение. Кроме того, предложенный порядок исключит встречающиеся случаи нарушений учетно-регистрационной дисциплины [1, с. 177].

Помимо изложенного, полагаем, что целесообразно делегировать искусственному интеллекту не только полномочия по оказанию помощи в надлежащем оформлении и регистрации сообщений о преступлениях, но и их распределение по четырем группам и последующее направление адресатам: для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, для решения вопроса об отказе в возбуждении уголовного дела, для проведения проверки, требующей сбора дополнительных материалов, и для передачи по подследственности или в суд. Речь идет, прежде всего, о возложении на программу проверки сообщения о преступлении в части его анализа на предмет наличия или отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, определения органа и должностного лица, которым данное преступление подследственно. Полагаем, что для решения этого вопроса искусственный интеллект должен иметь доступ к актуальной базе правовых актов, а также статистическим и криминалистическим учетам. В результате аналитическая работа, на которую у следователя, дознавателя уходят предоставленные УПК РФ трое суток, программой будет выполняться мгновенно.

Программный комплекс может выявить и необходимость проведения следующего этапа проверки – сбора дополнительных материалов. Учитывая, что в его содержание входит производство следственных и иных процессуальных действий, субъектом его осуществления должен выступать следователь или дознава-

тель, однако и здесь возможна и актуальна помощь искусственного интеллекта, существенно ускоряющая и упрощающая процедуру получения необходимой информации. Например, доступ программы ко всем камерам видеонаблюдения, установленным в общественных местах, поможет без промедления получить видеозапись с предполагаемого места происшествия или обнаружить место нахождения угнанного автомобиля; доступ к базам данных органов государства и муниципальных образований поможет быстро установить факт эвакуации автомобиля и др. На рассматриваемом этапе незаменима помощь искусственного интеллекта в оценке общественной опасности деяния из имеющегося ограниченного набора данных и организации мероприятий по незамедлительному реагированию на поступившее сообщение. Важность предлагаемого нами подхода хорошо иллюстрирует недавний пример, когда в январе 2020 года сотрудницы дежурной части УМВД России по городу Кемерово, находясь на дежурстве, получали сигналы о том, что из одной из квартир многоэтажного жилого дома в Ленинском районе слышны крики женщины с призывом о помощи. Полицейские не прослушали аудиозаписи сигналов и не выяснили у звонивших все обстоятельства конфликта. Вследствие этого не была доведена достоверная информация до оперативных нарядов: ППС, ДПС, Росгвардии. В результате халатных действий полицейских преступные действия злоумышленника не были оперативно пресечены; в указанной квартире была убита 23-летняя женщина [4].

При ответе на вопрос о том, можно ли возложить на искусственный интеллект непосредственное разрешение сообщения о преступлении, следует исходить, в первую очередь, из п/п «в» п. 49 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [3], предупреждающего от делегирования информационным системам возможности принятия решений, которые могут ущемлять права и законные интересы граждан.

К таким решениям относятся возбуждение уголовного дела и отказ в возбуждении уголовного дела; соответственно, установление оснований для их принятия должно повлечь направление

сообщения о преступлении и прилагаемых к нему материалов должностным лицам, правомочным принимать указанные решения. Информационные технологии в данном вопросе могут лишь оказать содействие путем предложения варианта решения на основе обобщения определенного массива данных.

Иначе может быть решен вопрос о принятии решения о направлении сообщения по подследственности или в суд, поскольку, по нашему мнению, оно не затрагивает прав заявителя, а касается исключительно полномочий органов государства. Полагаем, что форма рассматриваемого решения может быть изменена и может не предполагать вынесения постановления, а сводиться к перенаправлению сообщения о преступлении в соответствующий орган государства, то есть можно вести речь об автоматическом принятии данного решения и одновременном информировании заявителя.

Таким образом, перспективы применения технологий искусственного интеллекта на стадии возбуждения уголовного дела видятся нам в активном использовании их возможностей при приеме, регистрации, проверке сообщений о преступлениях, распределении и направлении обработанных сообщений лицам, наделенным компетенцией по дальнейшей работе с ними, что предполагает, прежде всего, внесение соответствующих изменений в УПК РФ и ведомственные нормативные правовые акты.

1. Гаврилов Б.Я. Влияние института возбуждения уголовного дела на состояние борьбы с преступностью // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIV международной научно-практической конференции. Часть 1. Красноярск, 2021.

2. Инструкция о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утв. приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 // Рос. газ. 2014. 14 нояб. № 260.

3. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утв. Указом Президента Рос. Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного

интеллекта в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41, ст. 5700.

4. Новое уголовное дело: еще троих полицейских обвинили в халатности после смерти Веры Пехтелевой [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kem.kp.ru/online/news/4221173>.

5. Состояние преступности в Российской Федерации за январь–февраль 2018 года, за январь–февраль 2019 года, за январь–февраль 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Прохорова Екатерина Александровна. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса, кандидат юридически наук, доцент.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Prokhorova Ekaterina Aleksandrovna. Deputy Head of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

117997, Russian Federation, Moscow, Akademik Volgin st., 12.

Саморока Виктор Анатольевич. Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Samoroka Viktor Anatolyevich. Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure. Candidate of Sciences (Law). Associate Professor.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

117997, Russian Federation, Moscow, Akademik Volgin st., 12.

Ключевые слова: искусственный интеллект; возбуждение уголовного дела; сообщение о преступлении; прием; регистрация; проверка.

Keywords: artificial intelligence; criminal proceedings; reporting a crime; reception; registration; examination.

УДК 343.1

Пупышева Л.А.

**РАЗВИТИЕ НОРМАТИВНОЙ ОСНОВЫ ПРОИЗВОДСТВА
ПО РАССМОТРЕНИЮ И РАЗРЕШЕНИЮ ВОПРОСОВ
ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В УПК РФ (2001–2021 ГОДЫ)**

**DEVELOPMENT OF THE REGULATORY FRAMEWORK OF
PROCEEDINGS FOR THE CONSIDERATION AND
RESOLUTION OF ISSUES OF THE ENFORCEMENT OF THE
JUDGMENT EXECUTION IN THE CRIMINAL PROCEDURE
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (2001–2021)**

В статье описан генезис нормативных предписаний, регламентирующих производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Автором высказаны суждения о предпосылках к формированию современного законодательного регулирования данного вида судебной деятельности. Даются прогнозы по дальнейшему развитию (совершенствованию) норм в гл. 47 УПК РФ.

The article describes the genesis of regulatory prescriptions regulating the proceedings for the consideration and resolution of issues related to the execution of a sentence. The author makes judgments about the prerequisites for the formation of modern legislative regulation of this type of judicial activity. Forecasts are given for the further development (improvement) of the norms in Chapter 47 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, является самостоятельным уголовно-процессуальным производством, регламентированным гл. 47 УПК РФ. Его законодательное регулирование, несмотря на значимость принимаемых решений и количественные показатели, остается во многом пробельным и нуждается в совершенствовании.

Думается, целесообразно начать с определения нормативной основы данного производства. Прежде всего, ее образуют нормы гл. 47 УПК РФ с соответствующим наименованием. При этом в п. 1 «профильного» для исполнения приговора постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21 обращается внимание на его комплексное регулирование. Высшая судебная инстанция обращает внимание судов на то, что вопросы, связанные с исполнением приговора, регулируются не только соответствующими нормами УПК РФ, УК РФ и УИК РФ, «но и иными нормативными правовыми актами». В качестве примера таковых указаны федеральные законы и подзаконные нормативные акты (постановления Правительства РФ, приказы Министерства юстиции).

Несмотря на такое широкое понимание правовой основы производства по делам об исполнении приговора, безусловно, приоритет здесь имеют нормы гл. 47 УПК РФ. При этом ее расположение в структуре уголовно-процессуального закона бесспорно по следующим причинам. Известно, что уголовное судопроизводство определяется законом как досудебное и судебное производство по уголовному делу (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Подход законодателя к содержанию первого этапа (досудебного производства) описан в п. 9 ст. 5 УПК РФ, от трактовки содержания судебного производства законодатель воздержался, не обозначил его временные границы (начало и окончание).

Дискуссионность вопроса о структуре уголовного процесса и его системообразующих элементах, во многом определяющих архитектуру уголовно-процессуального закона, усилилась с появлением в УПК РФ 2001 года новых правовых конструкций (например, глав 321, 401, 511, 551 УПК РФ).

В контексте предмета исследования принципиальное значение имеет определение места исполнения приговора в структуре УПК РФ и системе современного уголовного процесса. С точки

зрения нормативного закрепления в УПК РФ его можно описать следующим образом. Словосочетание «исполнение приговора» использовано законодателем для обозначения (наименования) раздела IV («Исполнение приговора»), который разделен на 2 главы: «Обращение к исполнению приговоров, определений и постановлений» (гл. 46) и «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора» (гл. 47).

С точки зрения законодателя, исполнение приговора, то есть та деятельность, которая предусмотрена главами 46 и 47 УПК РФ, является частью судебного производства по уголовному делу. Стоит сказать, что в уголовно-процессуальной доктрине также распространена позиция о том, что исполнение приговора, в рамках которого судебное решение обращается к исполнению, а также рассматриваются и разрешаются судом вопросы, предусмотренные статьями 397, 398 и 400 УПК РФ, является стадией уголовного процесса, зачастую отождествляемого с производством по уголовному делу.

Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в нашем представлении – самостоятельное, особое уголовно-процессуальное производство, осуществляемое вне уголовного дела [1; 2; 3; 4]. Понимание его как части уголовного дела, во многом объясняет попытки распространить на него многие нормативные предписания и процедуры, совершенно для этого не предназначенные по аналогии (например, положений раздела IV «Меры процессуального принуждения», гл. 33 УПК РФ «Общий порядок подготовки к судебному заседанию», гл. 451 «Производство в суде апелляционной инстанции»).

К основному производству непосредственное отношение имеют процессуальные (в большинстве своем технические) действия, предусмотренные гл. 46 УПК РФ, логически его завершающими. Вопрос о том, могут ли они претендовать на статус самостоятельной стадии производства по уголовному делу, на наш взгляд, остается открытым. При этом некоторыми процессуалистами высказана достаточно оригинальная позиция о том, что обращение приговоров, определений, постановлений к исполнению является завершающей стадией производства по уголовному делу [5].

За 20 лет, прошедшие с момента принятия в 2001 г. УПК РФ, нормативная основа производства по делам об исполнении приговора, как и остальное уголовно-процессуальное законодательство, безусловно, изменялась. Некоторые корректировки гл. 47 УПК РФ стоит признать позитивными. Подчеркнем, что в проектах Уголовно-процессуальных кодексов в периоды реформы 1997–2001 годов по некоторым вопросам ситуация складывалась более удачно. Многие рациональные (разумные) предложения были реализованы в тексте принятого закона, но многие, к сожалению, не восприняты.

Законодательство об исполнении приговора развивалось, в том числе, под влиянием правовых позиций высших судебных инстанций – Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Важнейшей вехой, значимым событием в истории и развитии нормативной основы производства, предусмотренного гл. 47 УПК РФ, является принятие 20 декабря 2011 г. постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (до этого действовало постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 декабря 1964 г. «О некоторых процессуальных вопросах, возникших в судебной практике при исполнении приговоров»), которое в условиях пробельного нормативного регулирования, дефицита уголовно-процессуальных норм, регламентирующих многие ключевые вопросы процедуры, оказывает серьезное влияние на правоприменение. Впоследствии в него также вносились изменения (постановлениями Пленума от 9 февраля 2012 г. № 3, от 17 ноября 2015 г. № 51 и от 22 декабря 2015 г. № 59, от 29 ноября 2016 г. № 56, от 18 декабря 2018 г. № 43), при этом многие вопросы, требовавшие разъяснений как на момент принятия, так и в период действия, так и «повисли в воздухе», на что обращается внимание на страницах юридической печати [6].

Упомянутое выше постановление имеет историческое значение – в п. 2 судебная деятельность по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, признано формой осуществления правосудия. Разделяя приведенную правовую позицию, отметим, что она продиктована характером рассматриваемых и разрешаемых в порядке гл. 47 УПК РФ вопросов. Значимость принимаемых решений требует от предназна-

ченной для этого процедуры и выносимых судебных постановлений соответствия стандартам осуществления правосудия, неукоснительного соблюдения ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, содержится в ст. 397 УПК РФ. Обращает на себя внимание тот факт, что в отдельные нормы (статьи) выделены вопросы об отсрочке исполнения приговора (ст. 398 УПК РФ) и о рассмотрении ходатайства о снятии судимости (ст. 400 УПК РФ).

В настоящее время в ст. 397 УПК РФ перечислено 28 разных по правовой природе и сущности вопросов. В уголовно-процессуальной науке предприняты попытки к их классификации и систематизации [7; 8].

С момента принятия УПК РФ 9 из них изложено в новой, отличающейся от первоначальной, редакции, а также появилось новых 8.

Изменения данной нормы продиктованы, прежде всего, необходимостью согласования с динамичным уголовным и уголовно-исполнительным законодательством.

Является ли перечень вопросов, указанных в ст. 397 УПК РФ, исчерпывающим или остается открытым? Большинство специалистов справедливо, на наш взгляд, сходятся во мнении о том, что он является открытым, подлежит расширенному толкованию, что фактически имеет место в реальном правоприменении.

Еще в ходе обсуждения проектов УПК РФ обращалось внимание на необходимость дополнения перечня вопросов исполнения приговора. Так, например, замечание Правового управления Государственной Думы на проект УПК РФ к рассмотрению во 2-м чтении звучало как: «Статья содержит неполный перечень рассматриваемых судом вопросов, связанных с исполнением приговора», устранить которое предлагалось посредством дополнения проекта УПК РФ вопросами, наличие которых объективно связано с нормами УК РФ и УИК РФ (например статьями 67, 82, 92 УК РФ, статьями 26, 67, 771, 48, УИК РФ и др.). Это свидетельствует о стремлении разработчиков проекта УПК РФ изложить в ст. 397 УПК РФ исчерпывающий перечень вопросов, подлежащих разрешению судом при исполнении приговора. Насколько такой подход оправдан, или достаточно создать уни-

версальную процедуру, подходящую под любые вопросы, которые гипотетически могут возникнуть при исполнении приговора?

В пользу первого варианта (то есть закрепления в законе закрытого перечня) свидетельствует следующее обстоятельство. Как уже отмечалось ранее, рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, осуществляется в форме правосудия. Вынесение акта правосудия (в данном случае постановления суда) предполагает принятие его законным судом, определенного с учетом легальных правил подсудности.

Стоит отметить, что нормы гл. 5 УПК РФ о подсудности (статьи 31–36 УПК РФ) не распространяются на производство, регламентированное гл. 47 УПК РФ. Правила определения подсудности вопросов, связанных с исполнением приговора, установлены ст. 396 УПК РФ «Суды, разрешающие вопросы, связанные с исполнением приговора». Еще на этапе разработки и обсуждения проекта УПК РФ отказались от использования к данному производству термина «подсудность». При этом Конституционный Суд РФ, оценивая конституционность ее положений, говорит именно о подсудности (например определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2015 г. № 2664-О).

Интересно, что в одном из проектов УПК предлагалось установить коллегиальный состав суда («в составе из трех судей») для вопроса о применении принудительных мер медицинского характера при освобождении от наказания. В результате «устояла» более простая процессуальная форма – действующим уголовно-процессуальным законодательством установлено, что вопросы, связанные с исполнением приговора, судья решает единолично в судебном заседании (ч. 6 ст. 396 УПК РФ).

Нормативная регламентация разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, с момента принятия УПК РФ претерпела незначительные, но весьма значимые изменения, также благодаря правовым позициям высшего судебного органа конституционного контроля.

Например, в замечаниях Правового управления Государственной Думы на проект УПК к рассмотрению во 2-м чтении указывалось: «Вызывает сомнение положение части первой статьи, согласно которому вопросы, связанные с исполнением приговора, в случаях, указанных пунктами 3 (изменение вида испра-

вительного учреждения), 5 (замена неотбытой части наказания более мягким), 6 (освобождение от наказания по болезни), 12 (продление, изменение или прекращение применения принудительных мер медицинского характера) статьи 397 могут быть рассмотрены по ходатайству осужденного». Данные нарекания были учтены при принятии УПК РФ.

Впоследствии Конституционным Судом РФ нормы, ограничивающие право осужденного обращаться в суд с ходатайством о замене неотбытой части наказания более мягким, а также об изменении вида исправительного учреждения, признаны не соответствующими Конституции РФ. Кроме того, в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ судам разъяснено, «что положения части 1 статьи 399 УПК РФ не ограничивают право осужденного на обращение в суд с ходатайствами об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда (пункт 3 статьи 397 УПК РФ), о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (пункт 5 статьи 397 УПК РФ), об отмене условного осуждения и о снятии судимости (пункт 7 статьи 397 УПК РФ, часть 1 статьи 74 УК РФ)».

Стоит сказать, что вопрос о процессуальном статусе осужденного в производстве по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, был и остается для законодателя «*petra scandali*». Отметим, что проекты УПК содержали большее количество правовых гарантий для лица, в отношении которого рассматривается вопрос, связанный с исполнением приговора, отвечающего назначению современного уголовного судопроизводства и его принципам.

Так, например, предполагалось включить в текст закона нормативное предписание, согласно которому по ряду дел (связанных с потенциальной возможностью ухудшения его правового положения) участие осужденного в судебном заседании обязательно.

Впоследствии законодателем предпринималась попытка устранить существующий пробел – часть 2 ст. 399 УПК РФ была скорректирована Федеральным законом от 20 марта 2011 г. № 40-ФЗ. Но даже сегодня из текста УПК РФ с очевидностью не следует, что участие осужденного в судебном заседании обязательно. Оно является таковым не *a priori*, о чем свидетельству-

ют многочисленные судебные решения, принятые заочно (т.е. в отсутствие осужденного). Обязательным оно становится, например, при наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании.

Интересна в этом отношении позиция высшей судебной инстанции. В «профильном» постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» содержалось разъяснение о необходимости обеспечения требований закона об обязательном участии осужденного в судебном заседании при рассмотрении и разрешении представлений о замене наказания в виде штрафа, обязательных и исправительных работ, ограничения свободы в случае злостного уклонения от его отбывания, который впоследствии был исключен.

Наличие у осужденного права на защиту оспаривается некоторыми исследователями. Скепсис вызван лаконичным, если не сказать скудным, содержанием ч. 4 ст. 399 УПК РФ – «Осужденный может осуществлять свои права с помощью адвоката». При этом в проекте УПК разработчики полагали необходимым наделять осужденного правом осуществлять права с помощью защитника. Кроме этого, определялись случаи обязательного участия защитника (схожие с теми, которые установлены ст. 51 УПК РФ).

В этом отношении правильными видятся не вошедшие в текст принятого УПК РФ предложения, поскольку в существующих правовых условиях гарантировать осужденному, в отношении которого, например, внесено представление о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания, право на квалифицированную юридическую помощь и на защиту, как правило, не представляется возможным. Отказавшись от наделения адвоката осужденного статусом защитника, государство избавило себя от обязанности по его обеспечению.

Относительно других процессуальных прав, которыми обладает осужденный, участвующий в судебном заседании, текст проекта УПК РФ в целом совпадает со вступившим в силу текстом закона.

Однако имеется одно существенное, на наш взгляд, принципиальное отличие. В проекте УПК РФ говорилось о праве осужденного представлять доказательства (выделено нами – Л.П.). За-

конодатель отказался от использования этого термина применительно к данному производству. Вместо него в тексте действующего закона осужденный обладает правом представлять документы (выделено нами – Л.П.).

Изложенное с очевидностью демонстрирует, с одной стороны, несовершенство нормативной основы производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, а с другой – стремление законодателя исправить сложившуюся ситуацию.

1. Николюк В.В., Пупышева Л.А. Исполнение приговора в системе уголовного процесса: процессуальная стадия или особое судебное производство? // Рос. правосудие. 2021. № 1. С. 97–106.

2. Пупышева Л.А. Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (постановка проблемы) // Мировой судья. 2021. № 6. С. 17–24.

3. Пупышева Л.А. Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (подходы к решению проблемы) // Мировой судья. 2021. № 7. С. 26–35.

4. Пупышева Л.А. Особые производства в современном дифференцированном уголовном процессе России (общетеоретические и отраслевые аспекты) // Мировой судья. 2021. № 8. С. 24–31.

5. Диваев А.Б. Обращение к исполнению приговоров, определений, постановлений – завершающая стадия производства по уголовному делу // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 149–159.

6. Николюк В.В. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21: все ли разъяснения даны? // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2 (45). С. 71–74.

7. Червоткин А.С. Процессуальные особенности рассмотрения вопросов, возникающих на стадии исполнения приговора // Рос. юстиция. 2015. № 10. С. 23–27.

8. Тябина Ю.А. Теоретико-правовые аспекты классификации вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4 (91). С. 125–129.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пупышева Любовь Андреевна. Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Омская академия МВД России.

644092, Российская Федерация, г. Омск, ул. Комарова, 7.

Pupysheva Lyubov Andreevna. Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

644092, Russian Federation, Omsk, Komarov st., 7.

Ключевые слова: исполнение приговора; правосудие; особое производство; общие условия судебного разбирательства.

Keywords: execution of the sentence; justice; special proceedings; general conditions of the trial.

УДК 343.1

Рашидов Б.Н.

**ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА ПРИМЕНЕНИЯ
ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ПО УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**FEATURES OF THE MECHANISM FOR THE APPLICATION
OF PRIVATE ACCUSATION UNDER THE CRIMINAL
PROCEDURE LEGISLATION OF THE REPUBLIC
OF UZBEKISTAN**

В статье излагаются взгляды о частном обвинении в уголовном процессе, механизме применения частного обвинения, проблемах, связанных с механизмом его применения по уголовно-процессуальному законодательству Республики Узбекистан,

необходимости решения этих проблем, а также даны рекомендации по разрешению имеющихся в данной сфере проблем.

The article sets forth the views on the institution of private prosecution in criminal proceedings, the mechanism for applying private prosecution, the problems associated with the mechanism for its application under the criminal procedure legislation of the Republic of Uzbekistan, the need to solve these problems and gives recommendations for resolving the problems in this area.

Анализ юридической литературы показывает, что институт частного обвинения предоставляет возможности для эффективного выполнения задач уголовного процесса. Вместе с тем считается целесообразным дальнейшее расширение в уголовно-процессуальном праве института частного обвинения [1, с. 19–22; 2, с. 34–40]. В правовом демократическом государстве признается приоритет прав и свобод человека, а институт частного обвинения при уголовном судопроизводстве, признавая верховенство данных прав и свобод, создает возможности для достижения этой цели, а именно для отправления правосудия.

В современной судебно-следственной практике существуют определенные проблемы, связанные с осуществлением частного обвинения [3, с. 98–112; 4, с. 27–32]. Эти проблемы в большинстве случаев препятствуют эффективному применению частного обвинения. Основные причины таких проблем, на наш взгляд, связаны с механизмом применения института частного обвинения. Механизм применения института частного обвинения определен в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Узбекистан (далее – УПК). В действующем УПК Республики Узбекистан имеется множество пробелов, касающихся механизма применения частного обвинения. Механизм применения правового института включает в себя процедуры от начала его деятельности до конца производства по делу. В действующем УПК кратко изложены основные правила применения частного обвинения. В том числе, перечислены обстоятельства, при которых возбуждаются уголовные дела по жалобе потерпевшего, указаны порядок отказа в возбуждении и прекращения возбужденного дела при отсутствии жалобы потерпевшего, возможность прекращения дел по

примирению и порядок ведения дел о примирении. Однако в делах частного обвинения особенности доследственной проверки, расследования, судебного разбирательства отдельно не определены. Вышеупомянутые обстоятельства, являясь этапами производства по делу, составляющими механизм применения института частного обвинения, требуют их усовершенствованного регулирования.

Действующий порядок производства по делу по примирению также с точки зрения диспозитивных прав не соответствует современным требованиям. При отдельном анализе правил механизма применения института частного обвинения в уголовном процессе, прежде всего, можно наблюдать, что такие правила определены в статьях 55, 84, 325, 333 УПК.

Статья 55 УПК, посвященная правам и обязанностям потерпевшего, содержит два положения, касающихся применения частного обвинения, а именно: подача заявления в предусмотренных законом случаях о примирении и участие в заседаниях суда по делам о примирении. По нашему мнению, целесообразно в статье, определяющей права и обязанности потерпевшего, отразить основные правила механизма применения частного обвинения, в том числе нормы, составляющие основу для осуществления данной деятельности. То есть, отразить такие права потерпевшего, связанные с частным обвинением, как подача жалобы по делам частного и частно-публичного обвинения с просьбой о привлечении лица к ответственности, отзыв заявления, (самостоятельное) осуществление обвинения, получение помощи от следственных органов при осуществлении обвинения, отказ от частного обвинения. Согласно действующей редакции право на подачу заявления о примирении и участие в суде считаются лишь некоторыми элементами применения института частного обвинения. В то же время целесообразно установить соответствующие права гражданских истцов по делам частного обвинения. В делах частного или частно-публичного обвинения должны быть установлены определенные права гражданского истца, как и потерпевшего. В действующем УПК не определены права гражданского истца по частному обвинению.

В статье 84 УПК приведены основания для прекращения уголовного дела без решения вопроса о виновности лица. В си-

стеме данных оснований определено положение, согласно которому уголовное дело подлежит прекращению без решения вопроса о виновности лица в совершении преступления, если отсутствует жалоба потерпевшего и если дело может быть возбуждено не иначе как по его жалобе, кроме случаев, предусмотренных статьей 325 настоящего Кодекса. Данное положение свидетельствует о наличии института частного обвинения и частично определяет порядок производства по делу. Данной статьей также предусмотрена возможность прекращения уголовного дела в случае примирения потерпевшего с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым по делам о некоторых преступлениях, судом без решения вопроса о виновности в определенном порядке. Вместе с тем следует отметить, несмотря на то, что институт примирения входит в состав института частного обвинения, являясь формой неактивного использования диспозитивных прав потерпевшего в уголовном процессе, он полностью не охватывает механизм применения института частного обвинения.

Статья 325 УПК «Возбуждение уголовного дела по жалобе потерпевшего» отражает основные положения существующей в УПК системы норм о механизме применения частного обвинения. В данной статье определено, по каким преступлениям уголовные дела возбуждаются только по жалобе потерпевшего с просьбой о привлечении к ответственности виновного, исключительные случаи, при которых прокурор обязан возбудить уголовное дело и без жалобы потерпевшего, а именно, когда потерпевший ввиду беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по иным причинам не способен сам защищать свои права и законные интересы.

Статья 325 УПК также регламентирует, какие категории преступлений одновременно относятся к частному обвинению. Разумеется, несмотря на то что вопрос расширения круга преступлений, определенных в действующей редакции статьи 325 УПК, требует отдельного обсуждения и споров, целесообразно дальнейшее расширение данного круга. Вместе с тем следует отметить, что целесообразно определить в содержании данной статьи или отдельной статьи особенности, условия и порядок возбуждения уголовного дела на основании жалобы потерпевшего, а также указать порядок ее принятия.

В действующем УПК не предусмотрен порядок осуществления доследственной проверки, расследования и судебного разбирательства в уголовных делах частного обвинения. Однако, как известно, из-за особенностей производства дел частного обвинения возникают определенные вопросы при производстве данной категории дел. В частности, такие вопросы возникают при объявлении потерпевшим об отзыве своей жалобы, которую он изначально подавал в разгневанном состоянии, при необходимости проведения определенных следственных действий для квалификации деяния с участием потерпевшего, даже если он отказывается от подачи жалобы, при отказе потерпевшего от обвинения после возбуждения уголовного дела, то есть при его желании отозвать жалобу, одновременно с частным обвинением возникают вопросы поддержки или неподдержки обвинения от имени государства, при определении отдельных обстоятельств, требующих выявления при производстве дел частного обвинения и являющихся сокращенными по отношению к общему производству, а также при определении упрощенного порядка производства дела частного обвинения.

По нашему мнению, эти вопросы, являясь особенностями производства дел частного обвинения, требуют установления отдельного порядка производства дел частного обвинения, как это предусмотрено законодательством некоторых зарубежных стран [5; 6; 7].

Установленные в статье 333 УПК нормы отсылочным образом определяют механизм института применения частного обвинения, согласно которым при отсутствии жалобы потерпевшего должностное лицо органа, осуществляющее доследственную проверку, – дознаватель, следователь или прокурор выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. На первый взгляд, даже в делах частного обвинения наблюдается отсутствие серьезных проблем в процессе проведения доследственной проверки в целом. Однако если выявление совершения или несовершения деяния, отраженного в поступившем о преступлении заявлении или сообщении, определение того, является ли оно преступлением или нет разрешаются в общем порядке, то вопросы, связанные с выявлением принадлежности или непринадлежности преступления к частному обвинению, оформлением отказа

от подачи жалобы без каких-либо притеснений на потерпевшего в случае принадлежности дела к частному обвинению, с порядком осуществления возбуждения или отказа в возбуждении дела, при наличии таких притеснений или других обстоятельств, а также необходимостью принятия решения по требованию потерпевшего, изначально подавшего жалобу в разгневанном состоянии, а впоследствии желавшего ее отозвать, целесообразно определить в отдельном порядке.

В заключение необходимо отметить, согласно результатам анализа вышеуказанных статей УПК, определяющих институт частного обвинения, производство дел по частному обвинению должно быть определено в отдельных положениях, регламентирующих ведение производства дел по частному обвинению, в частности отражающих упрощенный порядок производства: проведение доследственной проверки, порядок расследования в случаях необходимости и порядок судебного заседания.

1. Тулаганова Г.З. Перспективы развития института частного обвинения в Узбекистане // Меры совершенствования института частного обвинения и примирения: материалы республиканской научно-практической конференции. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2015. 242 с.

2. Муродов Б.Б. Пути повышения эффективности применения института частного обвинения // Меры совершенствования института частного обвинения и примирения: материалы республиканской научно-практической конференции. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2015. 242 с.

3. Муродов Б.Б. Прекращение уголовного дела: теория и практика: монография. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2016. 166 с.

4. Абдулхақов Я.А. Практика применения возбуждения уголовного дела по жалобе потерпевшего следственными подразделениями // Меры совершенствования института частного обвинения и примирения: материалы республиканской научно-практической конференции. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2015. 242 с.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]: от 2 февраля 2017 г.: по состоянию на

25 мая 2020 г. URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530?cl=ru-ru#st_47 (дата обращения: 25.05.2020).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]: от 4 июля 2014 г.: по состоянию на 1 октября 2019 г. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8446/file/Kazakhstan_CPC_2014_am102019_ru.pdf (дата обращения: 25.05.2020).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г.: по состоянию на 30 октября 2018 г. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1660 (дата обращения: 25.05.2020).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рашидов Бехзод Нурбоевич. Начальник кафедры уголовно-процессуального права, кандидат юридических наук, доцент.

Академия Министерства внутренних дел Республики Узбекистан.

100197, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Интизор, 68.

Bekhzod Nurboyevich Rashidov. Head of the Chair of Criminal Procedure Law, Candidate Sciences (Law), Associate Professor.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

100197, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Intizor st., 68.

Ключевые слова: уголовный процесс; частное обвинение; потерпевший; механизм применения института частного обвинения; проблемы, связанные с механизмом применения института частного обвинения.

Keywords: criminal process; private prosecution; victim; mechanism for applying the institution of private prosecution; problems associated with the mechanism for applying the institution of private prosecution.

Сальников Е.В., Власов В.В.

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ
ОБЫСК ЖИЛИЩА И ЛИЧНЫЙ ОБЫСК**

**ON THE QUESTION OF THE NECESSITY OF PERFECTING
NORMS OF THE CRIMINAL-PROCEDURAL LEGISLATION,
REGULATING THE HOUSE SEARCH
AND PERSONAL SEARCH**

В статье рассмотрены проблемные вопросы привлечения защитника для производства обыска жилища; личного обыска лица противоположенного пола и процессуальное оформление результатов такого обыска. Также авторами затронуты отдельные положения статей 50, 182, 184 УПК РФ, реализация которых в правоприменительной деятельности вызывает затруднения.

In the article the problematic questions of engaging the defender for carrying out house searches, frisking persons of the opposite sex and procedural documentation of the results of such a search. The authors also pay attention to some provisions of articles 50, 182, 184 of the Criminal Procedure Code, the implementation of which in law-enforcement activities causes difficulties.

В настоящее время при расследовании уголовного дела следователи, дознаватели и сотрудники органов дознания сталкиваются с определенными трудностями в производстве обыска, обусловленными необходимостью совмещения внезапности его производства с жесткими процессуальными требованиями, предъявляемыми к указанному следственному действию. Так, согласно части 3 статьи 50 УПК РФ, регламентирующей порядок приглашения защитника, подозреваемому (обвиняемому) предоставляется 5 суток на его приглашение, за исключением случаев задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиня-

емого под стражу, когда указанным процессуальным лицам на приглашение защитника предоставляется 24 часа. Вместе с тем в части 11 статьи 182 УПК РФ указано, что «При производстве обыска вправе присутствовать защитник, а также адвокат того лица, в помещении которого производится обыск» [1].

В этом случае, если возбуждается уголовное дело в отношении конкретного лица или же избирается мера пресечения до предъявления обвинения (за исключением заключения под стражу) или оно уведомляется о подозрении в совершении преступления, то при заявлении ходатайства о приглашении им «своего» защитника в течение 5 суток следователь (дознатель, сотрудник органа дознания) не вправе производить никакие следственные действия. Естественно, в указанный срок все предметы и документы, уличающие подозреваемого в совершении преступления, будут им уничтожены. На практике это приводит к тому, что защитник принудительно назначается подозреваемому в день производства обыска, что, естественно, в последующем может повлечь ходатайство защиты о признании протокола обыска и изъятых в ходе его производства улик недопустимыми доказательствами.

Как нам представляется, в рамках действующей редакции норм УПК РФ, регламентирующих производство обыска жилища, готовясь к его производству, желательно не придавать лицу, у которого производится обыск, процессуальное положение подозреваемого. В этой ситуации в случае заявления ходатайства о приглашении адвоката следователь (дознатель, сотрудник органа дознания), производящий обыск, может предоставить разумный срок на его приглашение, после чего приступить к производству следственного действия. Положения же статьи 50 УПК РФ, по нашему мнению, требуют корректировки с учетом специфики производства обыска жилища.

Проблемным вопросом является также производство личного обыска лиц противоположного пола, в том числе в рамках обыска жилища. В части 2 статьи 184 УПК РФ закреплено: «Личный обыск может быть произведен без соответствующего постановления при задержании лица или заключении его под стражу, а также при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, в котором производится обыск, скрывает при себе предметы или документы, кото-

рые могут иметь значение для уголовного дела». В части третьей этой статьи указано: «Личный обыск лица производится только лицом одного с ним пола и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном действии».

В повседневной деятельности органов предварительного следствия возникают трудности, обусловленные тем, что при производстве обыска в жилище (ином месте), задержании лиц по подозрению в совершении преступления часто возникает необходимость в личном обыске лиц противоположенного пола. В правоприменительной практике, в случае возникновения данной ситуации, следователи (дознаватели, сотрудники органа дознания), производящие обыск, используют следующие варианты оформления его результатов:

1) поручается произвести личный досмотр сотруднику полиции одного пола с лицом, находящимся в обыскиваемом жилище, после чего тот оформляет протокол личного досмотра;

2) поручается производство личного обыска сотруднику полиции одного пола с лицом, находящимся в обыскиваемом жилище, после чего результаты обыска, со слов данного сотрудника, указываются в протоколе обыска жилища, иного места в котором производится обыск;

3) выносится отдельное поручение о производстве личного обыска сотруднику полиции одного пола с лицом, находящимся в обыскиваемом жилище, после чего тот составляет протокол личного обыска.

Первый вариант не соответствует общим требованиям законодательства, так как недопустимо, при возможности производства процессуальных действий, подменять их непроцессуальными.

В рамках действующей правовой конструкции отсутствуют законные основания оформления результатов личного обыска лица противоположенного пола, со слов другого сотрудника (одного с ним пола), и фиксации его результатов в протоколе обыска жилища или иного места в котором производится обыск. Это обусловлено тем, что в этом случае должностное лицо, производящее обыск, само непосредственно не воспринимает ход личного обыска и не может самостоятельно оценить его результаты. В то же время в УПК РФ нет указания на допустимость произ-

водства личного обыска не следователем (дознавателем, сотрудником органа дознания), составляющим протокол обыска, а оформления его результатов со слов иного лица.

В условиях действующего уголовно-процессуального законодательства единственно верным нам представляется вынесение отдельного поручения о производстве личного обыска сотруднику полиции одного пола с обыскиваемым, которым составляется отдельный протокол личного обыска. При этом если личный обыск лица противоположного пола производился в жилище, то, по нашему мнению, нет необходимости последующего уведомления судьи о факте производства личного обыска, так как обыск жилища в соответствии с частью 3 статьи 182 УПК РФ производится на основании судебного решения. Соответственно судья, давая разрешение на производство обыска жилища, предполагает в ходе его производства возможность обыска лиц, находящихся в обыскиваемом помещении.

Вместе с тем мы полагаем, что с целью устранения данных противоречий и совершенствования уголовно-процессуальной практики часть 3 статьи 184 УПК РФ необходимо сформулировать следующим образом:

«Личный обыск лица проводится только лицом одного пола и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном действии. Если в ходе обыска помещения или иного места возникает необходимость в личном обыске лица противоположного пола, его обыск производится одним из участников обыска одного пола с обыскиваемым в присутствии понятых того же пола. Результаты личного обыска лица противоположного пола, со слов лица, производившего личный обыск, заносятся следователем в протокол обыска помещения или иного места, в котором производится обыск».

Также имеются проблемы при реализации положений части 13 статьи 182 УПК РФ, в соответствии с которой все изымаемые предметы, документы и ценности должны быть перечислены с точным указанием их количества, меры, *веса*, индивидуальных признаков и *по возможности стоимости*.

Законодатель обязывает указывать вес изымаемого вещества, однако на практике это сложно реализуемо, например, при

обнаружении в ходе обыска похищенного автомобиля или иного громоздкого предмета или же, наоборот, микрочастиц.

Также законодатель указывает на возможность определения стоимости изымаемого предмета. Данное положение не может быть осуществлено в ходе проведения такого следственного действия, как обыск, так как это требует специальных познаний и, соответственно, решается в ходе исследования, проводимого специалистом или экспертом.

С целью приведения в соответствие действующего уголовно-процессуального законодательства с правоприменительной практикой предлагаем сформулировать часть 13 статьи 182 УПК РФ, регламентирующую основания и порядок производства обыска, в следующей редакции: «В протоколе должно быть указано, в каком месте и при каких обстоятельствах были обнаружены предметы, документы или ценности, выданы они добровольно или изъяты принудительно. Все изымаемые предметы, документы и ценности должны быть перечислены с точным указанием их количества, меры, индивидуальных признаков и, *по возможности, веса*».

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время возникли предпосылки для совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство обыска, с учетом реалий правоприменительной практики, в связи с чем предлагается:

1) скорректировать положения статьи 50 УПК РФ, регламентирующей порядок приглашения подозреваемым (обвиняемым) защитника, с учетом специфики производства следственного действия – обыск;

2) часть 3 статьи 184 УПК РФ сформулировать следующим образом: «Личный обыск лица проводится только лицом одного пола и в присутствии понятых и специалистов того же пола, если они участвуют в данном следственном действии. *Если в ходе обыска помещения или иного места возникла необходимость в личном обыске лица противоположного пола, его обыск производится одним из участников обыска одного пола с обыскиваемым в присутствии понятых того же пола. Результаты личного обыска лица противоположного пола, со слов лица, производив-*

шего личный обыск, заносятся следователем в протокол обыска помещения или иного места, в котором производится обыск;

3) часть 13 статьи 182 УПК РФ, регламентирующую основания и порядок производства обыска, сформулировать в следующей редакции: «В протоколе должно быть указано, в каком месте и при каких обстоятельствах были обнаружены предметы, документы или ценности, выданы они добровольно или изъяты принудительно. Все изымаемые предметы, документы и ценности должны быть перечислены с точным указанием их количества, меры, индивидуальных признаков и, *по возможности, веса*».

1. Семенов Е.А. Фактическое и уголовно-процессуальное задержание: проблемы разграничения и неточности законодательной техники // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3 (84). С. 69–74.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сальников Евгений Вячеславович. Начальник кафедры социально-философских дисциплин, доктор философских наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Salnikov Evgeny Vyacheslavovich. Head of the Chair of Social and Philosophical Disciplines, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Власов Виталий Витальевич. Доцент кафедры социально-философских дисциплин, кандидат политических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Vlasov Vitaly Vitalievich. Assistant Professor of the Chair of Social and Philosophical Disciplines, Candidate of Sciences (Political).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: обыск; личный обыск; защитник; подозреваемый; обвиняемый; обыск жилища.

Keywords: search; personal search; defense attorney; suspect; accused; house search.

УДК 343.1

Самко А.В.

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ
ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ:
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
И ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ**

**APPLICATION OF PRECAUTIONARY MEASURES
IN PRIVATE CRIMINAL CASES: IMPROVEMENT
OF REGULATIONS AND ISSUES OF PROOF**

Автором исследуются проблемные аспекты применения мер пресечения по уголовным делам частного обвинения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства. На основе анализа уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и ряда зарубежных государств, специальной литературы предлагаются пути совершенствования процессуальной регламентации данной деятельности.

The author investigates the problematic aspects of the application of preventive measures in criminal cases of private prosecution at the stage of appointment and preparation of the trial. Based on the

analysis of the criminal procedural legislation of the Republic of Belarus and a number of foreign states, special literature, ways of improving the procedural regulation of this activity are proposed.

В соответствии с ч. 1 ст. 426 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) уголовные дела частного обвинения возбуждаются лицом, пострадавшим от преступления (его представителем, юридическим лицом), путем подачи заявления о совершении в его отношении преступления, предусмотренного чч. 2 и 3 ст. 26 УПК, непосредственно в районный (городской) суд. Подобный порядок производства, отсутствие стадии предварительного расследования по замыслу законодателя должны способствовать их более быстрому рассмотрению, устранению волокиты, экономии бюджетных средств с тем, чтобы права и законные интересы пострадавшего лица были восстановлены в максимально кратчайшие сроки. В противном случае теряется сама логика выделения данного производства. Однако не всегда стороны добросовестно относятся к соблюдению требований по явке, в связи с чем в ходе правоприменительной деятельности судебные разбирательства зачастую откладываются в связи с неявкой обвиняемых в суд. Одна из причин тому видится в отсутствии четко предусмотренных в законе полномочий суда по применению к обвиняемому меры пресечения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства.

Так, в соответствии со ст. 277 УПК по поступившему в суд уголовному делу судья лишь выясняет, подлежит ли изменению или отмене примененная в отношении обвиняемого мера пресечения. Правом ее применить в данной стадии уголовно-процессуального закона суд не наделяет. Подобный вариант регулирования не вызывает сомнений при производстве по делам публичного и частно-публичного обвинения, так как по ним производится предварительное следствие и мера пресечения, как правило, применяется органом уголовного преследования. Суд же, в случае признания этого необходимым, полномочен на ее изменение либо отмену. По делам же частного обвинения этот порядок применим не в полной мере. Достаточно распространены случаи, когда судьи, следуя нормам УПК, не избирают меры пресечения в от-

ношении обвиняемого, что зачастую приводит к затягиванию судебного разбирательства.

Так, например, по уголовному делу в отношении Ж., возбужденному по ст. 153 Уголовного кодекса Республики Беларусь, судом в отношении обвиняемого мера пресечения не избиралась, последний от явки в судебное разбирательство уклонялся, в связи с чем оно неоднократно откладывалось и состоялось практически через год, лишь после объявления Ж. в розыск и его задержания [2]. И подобные примеры далеко не единичны в судебной практике [1].

Следует отметить, что правом применить меру пресечения в стадии назначения и подготовки судебного разбирательства по делам частного обвинения наделяет судью иной нормативный правовой акт. В постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 г. № 1 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения» (далее – Пленум) указано, что при наличии оснований, предусмотренных ст. 117 УПК, судья вправе избрать в отношении обвиняемого меру пресечения [3, п. 13], создавая по сути новую уголовно-процессуальную норму.

Безусловно, как справедливо подчеркивает И.В. Данько, «можно дискутировать о том, насколько это соответствует теории разделения властей, как это согласуется с принципом законности, но утверждать, что, например, пленум Верховного суда не выходит за рамки толкования уголовно-процессуального закона и не создает дополнительных процедурных правил, значит игнорировать реальное положение вещей» [4, с. 55]. Вместе с тем, на наш взгляд, это справедливо в отношении установления именно процедурных правил. К таковым, к примеру, можно отнести сформулированные в вышеуказанном постановлении требования к судье принять решение по поступившему в суд заявлению в течение трех суток или о необходимости оформить его вынесением соответствующего постановления [3, п. 4].

Интересен тот факт, что и суды по-разному подходят к решению указанного вопроса, причем не только в регионах республики, но и в пределах одного города, и даже в одном и том же суде.

Так, изучение уголовных дел частного обвинения в районных судах г. Минска показывает, что, например, в Партизанском районе на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства судьи применяют меру пресечения в 96,7 % случаев, в то время как в Московском районе в аналогичной ситуации мера пресечения не избиралась по 90 % изученных уголовных дел, в Ленинском районном суде применялась мера пресечения в 58 % случаев, в остальных случаях она не избиралась.

В суде Советского района мера пресечения не избиралась не по одному из изученных уголовных дел частного обвинения. Причем стоит учитывать и то обстоятельство, что судья, не применив к обвиняемому меры пресечения, в случае его последующего уклонения от явки фактически лишается возможности ее избрания даже в случае объявления последнего в розыск.

Например, судья суда Московского района г. Минска, вынося постановление об объявлении розыска Ж., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 153 УК Республики Беларусь, в отношении которого ранее мера пресечения не избиралась, со ссылкой на ст. 302 УПК указал в постановлении, что «суд не считает целесообразным избрание в отношении обвиняемого меры пресечения» [2].

Вместе с тем, как представляется, судья и не был полномочен принять подобное решение. Так, в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 302 УПК розыск скрывшегося обвиняемого объявляется определением (постановлением) суда с одновременным решением вопроса об изменении ранее примененной в отношении его меры пресечения. Таким образом, судья имеет возможность лишь изменения ранее примененной меры пресечения, а не ее избрания. А ведь в случае объявления межгосударственного или международного розыска обвиняемого, его задержания за пределами Республики Беларусь отсутствие решения вопроса о мере пресечения не будет способствовать его эффективному исполнению.

Исходя из анализа уголовно-процессуального законодательства государств-участников СНГ, следует отметить, что право избрания меры пресечения на стадии подготовки и назначения судебного разбирательства предоставляется суду в большинстве из них: п. 3 ч. 1 ст. 228 УПК Российской Федерации, п. 3 ч. 2

ст. 293 УПК Республики Армения, ст. 397 УПК Республики Узбекистан, ст. 337 УПК Туркменистана, ст. 300.2.1 УПК Азербайджанской Республики, ч. 3 ст. 315 УПК Украины.

По нашему мнению, суд должен обладать полномочиями по избранию меры пресечения по уголовным делам частного обвинения на стадии назначения и подготовки судебного разбирательства, так как подобная возможность предоставляет судье эффективный механизм влияния на обвиняемого для обеспечения его явки в судебное разбирательство. Безусловно, в рассматриваемой стадии судом не устанавливаются обстоятельства совершения преступления, не исследуются доказательства и вопросы виновности или невиновности обвиняемого. Однако при решении данного вопроса следует учитывать, что судья, принимая заявление, может пообщаться с пострадавшим лицом, а в последующем и с обвиняемым, в рамках ознакомления его с уголовным делом и разъяснением принадлежащих ему прав, а в случае первоначального обращения заявителя в органы уголовного преследования изучить доказательства, представленные по материалам проведенной ими проверки, и принять решение о наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 117 УПК. В то же время необходимо отметить, что подобное полномочие, безусловно, должно содержаться в УПК, а не в актах Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Таким образом, с целью совершенствования регулирования рассматриваемых правоотношений необходимо дополнить ч. 3 ст. 427 УПК предложением следующего содержания: «При наличии оснований, предусмотренных статьей 117 настоящего Кодекса, суд вправе применить в отношении обвиняемого меру пресечения».

1. Уголовные дела № 1-823, 1-650 // Архив суда Бобруйского района и г. Бобруйска.

2. Уголовное дело № 1-185 // Архив суда Московского района г. Минска.

3. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 г. № 1 //

Информационно-поисковая система «Эталон» / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015.

4. Уголовный процесс. Общая часть: учебник / И.В. Данько и [др.]; под общ. ред. И.В. Данько. Минск: Акад. МВД, 2012. 478 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Самко Андрей Викторович. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Академия МВД Республики Беларусь.

220050, Республика Беларусь, г. Минск, пр-т Машерова, 6.

Samko Andrey Viktorovich. Teacher at the Chair of Criminal Procedure.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus.

220050, Republic of Belarus, Minsk, Masherov ave., 6.

Ключевые слова: уголовный процесс; частное обвинение; меры пресечения; доказывание; суд.

Keywords: criminal procedure; private prosecution; preventive measures; proof; court.

УДК 343.12

Сезонова Т.В.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ЗНАНИЙ
В ОБЛАСТИ ХИМИИ И БИОЛОГИИ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

**THE INVESTIGATOR'S USE OF KNOWLEDGE
IN THE FIELD OF CHEMISTRY AND BIOLOGY
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED
TO ILLICIT DRUG TRAFFICKING**

В статье раскрывается значение применения следователем знаний в области химии и биологии при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, а также выделяются области применения данных знаний. Особое внимание уделено процессу назначения экспертиз с использованием следователем специальных естественнонаучных знаний. Сформулирован вывод о том, что применение субъектом расследования знаний в области химии и биологии способствует повышению эффективности раскрытия преступлений незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

The article reveals the importance of the investigator's use of knowledge in the field of chemistry and biology in the investigation of crimes in the field of illicit drug trafficking, and also highlights the areas of application of this knowledge. Special attention is paid to the process of appointing examinations with the use of special natural science knowledge by the investigator. The conclusion is formulated that the use of knowledge in the field of chemistry and biology by the subject of investigation contributes to improving the efficiency of solving crimes of illicit trafficking in narcotic substances and psychotropic substances.

Сбыт наркотических и психотропных веществ одна из самых опасных угроз для государственной и общественной без-

опасности. Связано это с тем, что наркобизнес очень прибыльное криминальное предприятие.

Наличие у следователя естественнонаучных знаний при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств имеет большое значение. Применение субъектом расследования в своей деятельности по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, знаний не только уголовно-процессуального законодательства, но и сведений из области химии и биологии в значительной степени повышает эффективность расследования преступлений данной категории.

По нашему мнению, необходимо рассмотреть более подробно процесс изъятия и подготовки материалов для экспертного исследования. Обнаружение наркотических средств возможно в ходе различных следственных действий (личный обыск, осмотр места происшествия, обыск, выемка). Несмотря на то, что следователь в ходе производства вышеперечисленных следственных действий использует специальные технические средства, он должен отличать вещества, внешне напоминающие наркотические средства, а также иметь представление о предметах, которые могут быть использованы в качестве оборудования для изготовления данных веществ. Например, в ходе следственных действий или оперативно-розыскных мероприятий могут быть обнаружены объекты, не являющиеся наркотическими средствами, но внешне схожие с ними. Басма, хна, табак, насвай, мумиё похожи на наркотики растительного происхождения. Внешний вид наркотических средств и психотропных веществ схож с порошкообразными лекарственными препаратами, в отношении которых не установлены меры контроля. Необходимо помнить, что в последнее время появляются новые виды наркотических средств, определить природу которых возможно только инструментальными методами в лабораторных условиях. При осмотре «подпольных» лабораторий по незаконному производству наркотиков изъятию подлежат вещества, используемые в качестве прекурсоров для наркотических средств (например, пирролидин, ацетон, ангидрид уксусной кислоты, толуол), а также предметы лабораторного оборудования, марли, колбы, флаконы, пленки, иные упаковки, весы, гири, шприцы, режущие инструменты, на которых могут

быть обнаружены остатки наркотических средств [1]. Особое внимание необходимо уделять изъятию острых и колюще-режущих предметов. В целях обеспечения собственной безопасности, а также безопасности других участников следственного действия, недопущения случайного укола себя или окружающих лиц, следователь должен проявлять особую осторожность, так как подобного рода предметы могут содержать не только остатки наркотических веществ, но также могут быть носителями таких заболеваний, как СПИД, гепатит, иных венерических заболеваний. В связи с этим, следователь при производстве следственного действия должен надеть медицинские перчатки, подобные предметы изымать с использованием щипцов, при упаковке использовать такие предметы, которые будут способствовать сохранению на данных предметах криминалистически значимых следов, а также обеспечат безопасную их транспортировку. В качестве упаковки может служить плотная бумага, картонная коробка.

В настоящее время процесс расследования любого уголовного дела невозможно представить без производства различного рода судебных экспертиз, расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не исключение. Анализ экспертной практики показывает, что количество проведенных экспертиз ежегодно возрастает, при этом, отмечается тенденция к проведению более сложных видов экспертных исследований, среди которых преобладают комплексные и комиссионные. Именно от качества и быстроты проведения экспертного исследования зависит эффективность расследования конкретного преступления. В связи с этим, в процессе расследования любого уголовного дела следователи или иные участники уголовного судопроизводства назначают проведение экспертизы.

Правильная организация процесса назначения и производства судебных экспертиз по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, существенно влияет на эффективность расследования уголовного дела [2].

Судебная экспертиза – это процесс проведения исследования и дачи заключения по вопросам, ответить на которые возможно только обладая специальными познаниями, с целью установления необходимых обстоятельств уголовного дела. Процессуальное законодательство свидетельствует о том, что примене-

ние технических средств и специальных знаний является наиболее значимым действием для доказывания.

Порядок назначения судебных экспертиз четко урегулирован действующим уголовно-процессуальным законодательством. Что же касается тактики проведения, то данный аспект разработан в криминалистической теории на основе проведенных практических исследований. По нашему мнению, процесс назначения и производства судебных экспертиз носит комплексный характер, в связи с этим следует учитывать примеры из следственной практики.

Применение знаний в области химии и биологии при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, необходимо при назначении экспертиз с целью выяснения принадлежности данных веществ к категории наркотических. Следователь, исходя из того, какие объекты были обнаружены и изъяты в процессе производства следственных действий, должен оценить, какую экспертизу назначить и какие вопросы поставить перед экспертом для дачи им заключения [3]. В ходе экспертизы возможно определить природу представленных на исследование веществ, отнести их к числу наркотических, установить их качественный и количественный состав.

При расследовании дел об изготовлении наркотиков в «подпольных» лабораториях актуальным является вопрос о способе изготовления того или иного наркотического средства. Достоверно установленная экспертизой природа вещества позволяет в процессе дальнейшего расследования назначить судебные экспертизы специальных видов (агротехническая, фармакологическая, ботаническая, химико-технологическое, медико-наркологическая).

Судебно-фармакологическая экспертиза дает ответ на вопрос о возможности применения лекарственных препаратов без назначения врача.

Судебно-ботаническая и агротехническая экспертиза являются одними из основных при расследовании дел о незаконном культивировании наркосодержащих растений. Целью этих экспертиз является выяснить фазу вегетации растений, установить наличие факта культивации, т.е. определить был ли за растениями какой-либо уход со стороны человека [4].

Таким образом, следователь руководствуется данными знаниями при производстве отдельных следственных действий, которые касаются процесса изъятия и упаковки предполагаемо наркотических веществ. Применение данных знаний необходимо в целях обеспечения безопасности самого следователя, а также других участников следственных действий. Кроме того, основная сфера применения знаний в области химии и биологии раскрывается в процессе назначения судебных экспертиз и подготовки материалов на экспертное исследование. В связи с вышеизложенным, можно утверждать, что наличие у следователя естественнонаучных знаний способствует повышению эффективности расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

1. Решетников М.О борьбе с наркоманиями в России // Основы безопасности жизни. 2016. № 8. С. 45–49. Окончание. Начало см. № 7. С. 55–59.

2. Алукаева С.И. Некоторые проблемы назначения и производства судебной экспертизы // Проблемы совершенствования законодательства: сборник, 2019. С. 139-140.

3. Безручко Е.В. Здоровье человека и здоровье населения: проблема соотношения объектов уголовно-правовой охраны // Рос. следователь. 2017. № 7. С. 12–16.

4. Космодемьянская Е.Е., Лисихина Н.В. Расследование незаконного культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры: методические рекомендации. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сезонова Татьяна Владимировна. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат педагогических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Sezonova Tatiyana Vladimirovna. Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Pedagogical).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств; знания в области химии и биологии; следственные действия; судебные экспертизы.

Keywords: drug trafficking; knowledge in the field of chemistry and biology; investigative actions; forensic examinations.

УДК 343.1

Семёнов Е.А., Каширгов А.Х.

**РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

**IMPLEMENTATION OF CRIMINAL PROCEDURAL
GUARANTEES OF PERSONAL RIGHTS DURING
INVESTIGATIVE ACTIONS**

В статье на основе норм уголовно-процессуального законодательства, трудов ученых-процессуалистов по рассматриваемой теме, а также материалов правоприменительной практики анализируются отдельные направления по обеспечению гарантий прав личности при производстве некоторых следственных действий.

In the article, on the basis of the norms of criminal procedural legislation, the works of procedural scientists on the topic under consideration, as well as materials of law enforcement practice, certain

areas are analyzed to ensure the guarantees of individual rights in carrying out certain investigative actions.

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в условиях построения современной уголовно-процессуальной деятельности может быть осуществлено только при установлении правовых гарантий их реализации. Гарантии находят юридическое закрепление в нормах закона, внешне выражены в виде средств обеспечения как целей уголовного процесса вообще, так и прав его субъектов в частности. В связи с этим различают процессуальные гарантии отдельных субъектов (например, обвиняемого, потерпевшего) и правосудия в целом. Между ними существует соотношение целого и части. Закон исходит из того, что гарантии прав участников процесса являются условиями, без которых правосудие и уголовный процесс не могут обеспечить выполнение стоящих перед ними задач. Поэтому закон обязывает суд, прокурора, следователя и лицо, производящее дознание, не только разъяснить участвующим в деле лицам их права, но и обеспечить возможность осуществления данных прав. Только в таком случае данные нормы теряют свой декларативный характер и приобретают механизм для их реализации в рамках уголовного судопроизводства с учетом положений, вытекающих из конституционных руководящих правовых идей о неприкосновенности личности и защите ее прав и свобод (ст. 17–25 Конституции РФ).

Этимологический анализ термина «гарантия» позволяет утверждать, что его смысл сведен к императивным требованиям, таким как: обеспечивать, охранять, выполнять определенные обязательства. Рассматривая российскую доктрину, традиционно различают общие гарантии (экономические, культурные, политические, идеологические) и юридические (специальные). Кроме того, как отмечал Н.В. Витрук, специальные гарантии предназначены для защиты прав участников [1, с. 132].

По мнению М.С. Строговича, под процессуальными гарантиями понимаются установленные законом средства, при помощи которых граждане могут защищать свои права и интересы [2, с. 87]. Е.Г. Мартынич включал в данное определение не только средства защиты прав граждан, но и деятельность органов, про-

водящих расследование, а также защитника по обеспечению прав [3, с. 4].

Т.Н. Добровольская полагает, что процессуальные гарантии – это различные средства, которые обеспечивают участникам уголовного судопроизводства реализацию предоставленных им прав и свобод [4, с. 133]. По мнению П.А. Лупинской, в процессуальные гарантии также входят содержащиеся в нормах правовые средства, обеспечивающие выполнение предусмотренных обязанностей и использование прав, предусмотренных для субъектов уголовно-процессуальной деятельности [5, с. 52]. Солидарную позицию занимает М.М. Выдря, высказывая мнение о том, что процессуальные гарантии – это правовые средства, установленные законом в целях обеспечения задач правосудия [6, с. 18]. М.В. Баглай рассматривает гарантии как правовые средства, которые обеспечивают реализацию того или иного права человека [7, с. 276–289].

Таким образом, можно сделать вывод, что одни ученые процессуальные гарантии понимают как правовые средства, с помощью которых реализуются права личности, другие – как нормы права или определённые правила поведения, третьи полагают, что это обязанности лиц, ведущих уголовное судопроизводство.

По нашему мнению, основу понятия процессуальных гарантий составляют указанные элементы в совокупности: это и нормы права, и субъективные права и обязанности, и юридические санкции.

Гарантии прав личности при производстве следственных действий, прежде всего, обеспечиваются законодательным закреплением общих правил производства следственных действий, нарушение которых может быть основанием для признания полученных доказательств недопустимыми.

Так, гарантиям чести и достоинства личности, предусмотренным ст. 9 УПК РФ, корреспондирует запрет присутствовать при освидетельствовании лицам другого пола, в том числе, и лица, производящего расследование и фактически производящего данное следственное действие (ч. 4 ст. 179 УПК РФ). Действительно, вынужденное обнажение лица, в каком бы статусе оно не находилось, в присутствии лица другого пола создает дискомфорт, а, соответственно, является унижительным для чести и че-

ловеческого достоинства. В целом, конечно, многие лица испытывают дискомфорт при необходимости обнажения и в присутствии лиц своего пола, но в ряде случаев производство данного следственного действия необходимо для собирания доказательственной базы, вследствие чего законодатель избрал определенный компромисс, предусмотрев минимально возможное ограничение права личной неприкосновенности, гарантируя недопущение излишних унижающих достоинство и честь человека действий, в частности, наблюдения его в обнаженном виде лицом другого пола.

В научной литературе существует мнение, что в нормах ст. 179 УПК РФ наличествуют противоречия, поскольку ч. 2 данной статьи гласит, что освидетельствование производится следователем, а ч. 4 – что при освидетельствовании лица другого пола следователь не присутствует, если освидетельствование сопровождается обнажением [8, с. 111–112]. На наш взгляд, в данном случае никакого противоречия не имеется, а ч. 4 является специальной нормой по отношению к общей норме, предусмотренной ч. 2 ст. 179 УК РФ. Запрет на присутствие лица иного пола относительно освидетельствуемого в том случае, когда последний должен обнажиться, независимо от его статуса, на наш взгляд, является абсолютно правильным, поскольку в ином случае были бы нарушены права освидетельствуемого. Исключение в таком случае закон делает только для врача, поскольку последний в силу специфики своей работы сталкивается с осмотром обнаженных лиц любого пола.

Однако, на наш взгляд, здесь следует сделать небольшое уточнение. Известно, что все люди в силу различных моральных установок психологических качеств по-разному реагируют на необходимость обнажиться при другом лице. Нередки случаи, когда при заболеваниях обращаются за медицинской помощью только к лицам своего пола, отказываясь обнажаться даже перед врачами противоположного пола. В случае же освидетельствования у лица, в отношении которого проводится данное следственное действие, такой возможности нет, по смыслу закона он должен обнажиться в присутствии врача любого пола. На взгляд некоторых ученых-процессуалистов, такое положение дел может ущемить достоинство освидетельствуемого [9, с. 211–213]. Обос-

новывая свою позицию, С.А. Синенко основывается на богатом эмпирическом материале, основу которого составляют результаты анкетирования более 500 респондентов из числа юношей и девушек, 27,2 % которых высказались против участия врача другого пола [9, с. 212]. Соглашаясь с вышеизложенным, представляется необходимым законодательно предусмотреть возможность заявления освидетельствуемым, осмотр тела которого связан с обнажением, ходатайства об осмотре его врачом того же пола. Соответствующие изменения должны быть внесены в ч. 4 ст. 179 УПК РФ. Представляется, что данная норма позволит в полной мере соблюсти права освидетельствуемого лица.

Другим проблемным аспектом при обеспечении прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства является соотношение гарантий прав личности и принудительного потенциала при производстве следственных действий, законность действий лица, ведущего производство по делу, определение допустимых граней применения физической силы, ее целесообразность. Каким же образом проводить принудительное освидетельствование, если лицо, подлежащее освидетельствованию, оказывает активное противодействие? Ряд процессуалистов полагает, что физическое принуждение может применяться исключительно к подозреваемым и обвиняемым, но никак не к потерпевшим и свидетелям [10, с. 233]. Другие считают, что принудительное освидетельствование с применением физической силы возможно только по решению суда, принимаемого по ходатайству лица, производящего расследование, либо неотложно, но с последующим уведомлением суда и предоставлением материалов в порядке ст. 165 УПК РФ [11; 12].

Первая точка зрения нам представляется спорной в связи с тем, что законодатель не сделал никаких оговорок о том, к кому именно может быть применено физическое принуждение при производстве освидетельствования; соответственно, в данном случае, все участники уголовного производства равны. Кроме того, представляется формулировка в ст. 179 УПК РФ о возможности производства в большинстве случаев освидетельствования свидетеля «с согласия», из которой вытекает, что в отношении остальных участников уголовного процесса возможно проведение освидетельствования «без согласия», то есть с применением

физической силы. Поскольку иного пути освидетельствовать лицо против его желания представить трудно. Нам представляется, что в ч. 1 ст. 179 УПК РФ должно быть четко прописано, что в случае отсутствия согласия потерпевшего, свидетеля, подозреваемого или обвиняемого пройти освидетельствование они могут быть подвергнуты производству освидетельствования принудительно, вплоть до применения физической силы. Только такое четкое урегулирование законодателем, на наш взгляд, спорной процедуры производства принудительного освидетельствования позволит лицам, ведущим производство по уголовному делу, проводить необходимое следственное действие в соответствии с уголовно-процессуальными нормами.

При этом мы согласимся с мнением Д.К. Брагера о том, что вопрос о целесообразности и допустимости проведения данного следственного действия принудительно по отношению к конкретному участнику уголовного процесса в случае его отказа пройти освидетельствование должен решать суд [12, с. 77]. Представляется, что вопрос урегулирования процедуры принудительного освидетельствования будет в полной мере способствовать недопущению нарушения принципа уважения чести и достоинства личности, поскольку в настоящее время отсутствие четкого понимания, каким образом возможно его осуществление, может приводить к совершению должностными лицами действий, которые могут унижить честь и достоинство личности, так как любое принуждение всегда имеет очень тонкую грань, отделяющую допустимые меры, ограничивающие конституционное право граждан на неприкосновенность личности от его нарушения и причинения лицу страданий, не вызванных необходимостью. Представляется, что все сказанное применимо и к производству других следственных действий, которые законодатель допускает производить принудительно, в частности, к выемке и получению образцов для сравнительного исследования.

В этой связи Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что предоставление гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод в уголовном судопроизводстве должно быть обусловлено фактическим положением лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав (постановления от 23 марта 1999 г. № 5-П, от 27 июня 2000 г. № 11-П, определения от 5 но-

ября 2004 г. № 350-О, от 23 июня 2009 г. № 889-О-О). При этом в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П КС РФ указал, что понятие «подозреваемый» должно толковаться в его конституционно-правовом, а не в придаваемом ему уголовно-процессуальным законом узком смысле. В целях реализации конституционных прав необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, который подвергается уголовному преследованию [13].

Гарантии прав участников уголовного судопроизводства рассмотрены и в других следственных действиях. Так, ч. 3 ст. 184 УПК РФ так же, как и освидетельствование с обнажением, устанавливает запрет на производство личного обыска лицом другого пола. Данное процессуальное действие связано с прикосновением к различным частям тела человека, в том числе и к интимным (к примеру, когда имеется предположение о том, что искомый предмет может находиться у обыскиваемого лица женского пола в бюстгальтере), и разрешение в данном случае производить личный обыск лицу любого пола являлось бы явно нарушающим достоинство и честь лица, подвергаемого личному обыску.

- ст. 181 УПК РФ запрещает производить следственный эксперимент, если это может создать опасность для здоровья участников данного следственного действия. Так, к примеру, при расследовании дорожно-транспортного происшествия категорически недопустимо с целью решения вопроса о том, мог ли водитель транспортного средства совершить наезд на пешехода, проводить следственный эксперимент, сводящийся к тому, чтобы потерпевший или иное лицо перебежало дорогу перед транспортным средством.

- ч. 7 ст. 182 УПК РФ закрепляет обязанность следователя предпринимать все меры по недопущению оглашения обстоятельств частной жизни лиц, ставших известными в ходе обыска. Данное следственное действие является мероприятием поискового характера, в ходе которого могут стать известными абсолютно любые обстоятельства, в том числе и не связанные с расследованием уголовного дела, касающиеся интимных сторон жизни, и очевидно, что разглашение о них может унижить человеческое достоинство и честь. Так, к примеру, при исследовании переписок в социальной сети у лица, подозреваемого в мошенничестве в

сфере компьютерной информации, в ходе обыска обнаруживается переписка интимного характера с другими лицами. Следователь должен принять все меры к тому, чтобы данная переписка не стала достоянием гласности.

- ч. 2 ст. 202 УПК РФ запрещает применять при получении образцов для сравнительного исследования методов, опасных для жизни и здоровья человека или унижающих его честь и достоинство. К примеру, ни в коем случае, если в подногтевом содержимом потерпевшей от изнасилования обнаружены кусочки кожи подозреваемого лица, недопустимо производить изъятие частей кожи у подозреваемого, поскольку это всегда причиняет физическую боль; в данном случае достаточно изъятие иных образцов (к примеру, слюны, крови), путем исследования которых в ходе идентификационной судебной экспертизы может быть получен ответ на интересующий следствие вопрос: не данному ли лицу принадлежат части кожи, обнаруженные в подногтевом содержимом потерпевшей.

Подводя итог анализу отдельных гарантий участников следственных действий, следует сделать вывод, что система гарантий при производстве указанных процессуальных действий представляет собой целостность её способов и средств, которые взаимодействуют между собой при обеспечении прав и законных интересов участников уголовно-процессуальных отношений с целью назначения уголовного судопроизводства. Следовательно, процессуальные гарантии – это установленные нормой права способы и средства, обеспечивающие назначение уголовного судопроизводства и реализацию участниками уголовного судопроизводства прав, законных интересов, и выполнение ими обязанностей.

1. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности [Электронный ресурс]. М., 2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Строгович М.С. Обвинение и обвиняемый на предварительном следствии и на суде // Избранные труды. В 3. Т. 2. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. М., 1992. С. 87.

3. Мартынчик Е.Г. Гарантии прав обвиняемого в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук., М., 1968. С. 4.
4. Добровольская Т.Н. Гарантии прав граждан в уголовном судопроизводстве // Советское государство и право. 1980. № 2. С. 133.
5. Lupinская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебное пособие. М., 2004. С. 52.
6. Выдря М.М. Уголовно-процессуальные гарантии в суде: учебное пособие. Краснодар, 1980. С. 18.
7. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. М.: Юр. норма, НИЦИНФРА-М., 2015. С. 276–289.
8. Харзинова В.М., Небрятенко Г.Г. Проблемы производства освидетельствования // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 5 (72). С. 111–116.
9. Синенко С.А. Обеспечение принципа уважения чести и достоинства личности при проведении освидетельствования // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2020. Т. 2. № 1 (2). С. 211–217.
10. Галдин М.В. Способы обеспечения обязанности участвовать в производстве освидетельствования по уголовному делу // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2015. № 2 (43). С. 233.
11. Потапова А.Г. Освидетельствование в уголовном судопроизводстве России: процессуальный аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 19.
12. Брагер Д.К. Принудительное проведение освидетельствования и получение образцов для сравнительного исследования: отдельные проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 3. С. 77.
13. О проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. // Рос. газ. 2000. 4 июля.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Семенов Евгений Алексеевич. Профессор кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Semenov Evgeny Alekseevich. Professor of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Каширгов Астемир Хасанбиевич. Преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности.

Северо-Кавказский институт повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД России.

360016, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. Мальбахова, 123.

Kashirgov Astemir Khasanbievich. Teacher of the Chair of Organization of Law Enforcement Activities.

North Caucasian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

360016, Russian Federation, Nalchik, Malbakhov st., 123.

Ключевые слова: процессуальные гарантии; обеспечение прав личности; система гарантий; следственные действия; освидетельствование; личный обыск.

Keywords: procedural guarantees; ensuring the rights of the individual; system of guarantees; investigative actions; survey; personal search.

УДК 343.1

Семенцов В.А.

**ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК ФАКТОР
ОПТИМИЗАЦИИ ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ
ФОРМЫ И ОБЪЕМА**

**THE CONCEPT OF A CRIMINAL CASE AS AN
OPTIMIZATION FACTOR OF ITS PROCEDURAL
FORM AND SCOPE**

В статье излагаются результаты аналитического исследования уголовно-процессуального законодательства стран на постсоветском пространстве в части определения понятия «уголовное дело». Выделяются основные признаки данной категории и формулируется авторское определение. Сделан вывод о непосредственной взаимосвязи понятия уголовного дела и уголовно-процессуальной формы предварительного расследования. В контексте отмеченных аспектов рассмотрены проблемы излишней объемности современных уголовных дел, высказано предложение об оптимизации процессуальной формы уголовного дела за счет внедрения цифровых средств, что потребует детальной законодательной и технической проработки, модернизации всего уголовного судопроизводства.

The article presents the results of an analytical study of the criminal procedure legislation of the countries in the post-Soviet space in terms of the definition of the concept of "a criminal case". The main features of this category are highlighted and the author's definition is formulated. The conclusion is made about the direct relationship between the concept of a criminal case and the criminal procedural form of a preliminary investigation. In the context of the mentioned aspects, the problems of excessive volume of modern criminal cases are considered, a proposal is made to optimize the procedural form of a criminal case through the introduction of digital tools, which will require detailed legislative and technical study, modernization of the entire criminal proceedings.

В действующей редакции УПК РФ термин «уголовное дело» используется законодателем 253 раза, в том числе 4 – в ст. 5, где закреплены основные понятия, используемые в кодексе [1]. Столь частое упоминание словосочетания «уголовное дело» обусловлено тем, что оно составляет основное содержание уголовного судопроизводства: от момента обнаружения признаков преступления и до его разрешения по существу.

Вместе с тем указанное понятие в УПК РФ не раскрыто, не упоминается термин «уголовное дело» и в Большом толковом словаре русского языка, хотя согласно юридическому словарю – это дело, возбужденное в установленном законом порядке в каждом случае обнаружения признаков преступления [2, с. 567], когда речь идет, скорее всего, о процессуальном производстве [3, с. 14]. При этом, как справедливо отмечается в литературе, «объективная возможность дефинировать понятие "уголовное дело" в ином нормативном правовом акте отсутствует» [4, с. 12]. Очевидно только одно, что возникновение уголовного дела непосредственно связано с предположением уполномоченного лица о наличии преступного деяния, запрещенного уголовным законом, с принятием процессуального решения о возбуждении уголовного дела.

Отсутствие в тексте УПК РФ понятия «уголовное дело» и неоднозначность подходов к его определению в науке и практике уголовного судопроизводства вызывает необходимость исследования этого вопроса.

В.В. Кальницкий, П.Г. Марфицин рассматривают «уголовное дело» как юридическое производство, жизненный случай и совокупность документов [5, с. 32], поскольку в УПК РФ это понятие употребляется во всех трех его значениях.

По мнению Е.Г. Васильевой, в УПК РФ имеются такие словосочетания, как «материалы уголовного дела», «производство по уголовному делу» и др., что свидетельствует о том, что тот смысл, который вкладывается российским законодателем в термин «уголовное дело», далеко не однозначен [6, с. 9].

Здесь следует учитывать, что в ст. 10 Модельного уголовно-процессуального кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств, раскрывающей значение основных понятий, содержащихся в этом своде закона, в пункте 5 ука-

зывается, что уголовное дело – это обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования и судом по поводу одного или нескольких предположительно совершенных деяний, запрещенных уголовным законом [7].

Аналогичный подход к формулированию понятия уголовного дела применяется в УПК отдельных странах на постсоветском пространстве, объединяя в своем содержании такие признаки как обособленность и ведение производства органом уголовного преследования и судом по поводу совершенного преступления:

1) пункт 6 ст. 7 УПК Азербайджанской Республики определяет уголовное дело в виде совокупности материалов, собранных во время осуществления уголовного преследования в связи с преступлением, которое совершено или совершение которого предполагается [8];

2) пункт 2 ст. 6 УПК Республики Армения – в качестве обособленного производства, осуществляемого органом уголовного преследования или судом в связи с одним или несколькими предположительно совершенными деяниями, не допускаемыми уголовным кодексом [9];

3) пункт 47 ст. 6 УПК Республики Беларусь – обособленного производства, ведущегося органом уголовного преследования и судом по поводу совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом [10];

4) пункт 27 ст. 7 УПК Республики Казахстан – обособленного производства, ведущегося органом уголовного преследования и (или) судом по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений [11];

5) пункт 5 ст. 6 УПК Республики Молдова – уголовного судопроизводства, осуществляемого органом уголовного преследования и судебной инстанцией в отдельном конкретном случае в отношении одного или нескольких совершенных или предположительно совершенных преступлений [12];

6) пункт 36 ст. 6 УПК Туркменистана – опять же обособленного производства, ведущегося органом уголовного преследования и судом по поводу одного или нескольких предположительно совершенных преступлений [13].

В то же время в УПК не только Российской Федерации, но и таких стран как Грузия, Кыргызская, Латвийская, Литовская и

Эстонская Республика, Республик Узбекистан, Таджикистан и Украина понятие уголовного дела отсутствует, что позволяет сделать вывод о наличии двух подходов в странах на постсоветском пространстве, когда данное понятие получает свое прямое законодательное закрепление в базовой норме УПК, содержащей основные понятия, либо нет.

Именно отсутствие в тексте УПК РФ законодательной трактовки термина «уголовное дело» вызвало в науке уголовного процесса активную дискуссию, с определением признаков, характеризующих это понятие, и формулированием предложения по его закреплению в законе.

Так, В.И. Никандров связывал исследуемое понятие уголовного дела с процессуальной деятельностью лица, осуществляющего производство по конкретному факту имевшего место или предполагаемого преступления [14, с. 3]. «При этом содержанием процессуальной деятельности, – отмечает Е. И. Жидкова, – служит весь комплекс осуществляемых процессуальных действий и принимаемых процессуальных решений в рамках конкретного производства» [15, с. 72–73].

С.В. Супрун и Р. Ганболд предлагают раскрыть содержание понятия «уголовное дело» в числе основных понятий, перечисленных в ст. 5 УПК РФ, и нормативно изложить его в следующем виде: «Уголовное дело – это совокупность процессуальных документов, удостоверяющих деятельность органов предварительного расследования, прокурора и суда по установлению, исследованию и разрешению уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, возникающих между участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты в результате совершения общественно-опасного деяния, запрещённого уголовным законом» [16, с. 139–140].

В словаре-комментарии к уголовно-процессуальному кодексу разъясняется, что «уголовное дело – совокупность процессуальных документов, оформляющих предварительное расследование [17, с. 152]».

Если взять за основу одно из толкований слова «дело», определяемого как «собрание документов, относящихся к какому-либо факту или лицу», с привязкой к слову «уголовный», т.е. «относящийся к преступности, к преступлениям и их наказуемо-

сти» [18, с. 159, 824], то это обособленная совокупность процессуальных и иных документов, оформляемых в ходе досудебного и судебного производства по поводу совершенного преступления.

К числу процессуальных документов уголовного дела относятся следственные и судебные акты (протоколы, постановления, определения и др.), составляемые уполномоченными участниками уголовного судопроизводства, в которых отражаются ход и содержание уголовно-процессуальной деятельности, производимые действия и принимаемые решения (п. 32 и 33 ст. 5 УПК РФ). Иные же документы уголовного дела – это, как правило, различного рода справки, характеристики, расписки, сообщения организаций, служебные документы (приказы, распоряжения, указания, рапорты), переписка, бухгалтерская документация и др. Общее между всеми иными документами состоит в том, что они содержат относящиеся к уголовному делу сведения, например, характеризующие обвиняемого – справка о судимости, характеристика с места жительства или работы, справки из наркологических или психиатрических диспансеров. Значительный объем уголовного дела обычно составляют материалы проверки сообщения о преступлении, которые в дальнейшем, уже после возбуждения уголовного дела, фактически дублируются другими процессуальными действиями.

Каждая из названных научных формулировок понятия уголовного дела, с учетом выделяемых признаков, заслуживает внимания, позволяет не только уяснить его смысл и содержательное наполнение, но сформулировать авторское понятие.

В этой связи мы считаем, что понятие уголовного дела должно получить свое законодательное закрепление в ст. 5 УПК РФ как обособленной совокупности процессуальных и иных документов, оформляемых должностными лицами, уполномоченными осуществлять уголовное судопроизводство в ходе досудебного и судебного производства в пределах их компетенции, по поводу преступления, которое совершено или совершение которого предполагается.

Основную часть уголовного дела составляют бумажные (письменные) документы (следственные и судебные акты, иные документы). Письменная форма уголовного дела, когда докумен-

ту составляются с помощью письменных знаков (от руки либо с помощью технических средств) существовала и продолжает существовать во многих странах, включая Российскую Федерацию, хотя возникает «необходимость коренного пересмотра привычных представлений об уголовном деле как материальном носителе письменных актов» [19, с. 83].

Дело в том, что объем письменных документов бывает неоправданно велик и не только с позиции процессуальной экономии, но и здравого смысла, и как следствие этого, возникают трудности в соблюдении процессуальных сроков, систематизации материалов уголовного дела, обеспечении прав участников и др.

«Большинство следователей, – пишут К.Д. Титаев и М.С. Шклярчук, – утверждают, что средний объем уголовного дела – свыше 100 листов (27,1 %), 25,2 % говорят об объеме от 101 до 200, 27,1 % – о том, что объем больше 250 листов не является редкостью. Причем последний вариант (больше 250 листов) означает, что дело займет несколько томов» [20, с. 65].

О том, что объем уголовного дела может быть большим, прямо упоминается в ч. 2 ст. 154 УПК РФ, как основание для принятия решения о выделении уголовного дела в отдельное производство и завершения предварительного расследования. В ч. 1 ст. 163 УПК РФ указано на большой объем уголовного дела, как основание создания следственной группы для производства предварительного следствия. Опять же большой объем уголовного дела позволяет вышестоящему прокурору продлить срок рассмотрения надзирающим прокурором поступившего от следователя уголовного дела с обвинительным заключением до 30 суток (ч. 1.1 ст. 221 УПК РФ).

Как считает А.А. Трефилов, средний объем одного уголовного дела следователя составляет 4-5 томов, а по многоэпизодным преступлениям или по деяниям, совершенным большим количеством соучастников, может превышать и 100 томов [21, с. 68–70]. Но и это не предел, когда, например, уголовное дело в отношении российского предпринимателя С.П. Мавроди, организатора финансовой пирамиды «МММ» составляло 700 томов, дело членов Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) – более 400 томов, организованной преступной группировки, действовавшей на территории Республики Татар-

стан, Москвы и Украины «29-й комплекс» (г. Набережные Челны) – 212 томов.

И еще. Уголовное дело в отношении банкира А. Гительсона по обвинению в хищении у правительства Ленинградской области около 2 млрд руб., взятого под стражу после официальной экстрадиции из Австрии, составляло более 800 томов [22], а в ГСУ МВД по г. Москве за 2015 г. были расследованы уголовные дела, каждое из которых составляет 20 томов и более, и в общем объеме шестьсот тонн, что равно семьдесят пять «Камазам» или девяти железнодорожным вагонам [23].

В этой связи вполне резонным будет предложение о постепенном переходе от бумажного к электронному уголовному делу, что позволит измерять объём электронного уголовного дела уже не в количестве листов и томов, а в других единицах, используемых в наши дни для измерения информации, – битах, байтах и др., что будет соответствовать, утверждают О.В. Качалова и Ю.А. Цветков, «современному пониманию природы уголовного дела как информационного продукта» [24, с. 95–101].

Стоит отметить уже наработанный опыт в Республике Казахстан, где еще 21 декабря 2017 г. принят закон, которым гл. 5 УПК дополнена ст. 42.1 «Формат уголовного судопроизводства», закрепившей право лица, ведущего уголовный процесс, по своему усмотрению «вести уголовное судопроизводство в электронном формате, о чем выносится мотивированное постановление» [25].

В результате проведенного ранее анкетирования установлено, что если отказаться от бумажного формата уголовного дела в пользу электронного, то это даст возможность: 1) упростить процессуальный порядок оформления дела, повысит обеспеченность прав участников на осуществление судопроизводства без необоснованных задержек, на что указали 39,4 % от числа опрошенных респондентов; 2) снизить риски фальсификации доказательств – 18,2 %; 3) обеспечить процессуальную экономию – 34,8 %; 4) внедрить в практику новые приемы и методы организации труда для снижения нагрузки должностных лиц, осуществляющих производство по делу – 39,4 % [26, с. 52–55].

Однако следует учитывать, что для успешного внедрения электронного формата уголовного дела в следственную и судеб-

ную практику понадобится задействовать электронный документооборот на каждой стадии уголовного судопроизводства, с детальной регламентацией процессуальных действий и решений при помощи электронных технических средств.

Международный эксперт Совета Европы, адвокат Р. Симаитис отметил, что в Литве внедрена система электронного дела, но с сохранением возможности составления документов в традиционном бумажном виде, поскольку продвижение информационных технологий – процесс долговременный и дорогостоящий. Литве потребовалось более 10 лет для перехода от бумажного документооборота в судах к цифровому. Трудности возникали при определении круга IT-специалистов, судей, аналитиков, которые будут непосредственно разрабатывать и внедрять проекты. А главное – это проблема изменения мышления, когда переход к цифровизации правосудия возможен только если к этому готовы все заинтересованные участники этого процесса – как судьи и юристы в целом, так и граждане [27].

Поэтому электронное уголовное дело следует рассматривать как перспективную отечественную цифровую инновация, когда привычное дело на бумажном носителе постепенно будет заменяться электронным. Вопрос о внедрении электронной формы дела в практику уголовного судопроизводства требует детальной законодательной и технической проработки, модернизации всего производства по уголовному делу, но это объективный процесс, остановить который невозможно.

Для нас очевидно, что переход на электронную форму уголовного дела не только сократит документооборот и обеспечит сохранность материалов уголовного дела, но и снизит нагрузку на следственные и судебные органы, повысит прозрачность и быстроту досудебного и судебного производства, улучшит их качество, повысит эффективность. Внедрение электронной формы уголовного дела облегчит процедурные правила ознакомления заинтересованных участников с материалами уголовного дела.

Что касается понятия «уголовное дело», то оно должно получить свое закрепление в ст. 5 УПК РФ, с учетом опыта отдельных стран на постсоветском пространстве, а также интенсивности использования этого термина законодателем. Внедрение же электронной модели уголовного дела как перспективной отече-

ственной цифровой инновация потребует изложения и этого понятия в той же базовой ст. 5 УПК РФ.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: с изм. и доп. по сост. на 1 июля 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (часть I), ст. 4921.

2. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., перераб и доп. М.: ИНФРА-М, 2009. 856 с.

3. Волынская О.В. Некоторые подходы к формированию по 3. С. 13–16.

4. Баранов А.М., Смирнова К.Н. Понятие и свойства основных понятий УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2 (57). С. 11–15.

5. Кальницкий В.В., Марфицин П.Г. К вопросу о понятии «уголовное дело» // Научный вестник Омской академии МВД России. 2001. № 1 (13). С. 31–33.

6. Васильева Е.Г. Правовые и теоретические проблемы прекращения уголовного преследования и производства по уголовному делу. М.: Юрлитинформ, 2006. 312 с.

7. Модельный уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. СПб., 17 февраля 1996 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (приложение). 1996. № 10.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ: с изм. и доп. по сост. на 23 апреля 2021 г.) // Собр. законодательства Азербайджанской Республики. 2000. № 8, ст. 585.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248: с изм. и доп. по сост. на 17 июня 2021 г. // Официальные ведомости Республики Армения. 1998. № 22 (55).

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З: с изм. и доп. по сост. на 26 мая 2021 г. // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. 1999. № 28–29, ст. 433.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V: с изм. и доп. по сост. на 4 сентября 2021 г. // Казахстанская правда. 2014. 10 июля.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV: с изм. и доп. по сост. на 12 февраля 2021 г. // Официальный монитор Республики Молдова. 2003. № 104–110, ст. 447.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 18 апреля 2009 г.: с изм. и доп. по сост. на 22 августа 2020 г. // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2009. № 2, ст. 29.

14. Никандров В.И. Возбуждение уголовного дела: лекция. М.: ВЮЗИ, 1990. 22 с.

15. Жидкова Е.И. Производство по уголовному делу // Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М.: Статус, 2016. 1276 с.

16. Супрун С.В., Ганболд Р. Предварительное расследование России и Монголии: актуальные проблемы определения содержания понятий «дознанное дело», «уголовное дело», «уголовное преследование», «прекращение уголовного дела» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 137–145.

17. Словарь-комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под науч. ред. И.В. Смольковой. М.: Юрлитинформ, 2008. С. 171 с.

18. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеол. М.: АСТ, 2021. 1360 с.

19. Шереметьев И.И. Электронное уголовное дело: что это такое и пути его создания // Lexrussia (Русский закон). 2020. № 10 (167). Т. 73. С. 83.

20. Титаев К.Д., Шклярчук М.С. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность: монография. М.: Норма, 2016. С. 65.

21. Трефилов А.А. «Объем» уголовного дела и его влияние на достижение целей судопроизводства // Всерос. журнал научных публикаций. 2011. Июль. С. 68–70.

22. Объем уголовного дела составляет более 800 томов // Коммерсантъ. 2013. 11 дек.

23. 20 томов дела и 40-часовые сутки: как работает следователь полиции // Москва. 24. 2015. 6 апр.

24. Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Рос. правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

25. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности: Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI ЗРК // Казахстанская правда. 2017. 22 дек.

26. Семенцов В.А. Цифровизация правоохранительной деятельности и роботизация юридической профессии // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 1. С. 52–55.

27. Перспективы внедрения электронного правосудия в Республике Беларусь обсудили в Верховном Суде / 11 июня 2019 г. состоялся круглый стол, посвященный обсуждению перспектив внедрения электронного правосудия в Республике Беларусь // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенцов Владимир Александрович. Профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани.

Кубанский государственный университет.

350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Sementsov Vladimir Aleksandrovich. Professor of the Chair of Criminal Procedure, Doctor of Science (Law), Professor, Honored Lawyer of Kuban.

Kuban State University.

350040, Russian Federation, Krasnodar, Stavropol st., 149.

Ключевые слова: уголовное дело; большой объем; оптимизация; процессуальная форма; цифровые средства; электронная форма.

Keywords: criminal case; large volume; optimization; procedural form; digital means; electronic form.

УДК 343.1

Синенко С.А., Савенков Ю.Н.

**К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН**

**ON THE QUESTION OF TERMINATION
OF A CRIMINAL CASE IN CONNECTION WITH
RECONCILIATION OF THE PARTIES**

В статье обращается внимание на использование в уголовно-процессуальной деятельности института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, приводятся примеры, иллюстрирующие неоднозначную практику его применения. Авторы обращаются к разъяснениям Верховного Суда РФ и доктринальным позициям относительно толкования условий, необходимых для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Соглашаясь отчасти с тем, что на редкое использование данного института в ходе предварительного расследования влияет установленная система оценки работы органов дознания и предварительного следствия, авторы констатируют, что прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в суде является более обоснованным.

The article discusses topical issues of termination of a criminal case in connection with reconciliation of the parties. The authors draw attention to the active use of this institution by law enforcement officers, give examples from judicial practice illustrating the ambiguous practice of its application. The authors refer to the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation and the doctrinal positions regarding the interpretation of conditions necessary for termination of a criminal case in connection with reconciliation of the parties. Partly agreeing with the vision that a rare use of the institution of

termination of a criminal case in connection with reconciliation of the parties is influenced by the established system of assessing the work of bodies of inquiry and preliminary investigation, the authors state that the implementation of the regarded institute in court is more reasonable.

Одно из оснований, при наличии которых законодатель дает право суду, следователю с согласия руководителя следственного органа и дознавателю с согласия прокурора прекратить уголовное дело – это примирение потерпевшего с лицом, совершившим в отношении него преступление. Для принятия такого решения должны быть выполнены следующие условия: лицо, совершившее преступление, должно примириться с потерпевшим; потерпевший или его законный представитель должны обратиться с соответствующим заявлением в суд, к следователю или дознавателю; лицо должно впервые совершить преступление; преступление должно быть небольшой или средней тяжести; лицо, совершившее преступление, должно загладить причиненный потерпевшему вред; лицо, совершившее преступление, согласно на прекращение уголовного дела по данному основанию.

Введение института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон в уголовное судопроизводство активно используется правоприменителями, однако, как показывает практика его применения, указанные условия понимаются ими по-разному.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание – это понимание правоприменителями значения условия «загладить причиненный потерпевшему вред». Следует согласиться с мнением Ф.Н. Багаутдинова о том, что «заглаживание вреда судами понимается весьма широко и может иметь самые разнообразные формы» [1]. Чтобы внести ясность в этот вопрос Верховным Судом РФ была обобщена судебная практика и сформировано мнение, что следует понимать под заглаживанием вреда, о котором идет речь в ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 56) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственно-

сти» указывается, что под этим следует понимать возмещение ущерба, а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего: имущественная, в том числе денежная компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав и законных интересов потерпевшего. Способы заглаживания вреда определяются потерпевшим и должны носить законный характер и не ущемлять права третьих лиц. Кроме того, Верховный Суд РФ считает, что размер возмещения вреда определяется потерпевшим. Таким образом, был рекомендован порядок определения размера возмещения ущерба, который напрямую зависит от мнения потерпевшего. Такое разъяснение представляется важным, поскольку на практике решение суда о прекращении уголовного дела за примирением сторон порой зависело от объема возмещенного вреда. Так, например, постановлением Рыбинского районного суда Красноярского края от 19 февраля 2009 г. было отказано в удовлетворении ходатайства потерпевших С. и Г., представителя потерпевшего Г. о прекращении уголовного дела за примирением в отношении Г., обвиняемого по ч. 2 ст. 264 УК РФ, в связи с тем, что причиненный потерпевшему Г. вред не заглажен в полном объеме (следовало выплатить в пользу потерпевшего ещё 75 тысяч рублей). Аналогичное решение приняли их коллеги из Ачинского городского суда Красноярского края, которые своим постановлением от 8 декабря 2009 г. отказали в удовлетворении ходатайства потерпевшей Г. о прекращении уголовного дела в отношении Д., обвиняемого по ч. 1 ст. 264 УК РФ на основании того, что фактический вред, причиненный преступлением, возмещен потерпевшей не в полном объеме.

Представляется, что данное разъяснение расширяет возможности потерпевшего в восстановлении своих прав и законных интересов, нарушенных совершенным преступлением, предоставляя ему право самому определять достаточность действий лица, совершившего преступление, принимаемых для заглаживания причиненного вреда, вплоть до отказа в возмещении вреда. Такой же позиции придерживается О.В. Макарова, которая счи-

тает, что «предложение о том, что возмещение имущественного вреда потерпевшему может не препятствовать освобождению лица от уголовной ответственности, если потерпевший не предъявил к нему соответствующее требование или отказался от предъявленного требования и отказ был принят соответствующим должностным лицом или судом, позволит шире использовать институт примирения с потерпевшим» [2].

Вместе с тем Верховный Суд РФ внёс и другое пояснение, в котором однозначно указал, что обещания, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, возместить ущерб или загладить вред в будущем не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности. Такой подход к вопросу заглаживания вреда, как нам видится, в некоторой степени не соответствует указанному выше пояснению Верховного Суда РФ о роли потерпевшего в выборе способа заглаживания вреда и размера его возмещения, поскольку в некоторых случаях потерпевшему достаточно полученного обязательства о возмещении вреда либо вообще отказа в его компенсации. Однако некоторые правоприменители в таких случаях не соглашаются принимать решение о прекращении уголовного дела. Так, например, одним из оснований отказа Ленинского районного суда г. Красноярска в прекращении уголовного дела в отношении С., обвиняемого по ч. 2 ст. 264 УК РФ, было возмещение вреда потерпевшему не в полном объеме, хотя подсудимый С. дал обязательство погашения его в дальнейшем равными долями в определенный сторонами срок.

Привлекает внимание ещё одно условие, необходимое для прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Закон предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности лишь для тех лиц, которые впервые совершили преступление. Замысел законодателя нам видится в том, что допускается возможность прекращения уголовного дела в отношении лиц, менее общественно опасных, не вставших на преступный путь, для которых совершенное преступление является случайным и единственным эпизодом в их жизни и которые после этого глубоко сожалеют о случившемся, всячески стараются загладить причиненные последствия своего преступного поведе-

ния, примириться с потерпевшим и в дальнейшем вести законопослушный образ жизни. Такой подход представляется верным с позиций гуманизации уголовного судопроизводства и «восстановительного правосудия». Однако в практической деятельности имеют место случаи прекращения уголовного дела за примирением сторон, когда лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, уже совершало преступление, но к моменту примирения судимость за ранее совершенное преступление уже погашена или снята. Так, например, постановлением Енисейского районного суда Красноярского края от 1 сентября 2009 г. потерпевшей Л. отказано в прекращении уголовного дела в отношении В., обвиняемого по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ на основании того, что В. ранее судим и судимость не снята и не погашена. Очевидно, что суд бы принял положительное решение, если бы судимость была снята или погашена.

Верховный Суд РФ в своём официальном толковании применения статей 75, 76, 76.1 и 76.2 УК РФ выразил аналогичную позицию, указав, что впервые совершившим преступление также следует считать лицо, которое уже было осуждено за совершение преступления и приговор в отношении него за это преступление вступил в законную силу, но к моменту совершения нового преступления судимость была снята или погашена [3].

Обозначенный подход к понятию «впервые совершивший преступление» в аспекте такой поощрительной уголовно-правовой меры, как освобождение от уголовной ответственности, представляется не вполне отвечающим назначению института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. С юридической точки зрения погашение или снятие судимости действительно аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью и предусмотренные УК РФ, но фактически в этой ситуации человек не первый раз нарушает уголовный закон, и говорить о его законопослушном поведении, о его негативном отношении к совершению преступлений, по нашему мнению, не уместно. В этой связи показателен случай из практики Кировского районного суда г. Хабаровска, когда по уголовному делу № 1-147/09 в отношении Б., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, потерпевшая была согласна прекратить уголовное дело, однако суд отказал в этом

по причине того, что Б. ранее неоднократно привлекался к уголовной ответственности и, хотя значится юридически не судимым, не может относиться к лицам, впервые совершившим преступление.

Обратим внимание и ещё на один аспект рассматриваемого института освобождения от уголовной ответственности, который касается субъекта его применения. Закон предоставляет такое право трём субъектам правоприменения: суду, следователю с согласия руководителя следственного органа и дознавателю с согласия прокурора. Вместе с тем практика применения этого института в основном ложится на стадию судебного производства. Так, в 2020 году из 839 982 лиц, по которым поступили уголовные дела в суд первой инстанции, в отношении 102 456 человек они были прекращены в связи с примирением сторон, что составило 12,2 % [4]. В то же время, например, следователи и дознаватели УМВД России по Орловской области прекращали уголовное дело по данному основанию в единичных случаях, которые составили менее 1 % от привлеченных в качестве подозреваемых или обвиняемых по уголовным делам.

Представляет интерес, насколько оправдана такая практика применения ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ. Прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон на стадии досудебного производства имеет ряд неоспоримых преимуществ, о которых пишут в юридической литературе. Это возмещение потерпевшему вреда, причиненного преступлением, в более короткий промежуток времени с момента совершения преступления; оптимизация расходов бюджетных средств, предназначенных для функционирования органов уголовной юстиции; отсутствие необходимости содержать обвиняемого (подозреваемого) в следственном изоляторе; непроведение судебного разбирательства по уголовному делу и, как следствие этого, – снижение нагрузки на судей и сокращение срока производства по уголовному делу в первой инстанции [5]. Но тем не менее такой вид прекращения уголовных дел редко применяется на этой стадии уголовного судопроизводства. Основную причину этого некоторые авторы, а также следователи видят в показателе оценки деятельности органов предварительного расследования. Так, А.В. Матвеев утверждает, что «причиной тому служит в большей степени то обстоя-

тельство, что в статистических отчетах о проделанной работе имеется показатель о количестве законченных уголовных дел, которые направлены в суд. Именно количество направленных в суд дел свидетельствует о качестве работы органов дознания и органов предварительного следствия. Уголовные дела, прекращенные за примирением сторон на стадии предварительного расследования, негативно влияют на показатели работы органов дознания и органов следствия» [6].

Отчасти соглашаясь с таким видением причины редкого применения института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон в ходе предварительного расследования, следует отметить, что система оценки, контроля и надзора деятельности правоприменителей строится на положениях уголовной политики, принятой в стране. Значит, надо полагать, что если введен такой порядок контроля деятельности предварительного расследования, то он отвечает её требованиям. Очевидно, что при необходимости особого труда не составит сделать положительным показателем деятельности органов предварительного расследования количество уголовных дел, прекращенных в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым или подозреваемым. Поэтому, по нашему мнению, причина этого видится в другом.

Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон по существу является окончанием предварительного расследования. Для принятия такого решения следователь (дознаватель) обязан точно и обоснованно квалифицировать деяние обвиняемого, чтобы установить категорию преступления, поскольку это одно из обязательных условий прекращения уголовного дела. И хотя закон и представляет возможность прекращения уголовного дела в ходе предварительного расследования уголовного дела, окончательную квалификацию преступления и виновность лица, его совершившего, и другие обстоятельства, влияющие на принятие решения о прекращении уголовного дела, устанавливаются в суде, что делает его более обоснованным.

1. Багаутдинов Ф.Н. Некоторые вопросы заглаживания вреда как одного из условий для назначения судебного штрафа // Рос. юстиция. 2019. № 6. С. 34.

2. Макарова О.В. Заглаживание причиненного потерпевшему вреда как обязательное условие прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2016. Ч. 2. С. 16.

3. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19: в ред. постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2016 г. № 56. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5671> (дата обращения: 23.09.2021).

5. Малышева О.А. К вопросу о целесообразности применения института примирения сторон органами предварительного расследования // Рос. следователь. 2019. № 7. С. 22–23.

6. Матвеев А.В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2016. Ч. 2. С. 32.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Синенко Сергей Андреевич. Начальник института, доктор юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Sinenko Sergei Andreyevich. Head of the Institute, Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Савенков Юрий Николаевич. Начальник управления.

Управление МВД России по Орловской области.

302028, Российская Федерация, г. Орел, ул. Тургенева, 15.

Savenkov Yuri Nikolaevich. Head of the Directorate.

Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Oryol region.

302028, Russian Federation, Orel, Turgenev st., 15.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; прекращение уголовного дела; примирение сторон; потерпевший; заглаживание вреда; совершение преступления впервые.

Keywords: criminal proceedings; termination of a criminal case; reconciliation of the parties; victim; reparation and expiation; committing a crime for the first time.

УДК 343.1

Сретенцев А.Н.

**К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ
ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

**ON THE QUESTION OF THE PROSPECTS OF
DEVELOPMENT OF THE PERSONAL IDENTIFICATION
SYSTEM IN CRIMINAL COURT PROCEEDINGS**

Одним из необходимых условий деятельности по раскрытию и расследованию преступлений является возможность осуществления надежной инструментальной идентификации личности участников преступных событий.

Научные методы идентификации человека развивались поэтапно на протяжении веков. Так, одним из первых исторических упоминаний о применении метода систематизированной идентификации является «Кулай-Пулай» – система описания внешности, существовавшая еще в Древнем Египте[1].

В более поздний период, в XIX веке, Альфонсом Бертильоном был предложен концептуально сходный метод – антропометрическая идентификация, одновременно с этим началось формирование первой в истории системы криминалистической регистрации. Используя данный метод, А. Бертильон вносил в карточки метрические сведения, описывающие одиннадцать параметров тела человека. Данный метод получил широкое признание и применялся до тех пор, пока не был вытеснен более эффективной системой – дактилоскопической регистрацией в конце XIX – начале XX века. Дактилоскопическая регистрация на протяжении многих лет была основным способом криминалистической регистрации и продолжает эффективно применяться в настоящее время.

Вместе с тем, в последние десятилетия произошло существенное расширение круга технологичных, имеющих существенную научную проработку идентификационных методов, демонстрирующих высокую эффективность (геномная идентификация, идентификация по радужке, сетчатке глаза, сетке вен на руке, термограмме лица).

Все перечисленные методы, несмотря на свои различия, имеют в своей основе нечто общее – они основаны на анализе биометрических параметров человека (биометрических данных).

Одними из наиболее доступных для анализа биометрических параметров человека являются его внешность и, в первую очередь, лицо как носитель большой совокупности идентификационных признаков.

Современный уровень развития фотовидеотехники позволяет легко и быстро изготавливать высококачественные отображения указанных выше признаков внешности.

Простота получения отображений внешности человека, высокая идентификационная ценность такой информации и возможность анализа таких отображений при помощи инструмен-

тальных средств делает их ценным источником розыскной и доказательственной информации.

В данной связи существенной прикладной задачей, стоящей перед криминалистической наукой в настоящее время, является обеспечение более эффективного использования возможностей идентификации личности по фото и видеоизображениям. На наш взгляд, для решения этой задачи есть все необходимые предпосылки, главной из которых является развитие технологии машинного обучения.

Так, обучив решению идентификационных задач электронно-вычислительную машину, можно многократно увеличить скорость достижения результата, что особенно актуально, например при непроцессуальной форме идентификации, когда оперативность получения результата имеет первоочередное значение.

Технологии полностью автоматизированной (без участия человека) биометрической идентификации уже успешно применяются в различных областях, преимущественно в гражданской сфере. Так, например, система автоматизированной биометрической идентификации уже полномасштабно внедрена в сферу банковских услуг. Ведется работа по подготовке аналогичных систем к активному внедрению в иных сферах. Так, продекларированная в рамках национального проекта цифровизация экономики и общая информатизация многих сфер общественной жизни ознаменовала начало работы над созданием и запуском Единой биометрической системы (ЕБС). Данная система уже используется в пилотном режиме в различных направлениях. Так, например:

1) Летом 2020 года был реализован пилотный проект по использованию данных из ЕБС для организации пропускного режима в здании правительственного комплекса на Пресненской набережной в Москве. Система контроля и управления доступом (СКУД) распознает сотрудников по лицам и пропускает их в здание [2];

2) В 2020 году началась интеграция ЕБС с госуслугами. Был, например, реализован пилотный проект по идентификации граждан для дистанционного участия в судебных заседаниях по видеосвязи [3];

3) В конце 2020 года Минцифры РФ предложило использовать ЕБС в дистанционных образовательных технологиях для

обеспечения идентификации личности (например при дистанционной сдаче экзаменов) [4].

Говоря о применении подобных технологий в правоохранительной сфере, следует отметить имеющийся передовой отечественный опыт внедрения технологии технического зрения в Москве, где в настоящее время функционирует целая сеть интеллектуальных видеосистем. Уже за первые два года функционирования данная система позволила раскрыть более 3 тысяч преступлений [5].

Интеллектуальное видеонаблюдение повсеместно внедрено на улицах и в метрополитене Москвы с сентября 2020 года. Данная технология активно развивается, в дальнейшем планируется расширение круга идентификационных объектов; так ожидается, что идентификация станет возможной не только по лицу, но и радужной оболочке глаза, татуировкам и даже по голосу [6].

Кроме того, по нашему мнению, существует еще ряд направлений перспективного развития систем видеоидентификации.

Одним из таких направлений является распознавание потенциально опасных объектов (например, огнестрельного оружия) в видеопотоке. Данная функция может быть реализована на базе тех же принципов, по которым осуществляется распознавание лица человека. Определение контура, геометрии и размеров изображенного объекта и сопоставление их с эталонами потенциально опасных предметов, заложенными в базу, а также мгновенное информирование об этом операторов для принятия своевременных решений, снизит вероятность наступления тяжелых последствий. Данная мера была бы способна снизить шанс повторения трагедии аналогичной той, что случилась в Казани 11 мая 2021 года. В тот день преступник, прежде чем приступить к реализации своего умысла, преодолел существенное расстояние, открыто демонстрируя оружие и несколько раз попал в поле зрения стационарных камер видеонаблюдения. Подключение камер наружного видеонаблюдения к нейросети, обученной распознаванию подобных объектов и информированию оператора о выявленных инцидентах, существенно повысило бы защищенность образовательных учреждений и иных уязвимых объектов.

Еще одним смежным направлением может стать интеграция в систему распознавания лиц программного обеспечения, анализирующего по мимике эмоционально-психическое состояние человека [7]. Такой вид автоматизированного инструментального профайлинга может быть эффективен в целях повышения антитеррористической защищенности на авиационном, железнодорожном, морском транспорте, метрополитене, а также в учебных заведениях, объектах культуры и торговых центрах.

Кроме того, возможности автоматизированной идентификации личности могут быть востребованы для целей дистанционного производства следственных действий. Так, проведение двухфакторной (и более) идентификации через Портал государственных услуг РФ перед началом дистанционного следственного действия выглядит весьма целесообразно. А рост числа следственных действий, проводимых в таком режиме, должен способствовать снижению экономических и временных издержек, связанных с необходимостью транспортировки участника уголовного судопроизводства в суд.

Таким образом, система идентификации личности стоит на пороге существенных изменений, основными направлениями которых будут расширение области применения идентификационных технологий, рост их функциональных возможностей, большая автоматизация процесса отождествления. Данные изменения будут способствовать качественному изменению многих аспектов деятельности правоохранительных органов, а по степени своего влияния они сопоставимы с переходом от полностью ручной системы обработки дактилоскопических карт к созданию автоматизированных дактилоскопических систем.

1. Якимов И.Н. Оpozнание преступников. М., 1928. С. 34.

2. «Биометрический» пропускной режим в «Башне министерств» – начат эксперимент [Электронный ресурс]. URL: <https://d-russia.ru/biometricheskij-propusknoj-rezhim-v-bashne-ministerstv-nachat-jeksperiment.html>.

3. «Ростелеком» подвел итоги работы Единой биометрической системы в 2020 году [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2020-12-28_rostelekom_podvel_itogi.

4. В России студенты будут сдавать биометрию для допуска к онлайн-экзаменам [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210307/ekzameny-1600266402.html>.

5. Система распознавания лиц в Москве помогла раскрыть 3 тысячи преступлений [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/11/04/reg-cfo/sistema-raspoznavaniia-lic-v-moskve-pomogla-raskryt-3-siachi-prestuplenij.html>.

6. МВД при помощи камер начнет искать преступников по татуировкам и походке [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/24/02/2020/5e4fb5af9a7947cfd5e1e3.

7. Интеграция с отпечатками пальцев и ДНК [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/24/02/2020/5e4fb5af9a7947cfd5e1e3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сретенцев Андрей Николаевич. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Sretentsev Andrey Nikolaevich. Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; идентификация; идентификация личности.

Keywords: criminal proceedings; identification; identification of the person.

УДК 343.1

Сретенцев Д.Н.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

SPECIFICITIES OF THE INVESTIGATION OF UNSOLVED CRIMES OF PAST YEARS

В статье рассматриваются особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, отмечается, что наиболее сложными для раскрытия и расследования являются преступления, совершенные в прошлом, которые не были в свое время раскрыты, и уголовные дела по ним были приостановлены. Особое внимание уделяется проблемам, возникающим при расследовании данных противоправных деяний. Также в статье отмечается, что основной проблемой при раскрытии преступлений прошлых лет являются допущенные ошибки, которые необходимо устранить. В этом может помочь метод аналогии, заключающийся в поиске похожих дел и выдвигении новых следственных версий.

The article discusses the specificities of the investigation of unsolved crimes of past years, it is noted that the most difficult for the disclosure and investigation are crimes committed in the past, which were not disclosed in due time, and criminal cases on them were suspended. Particular attention is paid to the problems arising during the investigation of these illegal acts. The article also notes that the main problem in solving crimes of past years is the mistakes made, which must be eliminated. This can be helped by the method of analogy, which consists in searching for similar cases and putting forward new investigative versions.

После того как сроки расследования истекли, а виновное лицо так и не было установлено, уголовное дело направляется в архив. Но это не означает, что оно покроется там слоем пыли, а преступник останется безнаказанным. Как правило, уголовное дело может быть возобновлено, хотя уже и приобретет статус «старого» дела. Для того чтобы расставить все точки над «и»,

необходимо обратиться к методике расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, специфичностью которой является то, что: во-первых, она основывается на общей методике криминалистики; во-вторых, регламентируется методикой расследования конкретного вида преступления.

По результатам анализа работ ученых-исследователей, а также практических материалов можно выделить следующие основные недостатки в следственной работе, которые, на наш взгляд, не дали возможность своевременно раскрыть противоправное деяние:

1. Несвоевременность возбуждения уголовного дела.

2. Необоснованное приостановление предварительного следствия без выполнения всех необходимых действий в отсутствие обвиняемого. В данном случае мы можем говорить, что следователь не выполнил весь возможный спектр следственных действий, направленных на сбор информации и доказательств.

3. Узкий круг версий, выдвинутых на проверку, а также неполнота проведения последней. Безусловно, крайне важно выделить максимально возможное число версий и полностью их проверить. Только данный подход даст возможность провести полное расследование, а также избежать следственных ошибок.

4. Проведение не по всем изъятым с места преступления объектам соответствующих экспертиз и ограниченные на тот период расследования возможности проведения судебных экспертиз.

С учетом развития современной техники исследование всех объектов крайне важно, т.к. могут быть выявлены следы ДНК и иные следы, которые могут способствовать продолжению расследования.

Следует согласиться с Л.Я. Драпкиным, который выделяет две группы нераскрытых преступлений: 1) к первой группе относятся скрытые преступления. В данном случае осуществляется маскировка самого преступного события. В итоге правоохранительные органы не в состоянии выявить даже его признаков. Как правило, совершение подобных преступлений связано с достаточно высокой квалификацией виновных лиц, которые сумели должным образом скрыть противоправное деяние. Но также это может быть связано с низким уровнем расследования и квалифи-

кации сотрудников, которые не сумели выявить признаки совершенного противоправного деяния, ввиду чего следует повышать квалификацию следователей и иных сотрудников правоохранительных органов; 2) ко второй группе преступлений относятся нераскрытые противоправные деяния, в отношении которых имеются данные о событии преступления, но отсутствуют сведения о виновных в их совершении лица.

Обратившись к основным элементам криминалистической характеристики нераскрытых преступлений прошлых лет, можно выявить проблемы, которые имеют место на практике в каждом из ее элементов:

1. Событие преступления как факт совершения противоправного деяния. Оно может быть доказано/не доказано либо быть неверно квалифицировано. При этом основной ошибкой является неверная квалификация, которая в последующем делает невозможным выявление преступников, т.к. определяет неверное направление всей оперативно-розыскной деятельности. Данная ошибка затрудняет выявление виновного в совершении преступления лица.

2. Способ совершения преступления. Является важнейшим элементом характеристики преступного деяния с криминалистической точки зрения. Достаточно успешным считается раскрытие преступлений по методу аналогии, т.е. поиск сходных черт между различными преступными деяниями, от которых можно перейти к сходству лиц, их совершивших. В тех случаях, когда признаков преступления достаточно мало или же они являются недостаточно специфичными, следователю стоит продолжать информационный поиск для подтверждения или опровержения сведений о совершении преступления одним и тем же преступником. При этом следует отметить, что нераскрытые преступления прошлых лет при грамотном применении рассматриваемого метода достаточно часто раскрываются в последующем.

3. Место и время совершения преступления. Являются взаимосвязанными элементами. Именно благодаря им можно либо исключить, либо установить виновных в совершении преступления лиц. Точно зная способ, место и время совершения преступления, следователь может выдвинуть оптимальные версии со-

вершения преступления и раскрыть нераскрытые преступления прошлых лет.

4. Личность потерпевшего. К сожалению, достаточно часто встречаются случаи, когда из-за недостаточного исследования личности потерпевшего производство по уголовному делу приостанавливается. Полагаем, что следователю при раскрытии дела необходимо в полной мере рассмотреть все возможные связи потерпевшего – как явные, так и завуалированные. Вместе с тем следователю стоит проверить все возможные версии, чтобы не направить расследование по ложному направлению.

5. Характер и размер вреда. Как правило, от этого зависит квалификация преступного деяния. Проблемой является неточное установление характера вреда, который также может повести расследование в неверном направлении.

Таким образом, на наш взгляд, необходимо постоянное взаимодействие между следователем и оперативными сотрудниками. При этом следователь должен осуществлять регулирование всей деятельности по расследованию преступления, проводить постоянную проверку выдвигаемых версий, а также своевременно возобновлять производство по делу. При этом следует использовать как гласные, так и негласные возможности, имеющиеся у органов дознания.

Количество нераскрытых преступлений прошлых лет складывается из совершенных в текущем периоде преступлений, а также уголовных дел, которые к данному моменту приостановлены или такое процессуальное решение предполагается принять в ближайшее время. То есть виновность лица, совершившего преступление, не доказана, уголовное дело не направлено следственным органом, следовательно, не рассмотрено судом, и по которому обвинительный приговор не вынесен.

Таким образом, мы сможем выявить конкретные факторы, препятствующие защите законных интересов потерпевших и осуществлению правосудия в разумный срок:

- 1) несвоевременность принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела;
- 2) несвоевременность направления объектов на исследование специалиста или экспертизу;

3) экспертные ошибки или ошибки в исследовании специалистов;

4) игнорирование некоторых версий и увлечение другими;

5) неграмотные действия при планировании расследования отдельного следственного действия, составление шаблонных, типовых, повторяющихся планов;

6) несвоевременный осмотр места происшествия (иные не отложенные следственные действия);

7) неправильное изъятие и исследование объектов биологического происхождения (со следами биологического происхождения), приведшие к уничтожению данных объектов (следов);

8) несвоевременное реагирование оперативных служб на необходимое взаимодействие со следствием (в результате чего преступник скрылся, доказательства уничтожены);

9) несвоевременное заведение дел оперативного учета;

10) игнорирование возможностей современных технических средств (психофизиологическое исследование с использованием полиграфа, ольфакторика и другие).

Полагаем, что при производстве по любому уголовному делу по преступлениям прошлых лет строго необходимы следующие, часто игнорируемые следователем и оперативником действия:

1) выход на место происшествия;

2) допрос всех проходящих по делу лиц;

3) извлечение всех имеющихся заключений специалистов и выводов экспертиз;

4) перепроверка всех данных об оперативно-справочном, криминалистическом и вспомогательном учетах (естественно, сообразуясь с имеющимися возможностями, свидетель может умереть, вещественное доказательство может быть утрачено и так далее).

Резюмируя, можно утверждать, что:

1) часть преступлений, совершаемых ежегодно, остается нераскрытой;

2) это происходит в силу ряда объективных и субъективных причин;

3) можно выявить основные из них и предусмотреть меры противодействия;

4) нераскрытые тяжкие и особо тяжкие преступления влекут потенциальную опасность утраты правоохранительными органами авторитета в глазах населения и совершения новых общественно-опасных деяний;

5) показатели эффективности деятельности по раскрытию, расследованию преступлений в плане субъективной и объективной их значимости необходимо пересматривать.

1. Багмет А.М., Цветков Ю.А. Раскрытие и расследование преступлений прошлых лет – приоритетный проект Следственного комитета Российской Федерации // Рос. следователь. 2016. № 3. С. 3–7.

2. Драпкин Л.Я. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет // Рос. юридический журнал. 2014. № 4. С. 105–113.

3. Папшева Н.А., Паськова К.С. К вопросу об особенностях расследования нераскрытых преступлений прошлых лет // Инновационные технологии научного развития: сборник статей международной научно-практической конференции: в 5 частях, 2017. С. 155–157.

4. Хмелёва А.В. Отдельные вопросы расследования преступлений прошлых лет: учебно-практическое пособие / под ред. А.М. Багмета. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2017. 45 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сретенцев Денис Николаевич. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Sretentsev Denis Nikolaevich. Senior Lecturer at the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs, Candidate of Legal Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: преступление; расследование; срок; несвоевременность; проверка; взаимодействие.

Keywords: crime; investigation; term; untimeliness; verification; interaction.

УДК 343.1

Сумин А.В., Химичева О.В.

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ И СВОБОДА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

PRESUMPTION OF INNOCENCE AND FREEDOM OF DISTRIBUTION OF INFORMATION

Статья посвящена соблюдению презумпции невиновности средствами массовой информации. На основе положений российских и международных правовых актов и прецедентной практики ЕСПЧ аргументирован вывод о необходимости внесения в законодательство России правовых норм, устанавливающих правила распространения информации, содержащей сведения о личности подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, при этом такие правила не должны ограничивать конституционную свободу распространения информации.

The article is devoted to the observance of the presumption of innocence by the mass media. Based on the provisions of Russian and international legal acts and the case-law of the ECHR, the conclusion is reasoned that it is necessary to introduce legal norms into the legislation of Russia that establish rules for the dissemination of information containing information about the identity of suspects or ac-

cused of committing a crime, while such rules should not restrict the constitutional freedom of dissemination of information.

Одно из правовых последствий презумпции невиновности состоит в запрете представления человека виновным в совершении преступления до вступления в законную силу обвинительного приговора суда.

По смыслу международных правовых актов (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [1] и пунктов 18–21 Вводной части и статей 4 и 5 Директивы Европарламента и Союза от 9 марта 2016 г. № (EU) 2016/343 об усилении некоторых аспектов презумпции невиновности и права присутствовать в судебном разбирательстве по уголовным делам [2]), публичные заявления государственных органов о виновности конкретного лица в совершении преступлений недопустимы. Это не относится к поддержанию государственного обвинения в суде, а также к тем ситуациям «публичного распространения информации об уголовном судопроизводстве, когда это строго необходимо по причинам, связанным с уголовным расследованием или общественными интересами» [2].

Однако, по мнению авторов статьи, на данное последствие презумпции невиновности следует смотреть шире, нежели предписывает упомянутая выше Директива.

Взаимосвязанный анализ положения ч. 1 статьи 49 и ч. 2 статьи 15 Конституции Российской Федерации [3] даёт полное основание утверждать, что требование считать «обвиняемого невиновным в совершении преступления до тех пор, пока виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» адресовано не только государственным органам, но и неопределённому кругу должностных лиц, граждан, их объединений и, следовательно, средствам массовой информации (далее – СМИ), поскольку журналисты являются гражданами.

Таким образом, можно сделать обоснованный вывод о том, что в СМИ не должна распространяться информация, прямо или косвенно подвергающая сомнению невиновность того или иного лица.

Здесь же отметим, что презумпция невиновности распространяется не только на обвиняемого, но и на подозреваемого (поскольку как обвиняемый, так и подозреваемый являются участниками уголовного процесса в одной и той же стадии уголовного судопроизводства и, более того, это одно и то же лицо, наделяемое разной совокупностью процессуальных прав в зависимости от этапа этой стадии). Более того, сложно согласиться с достаточно распространённым в российской уголовно-процессуальной науке мнением о том, что презумпция невиновности начинает действовать с момента возбуждения уголовного дела: эта презумпция является одним из принципов уголовного процесса (статья 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [4], далее – УПК России), а действие принципов распространяется на все стадии и, следовательно, нет никаких теоретических или правовых препятствий считать началом действия рассматриваемой презумпции момент возникновения уголовно-процессуальных правоотношений (п. 9 статьи 5 УПК России). Исходя из изложенного, можно сделать вывод об обязанности СМИ не нарушать презумпцию невиновности конкретного лица с момента начала стадии возбуждения уголовного дела.

Ученые-процессуалисты вполне обоснованно отмечают «важность роли СМИ, а также взаимодействующих с ними специализированных подразделений государственных правоохранительных и судебных органов по информированию общественности о ходе и результатах предварительного расследования и судебного разбирательства» [5]. Однако часто такое «информирование» осуществляется без какого-либо контроля со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, и переходит всякие границы: ведет к разглашению тайны предварительного расследования и нарушениям конституционных прав участников уголовного процесса.

Ежедневно СМИ распространяют сведения о задержаниях лиц по подозрению в совершении преступления, при этом зачастую не стесняются применять выражения, никак не соответствующие презумпции невиновности: задержан за «получение взятки», «разбойное нападение», «отмывание денежных средств», при этом то обстоятельство, что пока имеется лишь подозрение в совершении преступления, маскируется среди указанных выра-

жений; нередко подобные заявления делаются даже ещё до возбуждения уголовного дела (в таких случаях сообщение, как правило, завершается фразой: «Решается вопрос о возбуждении уголовного дела»). Более того, СМИ не гнушаются называть фамилию и иные данные, а также демонстрировать фото- или видеоизображение конкретного лица, что позволяет его однозначно идентифицировать; особое непонимание вызывает то обстоятельство, что заявления (комментарии) для СМИ делают некоторые официальные представители правоохранительных органов.

В качестве примера можно привести не нашедшее широкого освещения решение Европейского Суда по правам человека от 9 июля 2019 г. № 40834/11 по делу Калиниченко против России (Kalinichenko c. Russie) [6]. В числе многочисленных пунктов жалобы заявитель А.П. Калиниченко указал, что при информировании общественности о возбуждении в отношении него уголовного дела в пресс-релизе правоохранительного органа и в последующих сообщениях СМИ его назвали мошенником, преступником, создателем финансовой пирамиды, что, по его мнению, явилось нарушением ч. 2 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Российская сторона, не согласившись с данным пунктом жалобы, сослалась на то, что, поскольку заявитель в конечном счёте был признан судом виновным и осуждён, презумпция невиновности нарушена не была. Однако ЕСПЧ в пункте 123 решения указал следующее: «Что касается довода властей Российской Федерации о том, что заявитель был признан виновным в совершении преступления, за которое он был привлечён к ответственности ..., Суд подчёркивает, что тот факт, что заявитель в конечном итоге был признан виновным и приговорён к тюремному заключению, не может аннулировать (*nesaurait effacer*) его первоначальное право считаться невиновным до тех пор, пока его юридическая вина не будет установлена. Суд заявляет, что он неоднократно напоминал, что пункт 2 статьи 6 Конвенции регулирует все уголовные разбирательства «независимо от его результата» [6].

Очевидно, что в приведённом и в иных аналогичных случаях СМИ не только юридически нарушают презумпцию невиновности, но и объективно порождают целый ряд крайне негативных последствий.

Прежде всего, журналисты СМИ вряд ли задумываются над тем, что в отношении человека, облитого ими грязью подозрения или прямого обвинения в совершении преступления, может быть вынесен оправдательный приговор или может прекращено быть уголовное дело (уголовное преследование) по реабилитирующим основаниям.

Далее, публикация утверждающе-обвинительного характера о конкретном лице вполне способна создать не только в отношении него, но и его родственников, близких лиц нетерпимое общественное мнение по месту работы, учёбы, жительства, и это обстоятельство вряд ли можно считать нормальным для демократического правового государства.

И наконец, наиболее серьёзное негативное последствие неосмотрительного (а может быть и умышленного?) нарушения презумпции невинности выражается в создании СМИ «ореола преступника» лицу, в отношении которого будет вестись или уже ведётся пока ещё предварительное расследование. В результате формируется общественное мнение у широкого круга людей, некоторые из которых впоследствии могут стать присяжными заседателями в судебном разбирательстве, обвинительное предубеждение к этому лицу. Это особенно актуально при рассмотрении в таком составе суда уголовных дел на уровне районного судебного звена, где в состав коллегии присяжных включаются жители данного района. Если такая ситуация складывается не в мегаполисе с огромными по численности населения районами, а в небольших муниципальных образованиях, то будет весьма проблематично найти там кандидата в присяжные заседатели, не имеющего начального внутреннего мнения о виновности подсудимого. Конечно, можно возразить, что существует юридический механизм по обеспечению беспристрастности «судей от народа», называемый формированием коллегии присяжных заседателей, однако его нельзя считать настолько совершенным, чтобы он в полной мере гарантировал требуемую беспристрастность у всего состава коллегии присяжных.

С другой стороны, нельзя забывать и о том, что презумпции невинности противостоит гарантированная ч. 5 статьи 29 Конституции Российской Федерации свобода массовой информации. Следовательно, с объективной неизбежностью возникает кон-

фликт двух конституционных положений, требующий нахождения разумного баланса его разрешения.

В настоящее время относительно эффективная правовая защита от нарушения СМИ презумпции невиновности существует лишь в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого (статьи 4 и 41 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [7], далее – Закон о СМИ). Однако конституционная правовая норма о презумпции невиновности или иные конституционные правовые нормы не содержат указания на преимущество несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых в части защиты от нарушений презумпции невиновности. Таким образом, нет никаких правовых препятствий, но есть обоснованная нами выше необходимость в распространении ограничений и запретов, установленных статьями 4 и 41 Закона о СМИ, на совершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Отметим, что это никак не ограничит право СМИ на распространение информации о событиях криминального характера.

В связи с изложенным авторы статьи полагают, что законодателю необходимо ввести в Закон о СМИ правовую норму, запрещающую на досудебных стадиях уголовного судопроизводства распространение информации, независимо от источника её получения, содержащей сведения, позволяющие идентифицировать личность человека, в отношении которого ведётся уголовное производство, за исключением случаев, когда подозреваемый или обвиняемый официально объявлен в розыск (данное исключение необходимо в целях своевременного информирования населения о потенциальной опасности разыскиваемого лица для общественного порядка, общественной и личной безопасности). Одновременно в соответствующих законах целесообразно предусмотреть установление административной и гражданско-правовой ответственности СМИ за нарушение сформулированного выше запрета, а в ведомственных нормативных актах определить порядок, в соответствии с которым компетентные подразделения обязываются не передавать СМИ или не распространять посредством СМИ сведения о личности подозреваемых или обвиняемых, по крайней мере, до направления уголовного дела в суд для рассмотрения по существу.

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

2. Directive (EU) 2016/343 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on the strengthening of certain aspects of the presumption of innocence and of the right to be present at the trial in criminal proceedings // Official Journal of the European Union, 11.3.2016. L 65/1.

3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

5. Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019. С. 31.

6. Kalinichenko. Russie, 9 juillet 2019, 40834/11 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doctrine.fr/d/CEDH/HFJUD/COMMITTEE/2019/CEDH001-194314>.

7. О средствах массовой информации: Закон Рос. Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1: в ред. от 1 марта 2020 г. // Рос. газ. 1992. 8 февр. № 32.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сумин Александр Александрович. Профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Sumin Aleksander Aleksandrovich. Professor of the Chair of Criminal Procedure, Doctor of Sciences (Law), Professor.

Kikot Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia.

117997, Russian Federation, Moscow, Akademika Volgina st., 12.

Химичева Ольга Викторовна. Начальник кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Khimicheva Olga Viktorovna. Head of the Chair of Criminal Procedure, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

117997, Russian Federation, Moscow, Akademik Volgin st., 12.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства; презумпция невиновности; гласность уголовного процесса; средства массовой информации; конституционные права личности.

Keywords: principles of criminal proceedings; presumption of innocence; publicity of criminal proceedings; mass media; constitutional rights of the individual.

УДК 343.1

Сучков А.И.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ
ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ
ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ
ПРОИСШЕСТВИЯХ**

**ACUTE PROBLEMS THAT ARISE WHEN
APPOINTING FORENSIC EXAMINATIONS IN CASES
OF ROAD ACCIDENTS**

В статье рассмотрены актуальные проблемы, которые возникают в ходе расследования дорожно-транспортных преступлений, в частности назначения и производства судебных экспертиз по уголовным делам данной категории, а также в рамках доследственной проверки по фактам дорожно-транспортных происшествий.

The article considers the current problems that arise during the investigation of road traffic crimes, in particular the appointment and forensic examinations in criminal cases of this category, as well as in the framework of pre-investigation checks on the facts of road traffic accidents.

Дорожно-транспортные происшествия продолжают оставаться важнейшей проблемой из года в год, поскольку, как показывает статистика, почти каждый день в ДТП погибают и получают различные тяжелейшие травмы участники дорожного движения. Так, согласно данным, предоставленным ГИБДД МВД России, за период времени с января по ноябрь 2020 года, на территории Российской Федерации зарегистрировано 131 776 ДТП, в которых получили ранения 166 285 человек и 14 587 погибли [1].

Организация расследования дорожно-транспортных происшествий представляет собой очень сложный и трудоемкий процесс, так как процесс расследования является специфичным. В связи с чем, во многих субъектах Российской Федерации линия расследования дорожно-транспортных происшествий закреплена за отдельными следственными подразделениями МВД России,

которые непосредственно специализируются на расследовании данной категории уголовных дел и рассмотрении материалов проверок по ДТП в рамках ст. 144–145 УПК РФ.

Уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерти, за нарушение требований Правил дорожного движения РФ либо предъявляемых требований эксплуатации транспортных средств; санкции таких ДТП определяет статья 264 УК РФ. Данная статья Уголовного кодекса РФ является самой распространённой при квалификации ДТП с последствиями. Объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в управлении механическими транспортными средствами, к которым относятся практически все виды транспорта. Так, в число транспортных средств входят автомобиль, трамвай, другие механические транспортные средства, под которыми в соответствии с примечанием к статье 264 УК РФ понимаются троллейбусы, а также тракторы и иные самоходные машины, мотоциклы и иные механические транспортные средства.

Однако действия водителя транспортного средства, повлекшие указанные в статье 264 УК РФ последствия не в результате нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, а при ремонте транспортных средств, производстве погрузочно-разгрузочных, строительных, дорожных, сельскохозяйственных и других работ, должны квалифицироваться по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за преступления против жизни и здоровья либо за нарушение правил при производстве работ или требований охраны труда (ст. 109, 118, 143 или 216 УК РФ).

Так, объектами экспертизы дорожно-транспортного происшествия являются «источники информации: транспортная техника, узлы, агрегаты, системы, детали, дорога, место дорожно-транспортного происшествия, следы, участники дорожно-транспортного происшествия, а также все материалы дела о дорожно-транспортном происшествии, представленные на экспертизу». «Предметом экспертизы дорожно-транспортного происшествия являются не только фактические данные о технике транспорта и ее состоянии, но и фактические данные о месте происше-

ствия, данные о параметрах и состоянии дороги, о дорожной обстановке и оборудовании средствами регулирования движения, о видимости и обзорности, о действиях участников дорожно-транспортного происшествия и их возможностях, а также о тех обстоятельствах, которые способствовали возникновению дорожно-транспортного происшествия» [2].

Расследование дорожно-транспортных происшествий в рамках уголовного дела либо доследственной проверки не может обойтись без проведения двух основных судебных экспертиз: автотехнической и судебно-медицинской. Если при проведении автотехнической судебной экспертизы будет решен вопрос о причинной связи между нарушениями Правил дорожного движения РФ и наступившими последствиями, то судебно-медицинская экспертиза должна установить связь между наступившими последствиями и произошедшим ДТП, т.е. дать оценку не только по степени причинения вреда здоровью либо причине смерти, но и оценку относительно причинной связи между данными последствиями и фактом произошедшего ДТП. Поэтому без данных заключений экспертов решить вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности, предусмотренной статьей 264 УК РФ, не представляется возможным.

Основной формой применения специальных технических познаний при расследовании ДТП является проведение судебной автотехнической экспертизы. Предметом ее является установление на основе познаний в судебной автотехнике состояния причастных к дорожно-транспортному происшествию систем «водитель–автомобиль–дорога–среда» (ВАДС), их элементов, связей в системах и между ними, нарушение которых послужило причиной ДТП или способствовало его совершению.

Целью судебной автотехнической экспертизы является установление научно обоснованной характеристики процесса дорожно-транспортного происшествия во всех его фазах, определение объективных причин дорожно-транспортного происшествия и поведения отдельных его участников. В результате экспертизы лица, расследующие дорожно-транспортное происшествие, должны получить возможность ответить на основной вопрос: в результате каких неправильных действий участников дорожного движения произошло ДТП, и в чем конкретно выразились нару-

шения требований безопасности правил дорожного движения в соотношении с наступившими последствиями статьи 264 УК РФ.

Наиболее распространенными из задач судебной автотехнической экспертизы являются исследования по оценке действий участников ДТП, включающие в себя установление наличия или отсутствия у водителя технической возможности предотвратить происшествие. Правильное решение данного вопроса предопределяется достоверностью определения момента возникновения опасности для движения.

Под опасностью для движения понимается дорожно-транспортная ситуация, создаваемая объектом, опасно перемещающимся к полосе движения транспортного средства, неподвижным объектом или объектом, перемещающимся в полосе движения транспортного средства в попутном или встречном направлении (параллельно ее границам), либо другие обстоятельства, угрожающие безопасности движения (ослепление водителя, отказ рулевого управления и т.п.).

Момент возникновения опасности для движения (момент, начиная с которого водитель должен принимать меры к предотвращению ДТП в соответствии с Правилами дорожного движения) определяется следователем и указывается в постановлении о назначении экспертизы в числе других исходных данных, на основании которых эксперт производит исследование.

В некоторых случаях для определения момента возникновения реальной опасности для движения необходимо проанализировать скорость, направление движения и взаимное расположение на дороге транспортного средства и других объектов дорожной обстановки, то есть провести исследование на основе технических данных и, конечно же, провести ряд следственных действий, направленных на установление иных обстоятельств и данных, необходимых для дачи заключения по автотехнической экспертизе, таких как проверка показаний на месте и следственный эксперимент.

В период работы в СУ УМВД России по Орловской области автором были проанализированы проблемы, возникающие при назначении судебных экспертиз по дорожно-транспортным происшествиям, которые заключаются в следующем:

- 1) эксперту не в полном объеме предоставляются материалы уголовного дела либо материалы проверки по ДТП;
- 2) не в полном объеме указываются установочные данные в постановлении о назначении экспертизы, по которым необходимо провести экспертное исследование;
- 3) неверно описывается сложившаяся дорожно-транспортная ситуация перед ДТП, во время ДТП и после ДТП в постановлении о назначении экспертизы, также в не полном объеме описываются действия участников дорожного движения, имеются факты неверной трактовки тех или иных действий участников ДТП;
- 4) несоответствие данных, указанных в протоколе осмотра места ДТП и схеме ДТП, иллюстрационной таблицы;
- 5) непроведение необходимых следственных действий и, соответственно, неполучение результатов, направленных на установление всех обстоятельств произошедшего ДТП, его причин и условий, установление конкретных действий каждого их участников дорожного движения и т.д., необходимых для дачи заключения при ответе на поставленные вопросы следователя в постановлении о назначении экспертизы;
- 6) несвоевременное предоставление ответа на ходатайство эксперта-автотехника о предоставлении дополнительных материалов либо иных данных, что в свою очередь вынуждает эксперта приостанавливать производство по экспертизе либо вовсе возвращать постановления следователя о назначении экспертизы без исполнения;
- 7) производство некачественного, поверхностного осмотра места дорожно-транспортного происшествия, в результате которого допускаются ошибки в фиксации расположения транспортных средств, следов торможения, следов юза, следов разлива ГСМ либо вообще не фиксируются следы, обнаруженные на месте ДТП, как результат – искажение обнаруженной обстановки при составлении схемы дорожно-транспортного происшествия;
- 8) изъятие не в полном объеме объектов и предметов, в том числе отделившихся частей транспортных средств, обнаруженных непосредственно на месте происшествия, как на проезжей части или на транспортных средствах;

9) не своевременное изъятие видеозаписей, на которых зафиксирована обстановка произошедшего ДТП либо непосредственно перед ДТП, с камер наружного видеонаблюдения и с видеорегистраторов, установленных на транспортных средствах, которые являлись участниками ДТП либо очевидцами;

10) не своевременное изъятие одежды пострадавших либо погибших в учреждениях здравоохранения;

11) поверхностный допрос участников ДТП и очевидцев, в ходе которого в неполном объеме выясняются обстоятельства, которые предшествовали событию ДТП, само ДТП и обстановка после произошедшего происшествия;

12) длительное лечение пострадавших участников ДТП, последующая подготовка учреждением здравоохранения всей медицинской документации, необходимой для производства судебно-медицинской экспертизы;

13) отсутствие в регионе эксперта соответствующей специальности, как результат – необходимость назначения комплексных судебных экспертиз в экспертные учреждения, расположенные в других субъектах Российской Федерации;

14) постановка некорректных вопросов перед экспертом для разрешения, как результат – неиспользования методических рекомендаций, разработанных экспертами подразделений, отсутствие соответствующего взаимодействия между следственными и экспертными подразделениями.

Вышеуказанные проблемы всегда анализировались руководством следственного управления, в связи с чем уголовные дела и материалы проверки по ДТП, а именно сложные ДТП, а также резонансные (в которых погибли несовершеннолетние либо погибли более 2 человек, а также ДТП с участием транспорта, осуществляющего пассажирские перевозки), передаются в вышестоящий следственный орган для принятия решения в порядке ст. 144–145 УПК РФ либо для дальнейшего расследования; остальные уголовные дела и материалы проверки по ДТП находятся на постоянном контроле у отделов следственного управления.

Все вышеуказанные проблемы являлись, на наш взгляд, фактором отсутствия в СУ УМВД России по Орловской области специализированного следственного отдела по расследованию

дорожно-транспортных происшествий, поэтому следователи, которые не обладают специальными знаниями по расследованию данной категории уголовных дел, могли допускать ошибки, которые обусловлены объективными обстоятельствами и отсутствием специфических знаний и опыта, необходимых для расследования данной категории дел. Указанные проблемы увеличивают срок производства экспертиз, что в свою очередь увеличивает срок предварительного следствия по уголовным делам, а по материалам проверок по ДТП, максимальный срок которых составляет 30 суток, приходится принимать процессуальное решение, которое отменяется руководителем, затем снова устанавливается срок рассмотрения сообщения о преступлении; данное обстоятельство напрямую затрагивает положения ст. 6.1 УПК РФ.

Анализ имеющихся проблем при назначении судебных экспертиз по делам о дорожно-транспортных происшествиях позволяет своевременно реагировать и устранять выявленные недостатки, которые оказывают негативное влияние на результат рассмотрения уголовных дел, их успешное окончание и направление в суд для рассмотрения по существу, а также на принятие законных и обоснованных решений в порядке ст. 144–145 УПК РФ.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы подчеркнуть, что эффективность судебных экспертиз зависит не только от качества исследования, производимого экспертами, но и во многом предопределяется грамотными и профессиональными действиями следователя при проведении осмотра места происшествия, осмотра транспортных средств, при проведении следственных экспериментов и получении результатов, назначении первоначальных экспертиз по изъятым объектам, оценке первоначальных заключений экспертов и использовании полученных результатов в доказывании. На наш взгляд, решение проблем, возникающих не только при назначении судебных экспертиз, но и при расследовании дел о дорожно-транспортных происшествиях, заключается в создании, а в некоторых случаях – в восстановлении в субъектах Российской Федерации специализированных следственных отделов по расследованию дорожно-транспортных происшествий в системе органов предварительного следствия МВД России, что позволит своевременно, квалифицированно

решать задачи при расследовании очень сложной и специфичной категории уголовных дел.

1. Официальный сайт ГИБДД МВД России, сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gibdd.ru>.

2. Балакин В.Д. Экспертиза дорожно-транспортных происшествий: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Омск: СиБАДИ, 2010. С. 16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сучков Андрей Игоревич. Преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Suchkov Andrey Igorevich. Teacher of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs Bodies.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: расследование; дорожно-транспортные происшествия; судебные экспертизы; следственные действия.

Keywords: investigation; traffic accidents; forensic examinations; investigative actions.

УДК 343.985.7

Таджиев А.А.

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ
ТАКТИКИ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ
ХУЛИГАНСТВА**

**ABOUT FEATURES OF CRIMINALISTIC TACTICS
OF INTERROGATION IN A HOOLIGANISM
INVESTIGATION**

В статье рассматриваются проблемы, связанные с допросом потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и обвиняемого, особенности их показаний как вида доказательств в раскрытии и расследовании хулиганства, направленные на оптимизацию алгоритма криминалистической тактики проведения их допроса следователем, дознавателем и органами, осуществляющими доследственную проверку, повышение качества обнаружения, получения, фиксации, изучения и проверки этих доказательств, указывающих на вину в совершении хулиганства.

The article elicits problems connected with interrogation of the victim, the witness suspected and accused, features of their indications as kind of evidence in investigating and detecting hooliganism, aimed at the algorithm optimisation of criminalistic tactics of carrying out their interrogation by the investigator, the interrogator and bodies carrying out preliminary check, improvement of quality of detection, reception, fixing, studying and check of this evidence indicating the guilt over hooliganism.

Среди преступлений, представляющих большую общественную опасность для гражданского общества любого из государств, особое место занимает хулиганство, которое наносит вред общественным отношениям, сложившимся на основе соблюдения норм права, направленных на поддержание общественного спокойствия и нравственности, взаимного уважения, надлежащего поведения граждан в общественных местах, отношений в сфере социального общения. Правоохранительные органы осуществляют борьбу с этим социальным злом посредством квалифициро-

ванного расследования этих преступлений, в котором решающую роль занимают следственные действия, направленные на доказывание совершенного общественно-опасного деяния.

Следует отметить, что в Узбекистане различные уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты хулиганства только начинают исследоваться [1, с. 52], и в отечественной юридической литературе, криминалистической методике расследования различных видов преступлений и тактике проведения следственных действий уделяется недостаточное внимание [2, с. 186].

В эффективном проведении следственных действий необходимо знать и применять криминалистическую тактику их проведения, посредством которой наиболее оптимально осуществляется процесс доказывания. По мнению О.Я. Баева, основания производства любого следственного действия предопределяются целями, на достижение которых оно направлено в соответствии с уголовно-процессуальным законом [3, с. 42].

Одним из основных следственных действий является допрос, тактика проведения которого имеет важное значение в процессе доказывания. Участниками допроса могут быть, прежде всего, потерпевшие, которыми могут быть родственники, соседи, знакомые хулиганов, а также посторонние граждане. Свидетелями хулиганских действий, как правило, выступают лица, непосредственно участвующие в задержании хулигана либо присутствующие при этих действиях, которым известно об обстоятельствах совершения преступления из других источников и которые могут сообщить сведения, характеризующие личность хулиганов или других участников преступления и т.д.

В зависимости от особенностей следственной ситуации, сложившейся к началу допроса потерпевшего или свидетеля, определяется главная задача этого следственного действия. Так, если хулиган задержан на месте происшествия либо личность его известна, главная задача допроса потерпевших и свидетелей состоит в выяснении всех обстоятельств происшествия и установлении вины конкретного лица. В тех случаях, когда преступник не задержан и личность его неизвестна, особое значение приобретает выяснение в ходе допроса его примет или иных сведений, которые могут быть использованы при установлении и розыске

хулигана. При допросах свидетелей и потерпевших чаще всего используют тактические приемы, разработанные в криминалистике применительно к условиям бесконфликтной ситуации: детализацию и конкретизацию показаний; восстановление в памяти допрашиваемого обстоятельств дела; составление схем места происшествия; передвижение отдельных участников события; ознакомление допрашиваемого с фрагментами показаний других потерпевших и свидетелей и т.д.

В числе первых обычно допрашивают свидетелей, которые наблюдали хулиганство от начала до конца. Лишь при отсутствии очевидцев целесообразно первыми допрашивать потерпевших. При этом целесообразно допрашивать тех из них, которые успели успокоиться и могут дать наиболее точные, подробные показания.

Е.А. Овчаренко отмечает, что «допрос подозреваемого является одним из наиболее важных следственных действий на первоначальном этапе расследования хулиганства и в то же время – весьма сложным в тактическом аспекте» [4, с. 142].

Допрос подозреваемого по делу о хулиганстве чаще всего проводят сразу после задержания. В подобных случаях трудно тщательно подготовиться к допросу. Подготовка обычно сводится к ознакомлению с материалами предварительной проверки – рапортами сотрудников правоохранительных органов, объяснениями очевидцев. Однако этого явно недостаточно; необходимо обладать информацией о поведении подозреваемого до задержания. Допрашивать его желательно после потерпевших и свидетелей-очевидцев. Часто бывает, что подозреваемый при задержании находится в нетрезвом состоянии, и его допрос целесообразно отложить до вытрезвления, а если он чрезмерно возбужден, то нужно дать ему время успокоиться.

Задачи первого допроса подозреваемого могут быть различными в зависимости от личности допрашиваемого, линии поведения, которой он намерен придерживаться в ходе расследования, а также объема и характера доказательств, которыми располагает следователь, и если подозреваемый дает правдивые показания, то задача следователя сводится к тому, чтобы получить как можно более конкретную информацию о событии и его действиях.

Однако чаще подозреваемые на первых допросах не дают правдивых показаний. В таких случаях надо использовать ком-

плекс тактических приемов, применяемых при допросе в условиях конфликтной ситуации. Приемы же психологического воздействия при допросе подозреваемого по делу о хулиганстве обычно основаны на использовании так называемого эффекта задержания. Наиболее часто подобная ситуация возникает, когда подозреваемый ссылается на то, что он был пьян и ничего не помнит, или когда он дает подробные показания, но обстоятельства излагает в свою пользу, представляя себя в роли потерпевшего. В целях изобличения подозреваемых, как правило, проводят комплекс следственных действий, включающий очные ставки, назначение экспертиз, проверку показаний на месте и др.

Основная задача допроса обвиняемых в совершении хулиганства выражается в закреплении ранее данных показаний в качестве подозреваемого и его отношении к предъявленному обвинению.

Наибольшую трудность с точки зрения допроса обвиняемых представляет ситуация при групповом хулиганстве, когда участников много и необходимо определить действия каждого в совершенном преступлении. В этой ситуации используют следующие тактические приемы: предъявление доказательств (оглашение показаний свидетелей, потерпевших, заключений экспертиз, других важных доказательств); максимальная детализация и конкретизация показаний; обращение к положительным сторонам личности допрашиваемых; приемы, направленные на обострение неизбежных противоречий среди соучастников; создание у допрашиваемого преувеличенного представления об объеме сведений, касающихся события преступления, которыми располагает следователь; выявление в ходе допросов мотивов дачи ложных показаний, разъяснение их несостоятельности и т. д.

Как правило, все участники хулиганства долго не могут придерживаться одной линии поведения, в их показаниях появляются противоречия, подчеркивая которые удается получить правдивые сведения.

При допросах обвиняемых по делу, имеющему много эпизодов, когда процесс хулиганских действий можно расчленить на отдельные стадии, показания нужно зафиксировать в строгой хронологической последовательности. Целесообразно, чтобы допрашиваемый составил план места происшествия, указав на нем

участников события, их перемещения. Подобные схемы можно легко сопоставить с показаниями других лиц [5, с. 502].

В раскрытии и расследовании хулиганства применяются и другие следственные и процессуальные действия, однако именно осмотр и допрос являются самыми важными из них. Знание криминалистической тактики этих следственных действий повышает эффективность расследования хулиганства, что имеет большое значение для осуществления успешной борьбы с этим видом преступлений. В этом отношении знание особенностей и эффективное применение криминалистической тактики осмотра и допроса при расследовании хулиганства, включая наиболее важные правила тактики проведения вышеуказанных следственных действий, создает организационно-правовые основания для совершенствования деятельности органов, осуществляющих доследственную проверку, дознавателей и следователей для успешного раскрытия и расследования хулиганств.

1. Каракетова Д.Ю. Безориликнинг жиноят-хукукий ва криминалогик жихатлари: юрид. фан. бўйича фалс. док. (PhD) дис. автореф. Т., 2021. 52 с.

2. Криминалистика. Дарслик / Масъул мухаррир Ғ.А. Абдулмажидов. Т.: ТДЮИ, 2003. С. 186.

3. Баев О.Я. Производство следственных действий: Криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации: практическое пособие. М., 2010. С. 42.

4. Овчаренко Е.И. Доказывание в досудебном производстве по уголовным делам о хулиганстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 206 с.

5. Шурухнов Н.Г. Криминалистика: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 502–509.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Таджиев Азамат Алибаевич. Старший преподаватель кафедры предварительного следствия и криминалистики.

Академия МВД Республики Узбекистан.

100197, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Интизор, 68.

Tadzhiev Azamat Alibaevich. The Senior Lecturer of the Chair of Preliminary Investigation and Criminalistics.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

100197, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Intizor st., 68.

Ключевые слова: криминалистическая тактика; хулиганство; допрос; тактика допроса; потерпевший; свидетель; подозреваемый; обвиняемый; следователь; дознаватель; расследование.

Keywords: criminalistic tactics; hooliganism; interrogation; interrogation tactics; victim; witness suspected; accused; inspector; investigator; investigation.

УДК 343.343.3

Таршева М.Н.

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

RECONCILIATION PROCEDURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Современные направления развития социальной политики, совершенствования судебной системы и процессуального права все чаще обращают внимание законодателей и юридического сообщества на необходимость поиска эффективных некарательных способов разрешения криминальных конфликтов, являющихся следствием совершенного преступления, и альтернативных форм прекращения уголовно-правового конфликта, что позволяет разрешить большинство криминальных конфликтов без судебного разбирательства. В статье тезисно освещены процессуальные механизмы (процедуры), которые, по мнению автора, позволят наиболее эффективно реализовывать правозащитный и компенсационный потенциал норм, закрепленных в УПК РФ.

Modern trends in the development of social policy, improvement of the judicial system and procedural law are increasingly drawing the attention of legislators and the legal community to the need to find effective non-punitive ways to resolve criminal conflicts that are the result of a crime committed, and alternative forms of ending a criminal legal conflict, which allows resolving most criminal conflicts without judicial proceedings. The article highlights the procedural mechanisms (procedures) that, in the author's opinion, will allow the most effective implementation of the human rights and compensatory potential of the norms enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

В последние десятилетия все большее внимание уделяется вопросам совершенствования некарательных механизмов разрешения юридических конфликтов. Можно даже говорить не только об общеправовой (распространившейся на частноправовые отрасли и отрасли публичного права), но и об общемировой тенденции развития законодательства, правоприменительной практики и научной мысли.

Большое количество правовых документов, принятых как на уровне ООН, так и на уровне Совета Европы в последние десятилетия (например Рекомендация Комитета министров Совета Европы N R (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса», принятая Комитетом Министров 28 июня 1985 года; Рекомендация Комитета министров Совета Европы N R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. «О медиации в уголовных делах»; Венская декларация 2000 г. о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века; Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия, утвержденные Резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2002/12 от 24 июля 2002 г.; Сальвадорская декларация «Комплексные стратегии для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире», принятая резолюцией 65/230 Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2010 г. и пр.), свидетельствуют о смещении акцентов с традиционного на альтернативный подход к преступлению, который позволяет не только усилить процессуальные позиции жертвы преступления,

дифференцированно оценивать разнообразные по своей сути преступления, но и способствует оптимизации уголовного правосудия [1, с. 852].

Ныне действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ) также содержит нормы, которые позволяют некарательным способом разрешать уголовно-правовые конфликты, в том числе это касается ст. 25, 25.1, 28 ч. 1, 28.1 УПК РФ.

В обозначенных нормах закреплены процессуальные особенности прекращения уголовного дела или уголовного преследования по тому или иному нереабилитирующему основанию. Однако в вышеуказанных нормах не регламентированы процедуры, в рамках которых производятся действия по примирению и заглаживанию вреда, возмещению ущерба или иным образом заглаживанию вреда.

Отсутствие такой регламентации в УПК РФ приводит к недостаточно эффективной защите интересов личности, общества и государства, так как участники уголовно-правового конфликта вынуждены руководствоваться собственными представлениями о содержании, способах примирения и заглаживания вреда, возмещения ущерба и заглаживания вреда иным образом, которые не всегда являются адекватными и достаточными для восстановления прав и интересов, нарушенных вследствие совершенного преступления.

Примечательно, что законодатель уделил должное внимание проработке процессуального механизма примирения в сфере гражданского, арбитражного, административного судопроизводства, закрепив в соответствующих кодексах отдельные главы, именуемые как «примирительные процедуры» и «примирение сторон».

Восстановление нарушенных преступлением прав и интересов личности, общества и государства в рамках (в порядке) ст. 25, 25.1, 28 ч. 1, 28.1 УПК РФ требует реализации разнообразных по своему содержанию процедурных механизмов, в том числе и не связанных с примирением.

В рамках настоящей работы мы остановим свое внимание на примирительных процедурах, которые могли бы быть применимы в сфере отечественного уголовного судопроизводства.

Некоторые ученые относят к уголовно-процессуальным примирительным процедурам: «примирение сторон уголовно-правового конфликта (потерпевшего, подозреваемого/обвиняемого); назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; заключение досудебного соглашения о сотрудничестве между подозреваемым/обвиняемым и органами уголовной юстиции» [2, с. 82]. Мы не можем согласиться с цитируемыми авторами, потому как:

- во-первых, примирительная процедура должна представлять последовательность действий, формально закрепленных (регламентированных и совершаемых на основе закона);

- во-вторых, такая процедура должна охватывать весь примирительный процесс, направленный на достижение процессуально значимого результата, а не только возможные юридические последствия (прекращение уголовного дела);

- в-третьих, считаем (на основе норм действующего законодательства (ст. 25 УПК РФ)), что примирение может быть достигнуто только между частными лицами (потерпевшим и подозреваемым/обвиняемым), но не с обществом и государством. Однако и в первом, и во втором случае речь идет о компромиссе как способе разрешения криминального конфликта. Неслучайно в уголовном процессе зарубежных стран успешно применяются две наиболее популярные процедуры: медиация (между подозреваемым и потерпевшим – частным лицом) и трансакция (между подозреваемым и государством).

Сфера уголовного судопроизводства выпала «из поля зрения» законодателя, но не ученых юристов, которые на протяжении последнего десятилетия все чаще направляют свои усилия на разработку различных моделей потенциально применимых примирительных процедур [3; 4; 5]. Речь в данном случае, как правило, идет о медиации, получившей большую популярность в западных странах.

Медиация – процедура, в рамках которой при разрешении уголовно-правового конфликта участвует третья, специально обученная, неуполномоченная принимать самостоятельные решения и незаинтересованная в исходе процесса сторона – медиатор (посредник).

Традиционно выделяют три модели медиации по критерию соотношения медиации с традиционными формами уголовного процесса [3, с. 98]:

1) медиация как альтернатива уголовному процессу (уголовному преследованию), когда посредническая программа заменяет собой традиционный порядок уголовного судопроизводства (медиация во Франции, «полицейская медиация» в Англии и пр.);

2) медиация как часть уголовного процесса – например, «Strafbemiddeling» (уголовная медиация) в Бельгии, «Tater-Opfer-Ausgleich» в Германии и «Ausergerrichtliche Tatausgleich» в Австрии, когда посреднические программы применяются в качестве определенной стадии уголовного процесса;

3) медиация, применяемая после окончания судебного разбирательства, и пенитенциарная медиация.

Тип или степень тяжести преступлений, по которым может применяться медиация, неодинаковы во всех странах, как и стадии производства, на которых проводится посредническая процедура. В ряде стран нет никаких ограничений в этом вопросе – например, в США, Канаде, Дании, Финляндии и Польше. В других странах медиация применяется, как правило, по преступлениям небольшой тяжести или по преступлениям имущественного характера. В Венгрии, например – только по преступлениям, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не более пяти лет [6].

Не стоит считать, что примирительная процедура может быть представлена только медиацией. В настоящее время, в условиях отсутствия регламентированных процедур, все же действия по примирению и заглаживанию вреда осуществляются сторонами криминального конфликта самостоятельно. А в качестве посредника в примирительной процедуре, например, может выступить судебный примиритель, функции которого в сфере гражданского судопроизводства выполняют судьи, пребывающие в отставке и включенные в список судебных примирителей, который утверждается Пленумом Верховного Суда Российской Федерации.

Таким образом, следовало бы выделить две потенциально применимые, в случае их законодательного закрепления, примирительные процедуры: самостоятельного примирения сторон и примирения сторон с привлечением посредника (в т.ч. медиатора).

Примирительные процедуры – те процессуальные механизмы, посредством которых обеспечивается возможность достижения примирения и заглаживания вреда в рамках ст. 25 УПК РФ, а значит, речь идет о примирительном процессе между сторонами уголовно-правового конфликта, относящегося к категории небольшой или средней тяжести, в котором подозреваемый является лицом, впервые совершившим преступление. Вместе с тем, мы солидарны с мнением ученых, указывающих на целесообразность расширения возможностей примирения по преступлениям против собственности, относящимся к категории тяжких [3; 7].

Теоретическая разработка и законодательная регламентация примирительных процедур в сфере уголовного судопроизводства позволят наиболее эффективно реализовывать компенсационный и правозащитный потенциал норм, закрепленных в УПК РФ.

1. Гришин А.В., Таршева М.Н. Об инкорпорировании частноправовых институтов в уголовном процессе // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2020. № 6. С. 851–857.

2. Беспалов Ю.Ф., Беспалов А.Ю., Гордеюк Д.В., Касаткина А.Ю. Примирительные процедуры в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве Российской Федерации: научно-практическое пособие / отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2018. 128 с.

3. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 262 с.

4. Карнозова Л.М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление): монография / Институт государства и права Российской академии наук. М.: Проспект, 2015. 264 с.

5. Марковичева Е.В. Перспективы внедрения в российский уголовный процесс специальных примирительных процедур // Рос. правосудие. 2020. № 9. С. 99–104.

6. Symeonidou-Kastanidou E. Restorative Justice as an Alternative to Penal Sanctions. The Oxford Hand book of Criminal Process. DOI:10.1093/oxfordhb/9780190659837.013.46.

7. Смирнова И.Г. Медиация: тернистый путь в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Вестник Томского

государственного университета. 2011. № 350. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-ternisty-put-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 10.09.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Таршева Мира Николаевна. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Tarsheva Mira Nikolaevna. Postgraduate student of the Chair of Criminal Procedure.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Цоколова Ольга Игоревна. Первый заместитель начальника, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, 25/1.

Tsokolova Olga Igorevna. First Deputy Head, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored lawyer of the Russian Federation.

National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

Russian Federation, 121069, Moscow, Povarskaya st., 25/1.

Ключевые слова: примирительные процедуры в уголовном процессе; процедура примирения сторон с привлечением посредника, в том числе медиатора; самостоятельное примирение сто-

рон; защита прав потерпевших; возмещение вреда, причиненного преступлением.

Keywords: reconciliation procedures in criminal proceedings; the procedure of reconciliation of the parties with the involvement of an intermediary, including a mediator; independent reconciliation of the parties; protection of the rights of victims; compensation for damage caused by a crime.

УДК 343.1

Телигисова С.С.

**К ВОПРОСУ ОБ АПЕЛЛЯЦИОННОМ
И КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ
РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ**

**ON THE ISSUE OF THE APPEAL AND CASSATION
PROCEDURE FOR CONSIDERING COMPLAINTS**

В статье затрагиваются особенности рассмотрения жалоб апелляционными и кассационными судами общей юрисдикции, с учетом изменений, коснувшихся полномочий апелляционной и кассационной инстанции.

The article deals with the peculiarities of the consideration of complaints by the appellate and cassation courts of general jurisdiction, taking into account the changes affecting the powers of the appellate and cassation instance.

С развитием общества и государственных институтов власти законодательство в Российской Федерации также подвергается изменениям. Существенные изменения были внесены и в уголовное судопроизводство, которое ведется в апелляционной и кассационной инстанциях судов.

Апелляционный порядок рассмотрения жалоб на приговоры и иные судебные решения был изменен Федеральным законом

Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ [5]. Впоследствии законодатель неоднократно вносил изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, в том числе Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ [3]. В прежние времена апелляционная инстанция была достаточно сложной в организационном смысле этого слова, так как в региональных, т.е. областных, республиканских, краевых и иных судах субъектов Российской Федерации, а также военных судах и Верховном суде Российской Федерации, апелляционные суды представляли собой Судебные коллегии по уголовным делам соответствующего суда субъекта Российской Федерации, военного суда или Верховного суда Российской Федерации и состояли из трех судей этого суда, что говорило о коллегиальности пересмотра приговора или иного судебного решения. В связи с этим, организовать коллегиальную работу нескольких судей было сложнее, чем организовать работу апелляционной инстанции, когда суд рассматривал уголовные дела в этой инстанции в составе одного судьи.

После внесения изменений в УПК РФ должностным лицам стало легче и проще организовывать судопроизводство, так как рассмотрение дел каждым из трех судей единолично увеличивает количество рассмотренных уголовных дел за конкретный период времени, а, соответственно, увеличивается и общее количество рассмотренных уголовных дел в апелляционной инстанции за определенный период времени. Это позволяет разгрузить судей, уменьшить их нагрузку. Говоря простым языком, апелляция – это пересмотр приговоров и иных решений судов (постановлений и определений), принятых при рассмотрении уголовного дела или соответствующего материала в первой инстанции. Апелляцией для мировых судей является районный или городской федеральный суд, а для районных и городских судов апелляционной инстанцией являются областные, республиканские, краевые и иные суды субъектов Российской Федерации. В определенных случаях апелляционной инстанцией является и Верховный суд Российской Федерации.

Правом на обращение в суд с апелляционной жалобой согласно ст. 389.1 УПК РФ обладают потерпевший, обвиняемый и осужденный. Помимо них, право апелляционного обжалования

принадлежит частному обвинителю, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и иным лицам, права которых затрагиваются судебным решением. Каждый из вышеуказанных лиц имеет право апелляционного обжалования через своего представителя, защитника – адвоката. Государственный обвинитель или вышестоящий прокурор обращаются в суд апелляционной инстанции не с жалобой, а с представлением. Апелляционные жалоба или представление должны отвечать определенным требованиям, предусмотренным частями 1, 1.1 и 2 статьи 389.6 УПК РФ. Перечень этих требований является исчерпывающим. Однако если судья, рассматривавший уголовное дело в первой инстанции, обнаружит несоответствие апелляционных жалобы или представления этим требованиям, то такая жалоба (представление) возвращаются судьей соответствующему лицу для пересоставления с предоставлением на устранение недостатков определенного времени. В случае же невыполнения требований судьи в установленный срок апелляционная жалоба или представление считаются неподанными, и приговор или иное судебное решение вступают в законную силу. Неслучайно законодателем предусмотрено участие в качестве защитника подозреваемого, обвиняемого или осужденного квалифицированного адвоката. Жалоба, составленная адвокатом, в редких случаях отклоняется к принятию для рассмотрения в суде апелляционной инстанции. При этом имеются некоторые особенности подачи жалобы в апелляционную инстанцию по истечении 10-дневного срока обжалования судебного постановления, вынесенного судом первой инстанции. Так, например, если основная апелляционная жалоба подана осужденным в установленные законом сроки, а защитник с апелляционной жалобой в 10-дневный срок в суд не обращался, то адвокат вправе подать только дополнения к жалобе осужденного, так как срок для подачи самостоятельной жалобы им был пропущен. В настоящее время апелляционная жалоба подается только через суд первой инстанции, в том числе жалобы, связанные с обжалованием меры пресечения в виде заключения под стражу подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу. Данное правило определяет порядок обращения с жалобой в суд апелляционной инстанции и в некотором смысле облегчает процессуальное оформление поступления жалобы в суд, так как суд первой ин-

станции сразу извещает участников уголовного судопроизводства о поступлении апелляционной жалобы, устанавливает сроки для подачи возражений и отзывов другим участникам процесса и принимает меры для направления уголовного дела в вышестоящую судебную инстанцию. Вышестоящий суд получает уголовное дело сразу со всеми документами и не тратит время на истребование уголовного дела и дополнительных документов, как это происходило ранее.

Несколько лет назад изменились и полномочия апелляционной инстанции. В настоящее время возможности действий суда апелляционной инстанции предусмотрены статьей 389.20 УПК РФ. Полномочия у суда достаточно большие, но не безграничные, так как суд апелляционной инстанции при отмене приговора или иного судебного решения и передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство, либо при возвращении уголовного дела прокурору не вправе предрешать исход дела и давать указания суду первой инстанции, касающиеся доказанности виновности лица, допустимости или недопустимости доказательств, преимущества одних доказательств перед другими, а также вида и размера наказания (ст. 389.19 УПК РФ). К тому же суд апелляционной инстанции обязательно проверяет соблюдение судом первой инстанции процессуальных норм УПК РФ, так как нарушение таковых является самостоятельным основанием для отмены приговора или постановления (определения). Неслучайно часть 2 ст. 389.17 УПК РФ содержит перечень из 11 пунктов, которые являются основанием для отмены или изменения приговора или иного судебного решения в любом случае.

В настоящее время права осужденных (обвиняемых) достаточно широки, хотя и сдерживаются мерами принуждения, установленными законодательством России. Одним из таких расширений прав участников уголовного процесса является право на обращение с кассационной жалобой в кассационный суд общей юрисдикции. Данные изменения в УПК РФ были внесены Федеральным законом Российской Федерации от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ [4], и в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2019 г. № 30 кассационные суды общей юрисдикции начали свою деятельность с 1 октября 2019 г. [2]. Кажется, еще недавно кассация была

частью судопроизводства судов субъектов Российской Федерации, но прошло немного времени, и мы уже привыкли к тому, что существует так называемая «сплошная» кассация, которая дает возможность участникам уголовного судопроизводства возможность обязательного пересмотра приговора или иного судебного решения в кассационной инстанции общей юрисдикции при соблюдении требований о содержании жалобы и сроках ее подачи.

Законодатель создал на территории России девять таких судов, включив каждый из них в определенные субъекты Российской Федерации. Это нововведение в уголовно-процессуальный закон России и независимость «сплошной» кассации от мнения руководства суда субъекта Российской Федерации позволяют участникам уголовного судопроизводства доверять решениям кассационных судов общей юрисдикции. Кассационные жалобы участника процесса рассматриваются Судебной коллегией по уголовным делам соответствующего кассационного суда общей юрисдикции только коллегиально в составе трех судей. Более того, кассационная жалоба в суд общей юрисдикции подается через суд первой инстанции, что на практике облегчает порядок обращения в суд общей юрисдикции с кассационной жалобой не только осужденных, но и потерпевших и иных заинтересованных лиц.

Дела в кассационном суде общей юрисдикции рассматриваются с непосредственным участием фигурантов процесса, в том числе с использованием видеоконференцсвязи. Полномочия у такого кассационного суда достаточно большие, однако, так же, как и в апелляционной инстанции, ограничены в части дачи определенных указаний нижестоящим судам (ст. 401.16 УПК РФ). Соблюдение прав участников процесса обеспечивается обязательным ведением аудиозаписи протокола судебного заседания. Действующая кассационная инстанция еще проходит стадии своего становления, но уже и сегодня доказала необходимость своего существования, так как ранее судья областного или республиканского суда Российской Федерации мог единолично отказать в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в Президиум суда субъекта Российской Федерации. И шансов рассмотрения кассационной жалобы осужденного или потерпевшего на приговор суда первой инстанции в кассационном суде Верховного суда Рос-

сийской Федерации было немного. Теперь же так называемая «сплошная» кассация позволяет всем участникам процесса быть уверенными в том, что судебное решение будет рассмотрено в вышестоящей инстанции в обязательном порядке и никто не сможет воспрепятствовать этому при соблюдении порядка подачи кассационной жалобы, что свидетельствует, прежде всего, о соблюдении конституционных гарантий прав граждан в сфере уголовного судопроизводства.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

2. О дне начала деятельности кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции, Центрального окружного военного суда [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 12 сентября 2019 г. № 30. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в статьи 401.2 и 412.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 31 декабря 2014 г. № 518-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации от 19 декабря 2014 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ст. 4921; 2011. № 1, ст. 45.

4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 11 октября 2018 г. № 361-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации от 25 сентября 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 31, ст. 4817.

5. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 октября 2010 г. № 433-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр.

Рос. Федерации от 22 декабря 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 49, ст. 6419.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Телигисова Софья Сармановна. Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат педагогических наук.

Уфимский юридический институт МВД России.

450091, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Teligisova Sofya Sarmanovna. Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Pedagogical).

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

450091, Russian Federation, Ufa, Muksinov st., 2.

Ключевые слова: жалоба; представление; апелляционная инстанция; кассационная инстанция; обжалование; пересмотр.

Keywords: complaint; submission; appeal instance; cassation instance; appeal; review.

УДК 343.13

Титов П.М.

ИНСТИТУТ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

INSTITUTE OF PRIVATE PROSECUTION UNDER EXISTING CRIMINAL PROCEDURE LAW

Статья посвящена вопросу институту частного обвинения по действующему законодательству на сегодняшний день. Именно это подчеркивание имеет ключевое значение, так как на рассмотрении в Государственной Думе Совета Федерации находятся несколько определенно существенных законопроектов по

внесению изменений в Уголовно-процессуальное законодательство нашей страны. Примером одного из них может служить законопроект № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». В статье уделяется внимание тренду, присущему уголовно-процессуальной политике в части касающейся института частного обвинения. Также, анализ норм законодательства Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в УПК РФ не содержится однозначного ответа на ряд выявленных вопросов. В конце статьи автором сформулирован взгляд на текущее состояние института частного обвинения.

The article is devoted to the issue of the institution of private prosecution under the current legislation. It is this emphasis that is of key importance, since the State Duma of the Federation Council is considering several definitely significant bills to amend the Criminal Procedure Law of our country. An example of one of them is bill No. 1145531-7 "On amending the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (regarding the modification of the type of criminal prosecution in relation to crimes provided for in part one of article 115, article 116.1 and part one of article 128.1 of the Criminal Code of the Russian Federation)." The article pays attention to the trend inherent in the criminal procedure policy regarding the institution of private prosecution. Besides, an analysis of the norms of the legislation of the Russian Federation allows us to conclude that the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not contain an unambiguous answer to a number of identified questions. At the end of the article, the author formulated a view of the current state of the institution of private prosecution.

Общественное осознание необходимости переосмысления расставленных приоритетов при выстраивании отношений между личностью и государством в полной мере отразило назревающую потребность в совершенствовании уголовно-процессуального законодательства. Институт частного обвинения в Российской Фе-

дерации был особенно актуален до 15 июля 2016 года, т.е. до вступления в силу Федерального закона [3], который декриминализировал побои с переводом их в категорию административных правонарушений, тем самым внося изменения в часть 2 статьи 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ). В настоящее время к делам частного обвинения уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации относит: умышленное причинение легкого вреда здоровью; нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию; клевета. Таким образом, частное обвинение образуют всего 3 состава преступлений – все они предусматривают ответственность, не связанную с лишением свободы, а наказание по ним варьируется в пределах штрафа и ареста. Естественно, данные преступления относятся к небольшой тяжести и носят наименьшую общественную опасность.

В связи с курсом законодателя по реализации политики декриминализации ряда статей, смягчения уголовной нагрузки на граждан, на наш взгляд, нет достаточных аргументов, что статья 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) в прежней редакции, относящаяся к категории частного обвинения и активно применявшаяся, была «грузом» в правоприменительной деятельности. По вопросам применения данного состава в практической деятельности, о чем писалось автором ранее [7], возникали проблемы, но они порождались проблемами в недостаточности теоретической обоснованности, малом количестве научных исследований и некачественной работой законодателя, которая складывалась в непоследовательной деятельности по внесению различных изменений в соответствующую статью уголовного закона, начиная еще с УК РСФСР и заканчивая ФЗ от 27 декабря 2018 года № 509-ФЗ [4], который окончательно внес неопределенность в процессуальные аспекты применения данной нормы.

По истечении времени, после принятия поправок, мы можем обратить внимание, что применение статьи 116.1 УК РФ уступает в применимости статье 116 УК РФ в 3 раза. Это говорит не о том, что домашнего насилия, да и бытовых побоев стало меньше, а о том, что из-за затруднительной процедуры правоприменения статьи 116.1 УК РФ люди, которые как минимум дважды уже по-

страдавшие от нанесенных им побоев, не имеют сил неоднократно обращаться за защитой своих прав и законных интересов и разочарованы в отсутствии механизмов реальной защиты от такого рода преступлений. В итоге это подрывает доверие к правоприменительным органам и к государству в целом. Как подчеркнул депутат Государственной Думы Сергей Неверов, «законодательство развивается быстро, но мы должны работать на опережение» [8]. Видится, что при такой политике государства по либерализации уголовного законодательства имеется возможность для расширения перечня статей УК РФ, указанных в части 2 статьи 20 УПК РФ, а не по ликвидации данного института, данного вида уголовного преследования из уголовно-процессуального законодательства нашей страны. С 1990-х годов стало развиваться гражданское общество, на фоне этого вырос и уровень правовой грамотности граждан, что способствует самостоятельному отстаиванию своих нарушенных прав.

Из вышесказанного вытекает проблематика тех самых критериев, которые позволят расширить перечень составов дел категории частного обвинения.

В российском научном сообществе не раз поднимался вопрос критериев отнесения тех или иных составов преступления к той или иной категории дел. Так, М.П. Куленкова высказала мнение об отсутствии целесообразности расширения перечня составов преступления, приводя при этом аргументы, связанные с доказыванием, а также с отсутствием данных у потерпевшего своего обидчика [2]. С данной позицией можно согласиться только в заключительной её части. По вопросу расширения перечня статей Особенной части Уголовного кодекса, которые бы относились к частному обвинению, необходим комплексный междисциплинарный анализ и координация ученых по уголовному и уголовно-процессуальному праву. Ряд универсальных критериев отнесения уголовных дел к частному обвинению были предложены в одной из статей автора [6]. Примером по расширению института частного обвинения может служить мнение Ю.В. Козубенко, который полагает необходимым отнесение преступлений, указанных в главе 23 УК РФ, к категории частного обвинения, так как возбуждение уголовного дела по ним возможно только по заявлению частного лица, то есть потерпевшего [1]. В

свою очередь, В.Ю. Стельмах отмечает, что преступления с административной преюдицией не должны относиться к делам частного обвинения [5]. С данной позицией можно согласиться полностью.

Прежде всего, хотелось бы отметить, что при разработке критериев целесообразно исследовать данный вопрос всестороннее и теоретически обоснованно.

Подводя итог вышесказанному, необходимо помнить об исторической составляющей института частного обвинения в уголовном процессе Российской Федерации. Все изменения должны не только тщательно прорабатываться законодателем, но и учитывать мнения научного сообщества. Это в конечном результате послужит не хаотичному внесению изменений в институт частного обвинения, не говоря о его ликвидации, а будет частью стратегии по усовершенствованию данного института, в частности и всего Российского уголовного судопроизводства в целом.

1. Козубенко Ю.В. Уголовное преследование: опыт комплексного исследования. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. 259 с.

2. Куленкова М.П. Особенности рассмотрения дел частного обвинения в суде первой инстанции // Вестник Удмуртского университета: Экономика и право. 2011. № 1. С. 152–156.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Рос. газ. 2016. 8 июля. № 149.

4. О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ // Рос. газ. 2018. 29 дек. № 295.

5. Стельмах В.Ю. Преступления с административной преюдицией не должны относиться к делам частного обвинения // Рос. юстиция. 2020. № 5. С. 64–66.

6. Титов П.М. Критерии отнесения уголовных дел к частному обвинению. Субъект возбуждения дел частного обвинения // Рос. юстиция. 2021. № 1. С. 37–39.

7. Титов П.М. Некоторые особенности подачи заявления мировому судье по делам частного обвинения // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 57–59.

8. Цитаты выступающих на Форуме «Стратегия развития: вызов молодым» 14 декабря 2018 года [Электронный ресурс] Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://www.pda.old.duma.dov.ru> (дата обращения: 17.08.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Титов Павел Михайлович. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Уральский юридический институт МВД России.

620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Titov Pavel Mikhailovich. Teacher of the Chair of Criminal Procedure.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

620057, Russian Federation, Yekaterinburg, Korepin st., 66.

Ключевые слова: уголовное преследование в частном порядке; частное обвинение; суд; частный обвинитель; подозреваемый; обвиняемый.

Keywords: private prosecution; court; private prosecutor; suspect; defendant.

УДК 343.1

Тохирзода О. Т.

**К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО
ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ**

**ON THE IMPORTANCE OF THE INSPECTION
OF THE CRIME SCENE IN PRACTICE IN CASES
OF PRIVATE PROSECUTION**

В статье на основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан, изучения практики его применения по уголовным делам частного обвинения и теоретического осмысления сущности данного вида уголовного преследования аргументируется необходимость производства осмотра места происшествия по делам данной категории.

In the article, based on the analysis of the current criminal procedural legislation of the Republic of Tajikistan, studying the practice of its application in criminal cases of private prosecution and theoretical understanding of the essence of this type of criminal prosecution, the necessity of inspecting the scene of the incident in cases of this category is argued.

Одним из основных методов установления события преступления и лица его совершившего является собирание доказательств, имеющих значение для дела. Как справедливо отметил А.Л. Арипов, получение сведений по уголовному делу путем собирания доказательств является основной целью проведения следственных действий [1, с. 413].

В этой связи следует отметить, что одним из наиболее часто применяемых следственных действий, производство, по которому осуществляется на первоначальном этапе проверки сообщения о преступлении практически по любому уголовному делу, является осмотр места происшествия. Можно с уверенностью утверждать, что осмотр места происшествия является неотлож-

ным следственным действием и его производство, особенно на первоначальном этапе, выступает как гарантия полноты и всесторонности исследования обстоятельств совершенного преступления, основное средство получения своевременной и достоверной информации по любому делу. Обнаружение следов преступления и иных материальных объектов, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для дела (ч. 1 ст. 182 УПК РТ), позволяют в дальнейшем сформировать совокупность доказательств, позволяющую сделать обоснованный вывод о событии преступления и лице, его совершившем [2]. Учитывая данные обстоятельства, законодатель в ч. 2 ст. 182 УПК РТ разрешил в безотлагательных случаях проводить осмотр места происшествия до возбуждения уголовного дела [2].

Действующий уголовно-процессуальный закон Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) регламентирует порядок производства по уголовным делам, в виде публичного, частно-публичного и частного обвинения. При этом в законе отсутствуют положения, запрещающие производство тех или иных следственных действий по уголовному делу конкретного вида уголовного преследования – частного, частно-публичного либо публичного. Таким образом, производство осмотра места происшествия по делам частного обвинения, с точки зрения требований закона вполне допустимо, а учитывая, что, по данной категории дел проверка сообщения о преступлении фактически не проводится, его производство до возбуждения уголовного дела, безусловно, целесообразно, а в некоторых случаях и необходимо.

В качестве аргументов, подтверждающих данный тезис, отметим следующее. В соответствии с ч. 2 ст. 24 УПК РТ дела о преступлениях, предусмотренных в ст. 112 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), 116 (побои), чч. 1 и 2 статьи 156 (нарушение авторских и смежных прав) Уголовного кодекса (далее – УК РТ) Республики Таджикистан, признаются делами частного обвинения, которые отнесены к преступлениям небольшой тяжести [2]. По указанным составам поводом для возбуждения уголовного дела является самостоятельное и добровольное обращение физического лица, пострадавшего от преступления, в суд с просьбой о привлечении другого лица к уголовной ответственности за совершенное им деяние. Данные категории дел возбужда-

ются по заявлению потерпевшего (его законного представителя) и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым.

Таким образом, установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу частного обвинения, происходит в ходе судебного разбирательства. При этом собирание доказательств, подтверждающих позицию обвинения, возложено на самого потерпевшего.

На наш взгляд, данный порядок существенно ограничивает права лиц, пострадавших от преступлений. В первую очередь это связано с отсутствием возможности оперативно обнаружить, процессуально закрепить и своевременно, с соблюдением процессуальных требований, изъять следы преступления и иные доказательства, имеющие принципиальное значение для правильного разрешения дела. В этом аспекте производство осмотра места происшествия по уголовным делам частного обвинения трудно переоценить.

Ведь именно данное следственное действие, как справедливо отметил С.В. Баринов, посредством непосредственного наблюдения, восприятия и исследования определенных объектов, позволяет сделать вывод об обстановке места происшествия, обнаружить следы преступления, а также установить другие обстоятельства, имеющие значение для дела [3, с. 418–423].

Следует отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 145 УПК РФ орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор обязаны принять, зарегистрировать и рассмотреть заявление и сообщение о любом готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении. В п. 3 ч. 6 указанной статьи также предусмотрено, что в случае получения заявления или сообщения о преступлении или непосредственном обнаружении преступления, органы уголовного преследования наряду с возбуждением или отказом в возбуждении уголовного дела, могут передать заявление или сообщение по подследственности или подсудности [2]. При этом, в соответствии с ч. 8 ст. 145 УПК РФ, правоохранные органы обязаны принять меры к предотвращению или пресечению преступления, а равно закреплению следов преступления [2].

Как правило, при передаче материалов по подследственности в другие органы расследования к заявлениям или сообщени-

ям приобщаются протоколы осмотра места происшествия, объяснения потерпевшего, правонарушителя и очевидцев, рапорта сотрудников милиции, акты медицинского освидетельствования, характеристики по месту работы или учебы и т.п.

Однако, как показывает практика, в случаях совершения преступлений частного обвинения, первоначальная проверка сообщения о преступлении либо не проводится, либо проводится формально и поверхностно и соответственно, процессуальные действия до возбуждения уголовного дела, в том числе осмотр места происшествия, не осуществляется. Данное обстоятельство подтверждается результатом изучения более 50 материалов проверок сообщений о преступлениях, проведенных сотрудниками территориальных органов внутренних дел по г. Душанбе Республики Таджикистан, среди которых были следователи, дознаватели, оперативные работники, участковые инспектора милиции и инспектора по борьбе с насилием в семье [4]. По данным материалам были приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду того, что уже в сообщении о преступлении усматривались признаки деяния, подпадающего под категорию преступлений частного обвинения. По сложившейся практике, сотрудники, проводящие проверки сообщения о преступлении частного обвинения, при вынесении решения об отказе в возбуждении уголовного дела ограничиваются дачей рекомендации заявителю с формулировкой, что за защитой своих прав ему следует самому в частном порядке обратиться в суд.

Мы категорически не согласны с такой постановкой вопроса.

В первую очередь, наша позиция обусловлена значением первоначального этапа процессуальной действительности по любому сообщению о преступлении. Именно на первоначальном этапе чрезвычайно важно собрать относимые, допустимые и достоверные доказательства. При этом ст. 81 УПК РТ предусматривает, что доказательствами по уголовному делу являются, в том числе, протоколы следственных действий, удостоверяющие обстоятельства, установленные при осмотре [2]. Но особое значение в данном случае приобретают вещественные доказательства – предметы, послужившие орудием преступления, сохранившие на себе следы преступления, ставшие объектами преступных действий, деньги и иные ценности, нажитые преступ-

ным путем, другие предметы, которые послужили средством к выявлению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо опровержению обвинения или смягчения ответственности [2]. Отметим, что вещественные доказательства должны быть подробно описаны в протоколе осмотра, по мере возможности, сфотографированы и постановлением дознавателя, следователя, прокурора, суда, судьи приобщены к делу [2].

К сожалению, как было описано выше, при рассмотрении большинства жалоб и заявлений граждан по делам частного обвинения, осмотр места происшествия не проводился и, соответственно, вещественные доказательства не изымались. Полагаем, что это влечет за собой невосполнимую утрату сведений, необходимых для правильного разрешения уголовного дела, и, в конечном итоге, негативно отражается на достижении назначения уголовного судопроизводства.

Кроме того, нужно учитывать, что преступления частного обвинения также могут совершаться в условиях неочевидности, когда необходимо в первую очередь изучить обстановку и провести осмотр места происшествия, исследовать, зафиксировать и изъять возможные отпечатки рук и ног, а также другие следы преступления (волосы, окурки, кровь, слюна и т.п.). Это может способствовать быстрому установлению лица, совершившего преступление. И напротив, не проведение данного следственного действия влечет безвозвратную утрату вещественных доказательств, которые можно было бы обнаружить по «горячим следам».

Считаем необходимым также подчеркнуть важность широкого использования при производстве осмотра места происшествия, в том числе по делам частного обвинения, новейших средств криминалистической техники. При этом отметим, что в изученных нами материалах проверок сообщений о преступлениях данные, о применении технических средств для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления отсутствовали.

Подводя итог, можно сделать вывод о важном значении производства осмотра места происшествия при проверке сообщения о преступлении частного обвинения. Это значение обусловлено необходимостью решения ключевых задач уголовного судопроизводства, в первую очередь обеспечения прав и закон-

ных интересов лиц, потерпевших от преступлений, и уникальными возможностями, которое данное следственное действие предоставляет правоохранительным органам для установления всех обстоятельств подлежащих доказыванию.

1. Арипов А.Л. Сущностное назначение следственных действий в уголовном процессе // Развитие юридической науки в современных условиях: теория и практика. Душанбе, 2018.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2021 год (Закон РТ от 20 апреля 2021 г. № 1777).

3. Баринов С.В. Проверочные действия по сообщениям о совершении преступных нарушений неприкосновенности частной жизни // Развитие юридической науки в современных условиях: теория и практика. Душанбе, 2018.

4. Материалы проверок территориальных органов УМВД по г. Душанбе, по которым отказано в возбуждении уголовного дела.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тохирзода Олимджон Тохир. Адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений.

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Tohirzoda Olimjon Tohir. Postgraduate student of the Chair of Management of Crime Investigation Bodies.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125993, Russian Federation, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyansky st., 8.

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Красильников Алексей Владимирович. Профессор кафедры управления органами расследования преступлений, кандидат юридических наук, доцент.

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Krasilnikov Alexey Vladimirovich. Professor of the Department of management of crime investigation bodies, candidate of legal sciences, associate professor.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

125993, Russian Federation, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyansky st., 8.

Ключевые слова: частное обвинение; осмотр места происшествия; уголовно-процессуальный закон; следственные действия; потерпевший; преступник; криминалистическая техника.

Keywords: private prosecution; inspection of crime scene; criminal procedure law; investigative actions; victim; criminal; forensic technology.

УДК 343.1

Тошкуллов Г.Э.

**ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ПОНЯТЫХ
КАК ГАРАНТИЯ СОБЛЮДЕНИЯ ЗАКОННОСТИ
В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УЗБЕКИСТАНА**

**FEATURES OF PARTICIPATION OF ATTESTING
WITNESSES AS THE GUARANTEE OF OBSERVANCE
OF LEGALITY IN THE COURSE OF PROOF
IN CRIMINAL TRIAL OF UZBEKISTAN**

В статье рассматривается институт понятых в уголовном процессе Республики Узбекистан как одного из условий гарантии соблюдения законности в доказывании посредством их участия в следственных действиях при расследовании уголовных дел; приводятся мнения ученых относительно роли, места и необходимости совершенствования уголовно-процессуального порядка использования понятых при производстве следственных действий; проанализированы требования уголовно-процессуального закона об особенностях участия понятых.

The article considers the institute of attesting witnesses in the criminal procedure of the Republic of Uzbekistan to be one of conditions of a guarantee of observance of legality in the course of proof by means of their participation in investigatory actions in investigation of criminal cases, opinions of scientists concerning a role, a place and necessity of perfection of a criminally-remedial order of the use of the investigatory actions of attesting witnesses, requirements of the criminally-remedial law on features of participation of attesting witnesses are analyzed.

Защита прав и законных интересов человека, вовлеченного в уголовно-процессуальные отношения, является важным условием осуществления правосудия, отвечающая международным стандартам. Государство в лице суда, правоохранительных органов обеспечивает гарантии прав граждан в уголовном процессе посредством законодательного закрепления прав его участников,

правоприменительного механизма выполнения предписаний закона всеми участниками уголовно-процессуальных правоотношений.

Указанные гарантии заложены в самих нормах УПК, обязательных для всех участников, вовлеченных в процесс доказывания расследования уголовного дела. Только последовательное, scrupulous соблюдение уголовно-процессуального законодательства органами, ответственными за расследование, позволяет успешно осуществить возложенные на них задачи, направленные на установление истины, а путь к ней лежит через доказывание, то есть процессуальную деятельность по собиранию, проверке и оценке доказательств.

Органы, осуществляющие расследование, познают событие, совершившееся в прошлом. Поэтому знание этого события в основном может быть получено посредством информации, которую несут о нем доказательства. Та система фактов, которая образовывала единое событие преступления к моменту производства по делу, относится уже к прошлому и поэтому стала недоступной для непосредственного восприятия органами, производящими расследование, уголовного дела.

Но в событие преступления входят и некоторые другие факты, которые после того как преступление совершилось, продолжают в определенных случаях существовать в неизменном виде или изменились, но не утратили важных для дела свойств. Ш.Х. Иномжонов в своем исследовании проблем доказательств в уголовном процессе к ним относит факты, относящиеся к материальным последствиям совершенного преступления, сохранившиеся предметы преступной деятельности, найденные предметы преступного посягательства и обстановка на месте совершения преступления и др. [1, с. 14]

Названные факты доступны непосредственному восприятию, потому что они существуют в действительности и сохранили к моменту расследования свои свойства, которые делают их существенными для дела.

Непосредственное восприятие обстоятельств как форма познания может быть допущено и будет играть определенную роль, если оно происходит при установленных теорией доказательств условиях, гарантирующих правильное познание. Такими услови-

ями следует считать формы проведения следственных действий и их процессуальное закрепление в соответствующих протоколах, занимающих затем свое место в доказательственных материалах дела.

В соответствии со статьей 90 УПК Республики Узбекистан сведения и предметы могут быть использованы в качестве доказательств только после того, как они будут зафиксированы в протоколах следственных действий. В протоколах должны излагаться все действия, а равно все обнаруженные при этом материальные объекты и их признаки в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент производства следственного действия.

Требование уголовно-процессуального закона о присутствии понятых при производстве ряда следственных действий объясняется стремлением гарантировать достижение достоверности, избежать ошибок в непосредственном познании следователя, а также необходимостью обеспечить правильность закрепления результатов непосредственного восприятия. Понятой выполняет удостоверительную функцию в уголовном процессе, обеспечивая гарантии достоверности результатов следственных действий, а значит, и допустимости доказательств [2, с. 22].

На понятых возложена процессуальная обязанность удостоверить факт, содержание и результаты действий, при производстве которых они присутствовали. Выполнение ими данной обязанности обеспечивает соблюдение закона в процессе следственного или процессуального действия.

Если возникают сомнения в точности изложения в протоколах сведений о непосредственно воспринятых фактах или в законности проведения следственного действия, то можно получить от понятых свидетельские показания. Возможность допроса понятых в качестве свидетелей объясняется тем, что они так же, как и следователь непосредственно воспринимали факты в ходе производства следственного действия.

К дискуссионным вопросам в теории уголовного процесса относится место и роль понятого при производстве следственного действия. Некоторые авторы полагают, что решение этого вопроса должно зависеть от того, возможно ли исправить нарушения, допущенные при производстве следственного действия [3, с. 22]. Другие же утверждают, что закон прямо предусматривает участие

понятых, и следует точно придерживаться требований УПК, и недопустимо использовать доказательства при обнаружении любого отступления от правил, установленных законом [4, с. 62].

Б.А. Ражабов отмечает, что в республике осуществляются широкомасштабные реформы в сфере налаживания эффективных механизмов усиления гарантий защиты прав и законных интересов граждан, предупреждения противозаконных действий в процессе доказывания [5, с. 35]. Одним из таких гарантий и является институт понятых, посредством которого в уголовном процессе обеспечивается законность и минимизируется возможность использования недостоверных доказательств.

Если же речь идет о нарушении более частных правил, определяющих собирание и проверку доказательств определенного вида, иногда можно устранить эти нарушения, «нейтрализовать» их последствия. Так, если имеются пробелы в протоколах действий, проводимых с участием понятых, последние могут быть допрошены в качестве свидетелей относительно фактического хода обыска, осмотра и т.п.

Имеет значение причина нарушения при решении вопроса о привлечении понятых. Такой причиной может быть как небрежность, неопытность лица, производившего следственное действие, так и наличие исключительных обстоятельств, сделавших невозможным или затруднительным соблюдение тех или иных правил, связанных с невозможностью найти 2 понятых, незаинтересованных в исходе дела, а откладывание следственного действия привело бы к утрате существенных сведений.

В таких случаях выяснение причины нарушения значимо лишь для решения вопроса о характере ответственности лица, производившего следственное действие. Представляется, что допустимость же результатов последнего в качестве доказательств всегда связана с возможностью устранить нарушения или «нейтрализовать» их последствия.

Основная задача понятых заключается в том, что они призваны обеспечить достоверность результата уголовно-процессуального познания – фактических данных, а соответствующая процессуальная форма должна гарантировать его.

Воспринимать участие понятых упрощенно, как это иногда делается не только в практике, но и в теории, как удостоверите-

лей факта, вспомогательных исполнителей [6, с. 264] является, на наш взгляд, принципиально неправильным. Участие понятых в формировании одного из источников доказательств – протокола следственного действия обеспечивает последнему необходимые свойства доказательства – допустимость и достоверность, в связи с чем понятые законодательно признаны участниками доказывания (ст. 86 УПК).

Таким образом, понятые должны рассматриваться как субъекты уголовно-процессуального доказывания, которые, участвуя в формировании одного из источников доказательств – протокола следственного действия, при его производстве должны осуществлять познавательные-удостоверительные операции в целях обеспечения допустимости и достоверности получаемого доказательства.

С учетом вышеизложенного давно назрела необходимость в преобразовании института понятых в уголовном процессе – пожалуй, одного из самых стабильных институтов, не претерпевших на протяжении десятилетий и даже столетий никаких существенных изменений.

Существует и мнение, состоящее в том, что институт понятых должен существовать на постоянной основе, по аналогии, например, с формированием списков присяжных заседателей путем случайной выборки по спискам избирателей, привлекая граждан в качестве понятых на короткое время – на несколько дней не более чем один раз в году. При этом надо обеспечить механизмы ответственности за уклонение от выполнения этих обязанностей и меры материального вознаграждения. В таком случае процедура отбора понятых может быть даже усложнена. Но это не будет представлять особых затруднений при постоянной возможности выбора.

Соглашаясь с приведенными выше мнениями о том, что институт понятых нуждается в вызванном временем кардинальном преобразовании, думается, надо все же учесть, что его корни на столетия уходят в прошлое, и форма привлечения посторонних граждан к уголовно-процессуальной деятельности в качестве понятых за это время практически не изменилась. В связи с этим представляется, что было бы более правильным в настоящее время не отказываться от института понятых вообще, пока не нара-

ботаны и не зарекомендовали себя положительно пришедшие ему на смену альтернативы.

1. Иномжонов Ш.Х. Жинойт процессида далилларни такдим қилиш ва улардан фойдаланиш муаммолари: Юрид. фан. ном. дис. автореф. Т.: ТДЮИ, 2005. 25 с.

2. Шкода Е.В. Правовой статус понятых и их роль в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Т., 2001. 20 с.

3. Шарун В.В. Организационно-тактические особенности производства отдельных следственных действий с участием понятых: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. 22 с.

4. Белоковильский М. Проблемы законодательного регулирования института понятых в УПК РФ // Уголовное право. 2009. № 1. С. 62–65.

5. Ражабов Б.А. Обеспечение соблюдения общих условий доказывания в досудебном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Т., 2019. 70 с.

6. Мосов Д.О. Участие понятых в производстве следственных действий и допустимость доказательств в современном российском уголовном производстве // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2007. № 6. С. 264–265.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тошкуллов Гайрат Эркабаевич. Самостоятельный исследователь кафедры уголовно-процессуального права.

Академия МВД Республики Узбекистан.

100197, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Интизор, 68.

Toshkulov Gajrat Erkabaevich. Independent Researcher of the Chair of Criminal Procedure Law.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

100197, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Intizor st., 68.

Ключевые слова: понятые; доказывание; гарантии прав человека; следственные действия; органы следствия.

Keywords: attesting witnesses; proof; guarantees of human rights; investigatory actions; investigation agencies bodies.

УДК 343.143

Угольникова Н.В.

**ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА
КАК КОРРУПЦИОННЫЙ РИСК**

**LEGAL AND LINGUISTIC UNCERTAINTY OF THE NORMS
OF CRIMINAL PROCEDURE LAW
AS A CORRUPTION RISK**

В статье рассмотрены проблемные вопросы юридико-лингвистической неопределенности норм уголовно-процессуального законодательства в свете анализа коррупциогенных факторов. В частности рассмотрены термины «достаточные данные», «достаточные доказательства», исключительные случаи», «случаи нетерпящие отлагательства».

The article deals with the problematic issues of legal and linguistic uncertainty of the norms of criminal procedure legislation in the light of the analysis of corruption-generating factors. In particular, the terms "sufficient data", "sufficient evidence", "exceptional cases", "cases of impatient delay" are considered.

Юридико-лингвистическая неопределенность является одним из маркеров коррупциогенных факторов [1]. Современное уголовно-процессуальное законодательство содержит ряд дефиниций, которые можно, определенно, отнести к терминам, обладающими свойством юридико-лингвистической неопределенности. Юридико-лингвистическая неопределенность в законе связана с нарушением формальной определенности – неотъемлемого признака права [2]. Большинство авторов разделяют точку зрения об обязательности формальной определенности, так как с помо-

щью точных, недвусмысленных и последовательных формулировок может быть достигнуто единообразие правоприменения. Неопределенность используемых терминов в правовых нормах может привести к неограниченным дискреционным полномочиям при их применении [3] и, соответственно, к коррупциогенным рискам. Юридико-лингвистическая неопределенность достаточно распространена в уголовно-процессуальном праве и имеет несколько проявлений.

1) Первая группа норм содержит категории оценочного характера.

Для примера рассмотрим ст. 427 УПК РФ. В качестве правового условия для прекращения уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего законодатель указывает, что необходимо установить возможность исправления несовершеннолетнего обвиняемого без применения наказания. Объективных критериев оценки возможности исправления несовершеннолетнего без применения наказания не раскрывается. Другой пример: категории оценочного характера можно найти в ст. 97 УПК, регламентирующей основания избрания меры пресечения «при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда». Критериев оценки «достаточных данных» также в законе нет. Такие термины, как «достаточные данные», «достаточные основания», «достаточные доказательства», употребляются неоднократно в уголовном - процессуальном законе и в большинстве случаев без указания критериев. При этом данные термины являются традиционным предметом рассмотрения в актах судебного толкования норм [4], что свидетельствует, прежде всего, о наличии проблем в правоприменении.

2) Вторая группа норм содержит формально неопределенные термины. Под формально неопределёнными терминами можно рассматривать термины, содержание которых является неочевидным и не определено нормами закона.

Например, термин «случаи, не терпящие отлагательства» употребляется в качестве исключительного основания для производства: 1) следственных действий, а также привода в ночное время; 2) осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, личного обыска, выемки заложенной или сданной на хранение в ломбард

вещи, наложения ареста на имущество на основании постановления следователя без получения судебного решения; 3) следственного действия без указания данных о личности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц при необходимости обеспечить их безопасность без получения соответствующего согласия руководителя следственного органа, начальника органа дознания; 4) освидетельствования до возбуждения уголовного дела.

Несмотря на то, что сам термин является устоявшимся, им оперировал еще Устав уголовного судопроизводства 1864 года; о проблемах правоприменения свидетельствует наличие соответственных постановлений Пленумов Верховного Суда РФ, которые разъясняют термин после обобщения ошибок правоприменителей [5]. Однако такое разъяснение не имеет силы законодательной нормы и порождает дискреционные полномочия правоприменителей в рамках института ограничения конституционных прав участников процесса, что приводит к коррупционным рискам.

Также, в качестве примера, можно рассмотреть термин «исключительные случаи, не терпящие отлагательств» (например ч. 5 ст. 165 УПК РФ, ч. 2 ст. 108 УПК РФ). УПК РФ не содержит норм, раскрывающих содержание указанных категорий.

В научной литературе по этому поводу существует несколько точек зрения. Первая позиция заключается в отрицании необходимости определения понятия «исключительный случай», «случай, нетерпящие отлагательств», так как «основания для таких исключений очевидны, они продиктованы самим характером процессуальных действий, когда любое промедление с их производством может лишить их смысла вообще» [6]. Другие авторы занимают противоположную позицию – необходимо давать четкие перечни и определения в законе с максимальной конкретизацией критериев оценки [7]. На наш взгляд, одним из способов разрешения указанного вопроса является разработка и внесение в УПК дополнительных норм-дефиниций [8].

Анализ норм УПК РФ на предмет выявления норм, содержащих признаки юридико-лингвистической неопределенности, выявляет, что таких норм содержится порядка пятидесяти. Каждая ли из таких норм является потенциально коррупциогенной?

Если исходить из буквального толкования криминогенных факторов, можно предположить, что все нормы, которые содержат формально неопределенные термины или оценочные критерии, содержат коррупционные риски.

Негативное влияние норм с признаками юридикко-лингвистической неопределенности для правоприменительной практики обусловлено, прежде всего, тем, что с помощью последних в нормативных актах устанавливается абсолютная или сравнительная ценность какого-либо явления в правовой сфере, дается ему оценка, причем её характер и основания могут существенно отличаться, что значительно расширяет сферу применения должностных усмотрений [9]. Вследствие того, что законодатель обычно не разъясняет оценочные понятия, в правоприменительной деятельности участники общественных отношений получают возможность по собственному усмотрению осуществлять их правовое регулирование, свободно трактовать многие юридические понятия. Необходимо иметь в виду, что содержание оценочного понятия во многом зависит от конкретной ситуации, от уровня правосознания субъекта, применяющего соответствующую норму права, а его убеждения, доводы, моральные установки и аргументы, жизненные цели и ориентиры выступают в качестве оснований осуществляемой оценки, что придает праворегулирующему процессу известную степень субъективизма [10]. В юридических науках длительное время бытовало мнение, впоследствии прочно утвердившееся в правоприменительной практике, что язык права обязательно должен быть несколько расплывчатым и неопределённым, что требования точности вообще неуместны в отношении правовых категорий [11]. Однако подобное заблуждение опровергается результатами исследований, проведённых в этой области. Данные исследования показывают, что дефекты языка и структуры правовых понятий носят частный характер, число их ограничено, а задача по их устранению вполне осуществима.

Подводя итог, можно отметить, что на первый взгляд проблемы юридикко-лингвистической неопределенности не являются слишком сложными и разрешаются на уровне судебного толкования норм права. Однако на самом деле такая неопределенность дает широкие возможности для неадекватного толкования в пра-

воприменительной практике, тем самым обуславливает незримое расширение для правоприменителя пределов усмотрения – дискреционных полномочий, т.е. представляет собой коррупциогенный фактор.

По нашему мнению, юридико-лингвистическая определенность является неотъемлемой необходимостью правовой системы. Для уголовного судопроизводства указанное свойство норм имеет особое значение и может приводиться в соответствии с использованием института норм-дефиниций.

1. Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]: от 26 февраля 2010 г. № 96 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. "Ubijusincertum, ibinullum" – Когда закон не определен, он не существует.

3. Демин А.В. Принцип определенности налогообложения: монография. М.: Статут, 2015. С. 3; Назаренко Т.Н. Неопределенность в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 38; Mak V. Standards in European Private Law: A Model for European Private Law Pluralism // Tilburg Law School Research Paper. 2013. P. 7; Raban O. The Fallacy of Legal Certainty: Why Vague Legal Standards May Be Better for Capitalism and Liberalism // Boston University Public Interest Law Journal. 2010. Vol. 19. № 175. P. 179.

4. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВС Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 1 июня 2017 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

6. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Осипов А.В. Нормативная модель исключительных случаев, при которых производство следственных действий не терпит отлагательства [Электронный ресурс] // Известия АлтГУ. 2012. № 2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativnaya-model-isklyuchitelnyh-sluchaev-pri-kotoryh-proizvodstvo-sledstvennyh-deystviy-ne-terpit-otlagatelstva> (дата обращения: 09.09.2020).

8. Григорьев В.Н., Зинченко И.А. Нормы-дефиниции: нужны ли они в уголовно-процессуальном праве? (компаративистский взгляд) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. № 4. С. 3–10.

9. Барзилова И.С., Романова Е.А. К вопросу о логико-гносеологических средствах проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов // Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов. М.: Проспект, 2013. С. 12–15.

10. Россинская Е.Р. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов [Электронный ресурс]. URL: http://www.nbrilev.ru/Antikorrupup_ekspertiza_NPA_i_ih_projektov.

11. Керимов Д.А. Проблемы методологии и методики правообразования. М.: Мысль, 1974. С. 139.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Угольниковая Наталья Викторовна. Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.

117427, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Ugolnikova Natalia Viktorovna. Assistant Professor of the Chair of Criminal Process, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

117427, Russian Federation, Moscow, Akademik Volgin st., 12.

Ключевые слова: коррупциогенные факторы; дискреционные полномочия; формальная определенность нормы права; процессуально форма; юридико-лингвистическая неопределенность.

Key words: corruptionogenic factors; discretionary powers; formal certainty of the rule of law; procedural form; legal and linguistic uncertainty.

УДК 343.140.02

Фадеев А.А.

**О НАУЧНЫХ ПОДХОДАХ К СОДЕРЖАНИЮ
ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ»**

**ON SCIENTIFIC APPROACHES TO THE CONTENT
OF CONCEPT OF INFORMATION SUPPORT
OF CRIME INVESTIGATION**

В данной статье на основе законодательных и нормативно-правовых актов, проанализированы ряд определений информационного обеспечения расследования преступлений, данных различными авторами и на основе их анализа с учётом вносимых поправок, изменений и дополнений дано авторское определение информационного обеспечения.

In this article, on the basis of legislative and regulatory legal acts, a number of definitions of information support for the investigation of crimes, given by various authors, are analyzed and, based on their analysis, taking into account the amendments, changes and additions introduced, the author's definition of information support is given.

На фоне трансформации общества – от индустриального к информационному – особое значение приобретают информационные процессы, протекающие в различных областях жизнедеятельности. Правоохранительная деятельность не является исклю-

чением. Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел является одним из основных направлений борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка, оно находится в основе формирования единого информационного пространства всех правоохранительных органов Российской Федерации [1, с. 8].

Однако, при всей значимости законодательного закрепления, понятия информационного обеспечения, как собственно и единства в подходах его понимания у различных авторов, в настоящее время нет.

По мнению Р.В. Усманова, «под информационным обеспечением процесса расследования предлагается понимать процесс отыскания, оценки и использования содержащейся в базах данных криминалистической информации» [2, с. 168], то есть данная деятельность рассматривается в качестве формирования направления для дальнейшего установления сведений, имеющих доказательное значение на основе содержащихся в правоохранительных органах учётов, при этом не учитываются начальные стадии сбора информации.

М.А. Касьянов даёт следующее определение информационному обеспечению: «деятельность, направленная на удовлетворение информационных потребностей субъектов предварительного расследования, а также создание оптимальных условий для эффективного использования информации в целях раскрытия и расследования преступлений» [3, с. 97]. В данном понятии информация выполняет обеспечительную функцию, то есть её предоставление необходимо для создания условий, позволяющих удовлетворить информационные потребности субъектов в рамках расследования преступлений. Не совсем удачно выглядит формулировка «удовлетворение информационных потребностей субъектов предварительного расследования»; к кругу субъектов законодатель, помимо должностных лиц, обладающих правом проведения процессуальных действий в рамках уголовного судопроизводства, относит и других его участников – потерпевший, частный обвинитель в уголовном процессе.

Более развернутое определение дают А.Ю. Головин, В.О. Давыдов, понимая под информационным обеспечением «...осуществляемую в соответствии с действующим законодательством деятельность по целенаправленному поиску, собира-

нию, исследованию, оценке, выдаче, хранению и использованию криминалистически значимой информации лицами, производящими предварительное расследование, и содействующими им сотрудниками правоохранительных органов в целях эффективного решения процессуальных, тактических, розыскных и других задач в ходе работы по уголовным делам» [4, с. 30–33].

Представляется, что приведенное определение не в полной мере раскрывает понятие информационного обеспечения. Так, стадия поиска является элементом стадии собирания. В данном контексте процесс собирания доказательств, описанный в комментарии к части 1 статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), является комплексом процедур по обнаружению, получению (истребованию) и закреплению (фиксации) доказательств [5]. Думается, что выделять поиск в отдельную стадию информационного обеспечения необходимости нет, поскольку собирание информации – это система процедур, начальным элементом которой выступает поиск, то есть действие, направленное на обнаружение сведений, связанных с событием преступления на начальной стадии собирания информации в рамках уголовного судопроизводства.

Несмотря на, казалось бы, исчерпывающий перечень стадий информационного обеспечения, имеет место отсутствие стадии систематизации. Система (греч. *systema* – целое, составленное из частей, соединение) – множество элементов, находящихся в отношении и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство [6, с. 197]. Практическое значение систематизации возрастает в ходе анализа и оценки собранных сведений.

Также не совсем корректно выглядит в данном определении формулировка «содействующим им сотрудникам правоохранительных органов». Круг субъектов можно классифицировать по следующим группам:

- суд, прокурор, следователь, дознаватель, перечисленные в статьях 37, 38, 40 и в главе 5 УПК [5] и обладающие властными полномочиями по реализации процессуальных, следственных действий, определенных законодательством;

- в рамках статьи 13 ФЗ об ОРД к субъектам информационного обеспечения относятся государственные органы, наделен-

ные правом осуществлять оперативно-розыскные мероприятия [7];

- лица, оказывающие содействие в сборе информации, – специалист, эксперт в соответствии со статьями 57, 58 УПК РФ [5], а также иные лица, деятельность которых в рамках служебных обязанностей напрямую связана с обработкой, систематизацией и анализом информации [8].

Каждое из рассмотренных определений выражает свой авторский подход к формированию данного понятия. Учитывая ряд аспектов, хотелось бы остановиться на целях информационного обеспечения, к которым можно отнести создание предпосылок для принятия процессуальных и управленческих решений в рамках разрешения задач конкретного уголовного дела.

Процессуальное решение представляет собой обязательное к исполнению решение, вынесенное органом или уполномоченным должностным лицом в соответствии с пунктом 2 статьи 5 УПК [5], наделенным действующим законодательством властными правами.

Управленческое решение в рамках данного вопроса – это принятый в установленном порядке правовой акт уполномоченного руководителя на основе анализа оперативной обстановки и обладающий директивным характером, а также содержащий постановку целей [8].

Вместе с тем, статья 6 УПК РФ, описывая цели уголовного судопроизводства, определяет и его задачи: обеспечение охраны прав и свобод личности от преступных посягательств; защита законных интересов всех участников уголовного судопроизводства; обеспечение возмещения причиненного преступным деянием вреда; установление лиц, причастных к совершению преступления и привлечение их к уголовной ответственности; гарантия права на реабилитацию необоснованного уголовного преследования; а также соразмерность наказания совершенному деянию и отказ от уголовного преследования невиновных лиц [5].

Принимая во внимание мнение И.Н. Кузнецова о том, что обеспечение уполномоченных должностных лиц необходимыми сведениями для решения возложенных на них задач является информационной работой, а комплекс операций, таких как регистрация, передача, накопление, хранение, обработка, выдача ин-

формации, относится к процессу информационной работы [9, с. 19], можно сделать вывод о том, что информационное обеспечение расследования преступлений – это осуществляемая в соответствии с нормативными правовыми актами деятельность уполномоченных должностных лиц по сбору, исследованию, систематизации криминалистически значимой информации для дальнейшей информационной работы по реализации комплекса информационных процессов в целях принятия процессуальных и управленческих решений в рамках задач уголовного судопроизводства.

1. Интервью заместителя министра внутренних дел Российской Федерации Виталия Дмитриевича Шулики [Электронный ресурс] // Шит и Меч. 2019. № 26. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Усманов Р.А. Теория и практика использования криминалистической информации в процессе раскрытия и расследования преступлений [Электронный ресурс]: монография. Челябинск, 2006. С. 334. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/read.php?id=102&file=125&page=1>.

3. Касьянов М.А. Информационное обеспечение органов внутренних дел и некоторые направления его совершенствования на базе новых информационных технологий // Современные проблемы применения новых технологий в раскрытии и расследовании преступлений: материалы Всеросс. науч.-прак. конф. Калининград, 2006.

4. Головин А.Ю., Давыдов В.О. Криминалистическая категория информационное обеспечение расследования преступлений // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы: материалы международной научно-практической конференции. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 2020.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: с изм. от 13 мая 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

6. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд. М.: Мегатрон XXI, 2000. С. 334.

7. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: в ред. от 30 декабря 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Вопросы организации информационно-аналитической работы в управленческой деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26 сентября 2018 г. № 623. Пункт 2 приложения.

9. Кузнецов И.Н. Информация: сбор, защита, анализ. М.: ООО Изд. Яуза, 2001. С. 107.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фадеев Александр Александрович. Слушатель факультета государственного и муниципального управления.

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Fadeev Alexander Alexandrovich. Trainee of the Faculty of State and Municipal Administration.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125993, Russian Federation, Moscow, Zoe and Alexander Kosmodemyansky st., 8.

Ключевые слова: информационное обеспечение; сбор; обработка; оценка; систематизация информации; задачи.

Keywords: information support; collection; processing; evaluation; systematization of information; tasks.

УДК 343.985

Федоров А.Ф.

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ**

**USE OF NEW TECHNOLOGIES IN SOLVING
THE PROBLEM OF CRIMINAL PROCEDURAL PROVISION**

В статье определены методы использования инновации. Статья посвящена использованию новых технологий в решении проблемы уголовно-процессуального доказывания, определяющего наиболее значимые критерии допустимости использования информационных технологий при расследовании и разрешении уголовных дел. Раскрыто содержание категории уголовно-процессуальной информации, приводится понятие информационных технологий в уголовном судопроизводстве. Уточнены цели и задачи использования информационных технологий в уголовном процессе.

The article defines the methods of using innovation. The article is devoted to the use of new technologies in solving the problem of criminal procedural proof, which determines the most significant criteria for the admissibility of the use of information technologies in the investigation and resolution of criminal cases. The content of the category of criminal procedural information is revealed, the concept of information technologies in criminal proceedings is given. The goals and objectives of using information technologies in criminal proceedings have been clarified.

Уголовное судопроизводство значительно отстает в использовании инновационных технологий и обращении с электронными материалами.

Широкое использование электронных средств фиксации во многом упростит работу сотрудников, обеспечит полноту и убедительность доказательств.

Привлечение инновационных технологий позволит оценивать эффективность приговоров. Современная теория уголовно-процессуальных процессов доказательств виновности требует

неизбежных изменений, так как переход в цифровую эпоху связан с внедрением инновационных средств. Пересмотр ключевых положений этой теории должен происходить по трем направлениям: средства доказывания, предмет и субъект доказывания.

Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 74 УПК).

Использование новых технологий в решении проблемы уголовно-процессуального доказывания позволяет изучить сущности подхода в области доказывания и его методологические основы. В настоящее время необходимо обосновать значимость реализации доказывания на современном этапе развития инновационных технологий с целью повышения уровня профессионализма будущих специалистов, формирования профессиональной деятельности обучающихся инновациям. Для обоснования потребности реализации доказывания необходимо проанализировать основные методологические аспекты подхода в области доказывания. На технологичности уголовного судопроизводства основана необходимость использования информационных технологий в уголовном процессе. Под информационными технологиями необходимо понимать процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации. При современном совершенствовании информационных технологий в уголовном процессе усиливается потребность в их применении.

Таким образом, для применения информационных технологий в уголовном процессе необходимо соблюдение прав и законность, открытость и актуальность.

На сегодняшний день использование старых методов при доказывании преступлений затруднительно. Доказывание в юридической практике есть искусство собирать факты, приводить в порядок, в котором они взаимно выясняются, и констатировать их, а также приводить в известность их связь и последствия [1].

Так как доказывание составляет основу уголовного судопроизводства, то появляется ситуация, которую необходимо кор-

ректировать, и в связи с этим законодателю надо вносить изменения в уголовно-процессуальный закон. Сегодня проблемы такого характера можно решить с применением информационных технологий, и тогда можно рассчитывать на достижение успешности в области доказывания преступлений.

В процессе доказывания, с целью защиты личности и возможной невиновности, работники могут использовать компьютерные технологии, видеозапись, технологии контроля мер пресечения, аудиозапись, электронное наблюдение, технологии защиты и идентификации уголовно-процессуальной информации и иные инновационные технологии.

Уголовно-процессуальный закон должен гласить о применении новых инновационных технологий, которые необходимо постоянно обновлять и совершенствовать.

В заключение следует отметить, что инновационные технологии стремительно развиваются и совершенствуются в связи с развитием технического прогресса, и они неуклонно проникают в сферу уголовного судопроизводства. Закрепление на уровне закона свойства технологичности позволит правоприменителю использовать в доказывании по уголовным делам новые инновационные технологии для проверки сведений доказывания, оценки информации, закрепления, собирания, имеющих отношение к уголовному делу. Для оптимизации правил доказывания и расследования уголовных дел, сокращения процессуальных сроков и укрепления законности при производстве по уголовному делу необходимо пользоваться новыми подходами.

Отставание в применении инновационных технологий означает снижение результатов успешного доказывания преступлений. Развитие цифровых технологий ведет к обновлению самого подхода доказывания преступлений. Доказывание совершения преступления является искусством, которое необходимо применять в юридической практике. На сегодняшнем этапе стремительного развития технического прогресса доказать преступление с помощью цифровых технологий гораздо проще и надежнее.

Итак, в уголовное судопроизводство необходимо внедрять уголовные дела в электронном виде. С помощью электронных технических средств проводить мероприятия по доказыванию. Доказательства труднее фальсифицировать, если они имеются в

электронном виде. Знакомится с записями в доказывании на электронных носителях информации иногда имеют затруднения. (непонятно; нужно переделать предложение) Требуется детальная проработка копирования информации доказывания. Много нерешенных вопросов и с электронными подписями. Внедрение электронных подписей для доказывания преступления потребует много усилий специалистов в этой области. Для процессуальных целей необходимо использовать разные направления внедрения инновации. Развитие инновационных технологий может позволить внедрить в судопроизводство инновационные процессы работы с документацией. С учетом развития современного этапа компьютеризации во всех сферах профессиональной деятельности уголовно-процессуального доказывания любая ошибка работников этой сферы может быть сведена к минимуму.

Сегодня уголовно-процессуальная наука может разрешить центральную проблему уголовно-процессуального доказывания [2] с помощью современных подходов и ускорить всю процедуру расследования и разрешения уголовных дел. Итак, для дальнейшего реформирования уголовно-процессуального права необходимо использование в доказывании преступных деяний новых подходов и электронных технических средств.

1. Бентам И.О судебных доказательствах / по изд. Дюмана, пер. с фр. И. Гороновичем. Киев: тип. М.П. Фрица, 1876. 421 с.

2. Рудин А.В. Проверка доказательств в ходе досудебного производства в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2019. 188 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фёдоров Александр Фёдорович. Старший научный сотрудник отдела разработки методологии социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы; кандидат психологических наук, доцент.

ФКУ НИИ ФСИН России

125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, 15-а/1.

Доцент кафедры социальной педагогики и психологии.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

600005, Российская Федерация, г. Владимир, ул. Горького, 87.

Fedorov Alexander Fedorovich. Senior Researcher of the Department for the Development of Methodology of Social, Psychological, Educational and Pedagogical Work with Convicts Center for the Study of Problems of the Execution of Criminal Sentences and the Psychological Support of the Professional Activities of the Employees of the Criminal Executive System; Candidate of Sciences (Psychological), Associate Professor.

Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia.

125130, Russian Federation, Moscow, Narvskaya st., 15-a/1.

Assistant Professor of the Chair of Social Pedagogy and Psychology.

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

600005, Russian Federation, Vladimir, Gorky st., 87.

Ключевые слова: уголовный процесс; следственная парадигма; деятельность; электронные доказательства; закон.

Keywords: criminal procedure; investigative paradigm; activity; electronic evidence; law.

УДК 343.1

Филимоненко И.А.

**К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОМ СТАТУСЕ
УЧАСТНИКОВ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ**

**ON THE ISSUE OF THE PROCEDURAL STATUS
OF THE PARTICIPANTS
OF THE PRE-INVESTIGATION CHECK**

В статье рассматривается вопрос систематизации участников уголовного процесса на этапе следственной проверки сообщения о преступлении. Предлагается основание для классификации участников, а также правовая конструкция оптимальная для характеристики положения личности в стадии возбуждения уголовного дела.

The article deals with the issue of systematization of participants in the criminal process at the stage of pre-investigation verification of a crime report. The basis for the classification of participants is proposed, as well as the optimal legal structure for characterizing the position of an individual at the stage of initiating a criminal case.

Стадия возбуждения уголовного дела является самым дискуссионным этапом уголовного судопроизводства как для практикующих юристов, так и для научного сообщества. Если существование данного этапа именно как стадии процесса не вызывает сомнения, так как ему присущи все необходимые характеристики стадии: задачи, круг субъектов, процессуальный порядок, итоговые решения, то другой важный вопрос – процессуальный статус участников, не получил какого-либо нормативного закрепления. Человек, вовлеченный в стадию следственной проверки, находился в полной неопределенности своих прав и обязанностей, что неизбежно влечет ограничение его законных интересов.

В науке уголовного процесса проблеме понятия и систематизации участников стадии возбуждения уголовного дела не уделяется должного внимания. Объясняется это вероятно тем, что на этапе следственной проверки еще нет уголовного дела, и соот-

ветственно нет привычных субъектов: потерпевшего, обвиняемого, свидетеля и др.

Авторы, исследующие вопросы стадии возбуждения уголовного дела, либо вообще избегают рассмотрения проблемы ее участников, либо ограничиваются формальным указанием на лиц, названных в уголовно-процессуальном кодексе в качестве субъектов данного этапа производства.

Предложенная законодателем классификация участников уголовного процесса представляется не совсем удачной. Во-первых, данная классификация в таком виде применима лишь на судебных стадиях, во-вторых, только к участникам уголовного дела, а так как на этапе доследственной проверки уголовного дела еще нет, соответственно и лиц, участвующих в деле быть не может. Поэтому, предлагаем систематизировать участников стадии возбуждения уголовного дела по критерию интереса на следующие группы: участники, отстаивающие при производстве проверки сообщения о преступлении публичный интерес; лица, отстаивающие свои личные и представляемые интересы; лица, содействующие производству проверки сообщения о преступлении.

Лицо, вовлеченное в сферу уголовного судопроизводства, приобретает определенный статус участника в соответствии со своим интересом и сохраняет его на протяжении всей уголовно-процессуальной деятельности. Предложенная классификация представляется нам наиболее удачной, так как избранное для нее основание – наличие интереса, является универсальным как для стадии возбуждения уголовного дела, так и для последующих стадий и не зависит от типологии уголовного процесса. Полагаем наиболее удачным использовать в разделе втором УПК РФ в качестве основной классификации – деление участников на четыре группы исходя из интереса, а в судебном производстве использовать дополнительно второстепенную классификацию по сторонам, внутри которой остается интерес.

Вместо того чтобы определить статус личности в стадии возбуждения уголовного дела законодатель 4.03.2013 года внес только некоторые базовые права. В новой части 1.1 ст. 144 УПК РФ указано, что любому лицу, участвующему в стадии возбуждения уголовного дела, должны быть обеспечены права: а) не

свидетельствовать против себя и близких; б) пользоваться помощью адвоката; в) обжаловать действия (бездействие) и решения органов уголовного преследования. К ним следует добавить еще одно обязательное правомочие – привлекать, при необходимости, переводчика, так как в противном случае исключается возможность участия в процессуальных действиях лица, не владеющего языком уголовного судопроизводства.

Полное отсутствие статуса личности в стадии возбуждении уголовного дела и попытка законодателя закрепить этот статус путем внесения в ст. 144 УПК РФ базовых конституционных правомочий первый шаг закрепления статуса личности на данном этапе.

Назначение УПК РФ в частности состоит в том, чтобы в полной мере обеспечить участвующим лицам возможность реализации своих интересов. Для этого каждый субъект должен быть наделен необходимым нормативным закреплением своего процессуального положения (статуса).

Анализ отечественного уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что закрепление статуса в УПК проявляется в четырех составляющих: во-первых, каждый субъект приобретает свое собственное процессуальное наименование (потерпевший, свидетель, подозреваемый и т.д.); во-вторых, в статье закона дается дефиниция, раскрывающая суть процессуального положения субъекта; в-третьих, нормативно закрепляются права и обязанности каждого субъекта; в-четвертых, устанавливается юридическая ответственность.

Данная конструкция закреплена уголовно-процессуальным законодательством для участников предварительного расследования и представляется нам оптимальной для характеристики положения личности в стадии возбуждения уголовного дела.

Таким образом, процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела необходимо понимать как конструкцию в виде следующих составляющих – процессуальное наименование, дефиниция, процессуальные права и обязанности, ответственность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Филимоненко Ирина Андреевна. Преподаватель кафедры уголовного процесса

Уральский юридический институт МВД России.
620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Коре-
пина, 66.

Filimonenko Irina Andreevna. Teacher of the Chair of Criminal Procedure.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
620057, Russian Federation, Yekaterinburg, Korepin st., 66.

Ключевые слова: доследственная проверка, стадия возбуждения уголовного дела, процессуальный статус, классификация.

Keywords: pre-investigation check, stage of initiation of a criminal case, procedural status, classification.

УДК 343.13

Хамидуллин Р.С.

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЙ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

**SOME FEATURES OF DETECTION
AND INVESTIGATION OF RAPE OF MINORS**

В статье рассматриваются некоторые особенности раскрытия и расследования изнасилований несовершеннолетних, в том числе отдельное внимание уделяется производству доследственной проверки сообщения о таком преступлении. Автором проведен анализ следственной и судебной практики, выявлены положительные и отрицательные аспекты при раскрытии и расследовании таких преступлений. Предложены оптимальные и

эффективные алгоритмы действий в различных ситуациях при выявлении, предупреждении и раскрытии изнасилований несовершеннолетних. Рассмотрены некоторые элементы криминалистической характеристики изнасилований несовершеннолетних.

The article discusses some features of detection and investigation of rape of minors, special attention is paid to carrying out pre-investigation verification of a report on such a crime. The author analyzes the investigative and judicial practice, identifies positive and negative aspects in detection and investigation of such crimes. Optimal and effective algorithms of actions in various situations in disclosure, prevention and detection of rape of minors are proposed. Some elements of the criminalistic characteristics of rape of minors are considered.

Особенности раскрытия и расследования изнасилований несовершеннолетних рассмотрены во множестве исследований, что говорит о важности привлечения к ответственности лиц, совершающих данные преступления. Согласно положениям ч. 3 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее в тексте – УПК РФ) преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 131 и ч. 1 ст. 132 УК РФ, являются делами частного-публичного характера и могут возбуждаться по заявлению потерпевшего или его законного представителя [1]. Учитывая тот факт, что потерпевшие в данном случае являются несовершеннолетние, то заявление о возбуждении уголовного дела по факту их изнасилования могут подавать их родители, опекуны и иные представители.

Но не стоит исключать ситуаций, когда сами законные представители совершают преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, что затрудняет выявление подобных преступлений и повышает латентность такого вида преступности, в связи с чем данное исследование актуально и имеет прикладное значение для правоохранительных органов.

Отметим также, что в соответствии с ч. 4 ст. 20 УПК руководитель следственного органа, следователь, а также, с согласия прокурора, дознаватель возбуждают уголовное дело об указанных преступлениях и без заявления со стороны потерпевшего или его законного представителя. Несовершеннолетний потер-

певший относится к той категории лиц, которые в силу беспомощного, а также зависимого состояния не могут самостоятельно защищать свои права и интересы.

Данная проблема является актуальной не только для Российской Федерации. Для сравнения можно привести практику Европейского Суда по Правам Человека, разбирающего дело об изнасиловании несовершеннолетней, совершенного в Италии: «В период с апреля по июнь 2013 года заявительница, которой в это время было 15 лет, была задержана на вечеринке, участники которой употребляли алкоголь и наркотики, где, по словам ее родителей, ей предлагали принять участие в фотосессии порнографического характера. Родители девочки также утверждали, что их дочь страдает психическим расстройством.

Органы власти начали уголовное расследование сразу же после того, как им стало известно об уязвимом положении заявительницы и о реальной и незамедлительной опасности, которой она подвергалась. Несмотря на то, что прокурор ходатайствовал о возбуждении срочного разбирательства, а также о помещении заявительницы в специализированное учреждение и передачи опеки над ней социальным службам, в июле 2013 года суд по делам несовершеннолетних принял соответствующее решение более чем через четыре месяца, а именно – в декабре 2013 года и в течение данного периода заявительница была жертвой сексуальной эксплуатации.

После вынесения решения судом по делам несовершеннолетних социальным службам потребовалось свыше четырех месяцев, чтобы поместить заявительницу в специализированное учреждение, несмотря на соответствующие просьбы ее родителей и два срочных запроса суда по делам несовершеннолетних о предоставлении информации. За это время заявительница стала жертвой изнасилования, и по факту изнасилования группой лиц было возбуждено уголовное расследование, а также установлены предполагаемые исполнители преступления. Дело же находится на рассмотрении в суде» [2].

Итак, поводом для возбуждения уголовного дела по факту изнасилования несовершеннолетнего лица может быть заявление от законного представителя потерпевшего или, в качестве исключения, руководитель следственного органа, следователь, а

также дознаватель с разрешения прокурора могут возбудить такое дело без заявления от законного представителя со стороны потерпевшего. Так, поводом может служить информация от медиков, проводящих осмотр несовершеннолетних, о том, что несовершеннолетняя живет половой жизнью, от преподавателей учебных заведений и от других лиц.

Подобные дела имеют большой резонанс в обществе, и российская уголовная практика знает случаи, когда социум становился на сторону предполагаемого насильника, обвиняя саму потерпевшую или ее представителей в корыстных или иных целях, призванных оговорить обвиняемого в порицаемом обществом преступлении.

Так события разворачивались по делу изнасилованной уроженки г. Ульяновск Дианы Шурыгиной. В этом случае значительная часть населения страны, после того как дело приобрело всенародную известность, встала на сторону обвиняемого Сергея Семенова: земляки участников нашумевшего дела собирали митинги в поддержку Семенова, который вступил в половую связь с несовершеннолетней Шурыгиной, выпившей в тот день незначительное (по ее словам) количество крепкого алкоголя и привлекшей нового знакомого уединиться с ней в комнате [3].

Криминологи в таком случае рекомендуют особо тщательно изучать личность лица, которого потерпевшая сторона обвиняет в сексуальном преступлении. Советский и российский криминолог Ю.М. Антонян говорит, что следует изучать «живых» людей, а не «мертвые» уголовные дела и факты статистики. Именно изучение личности предполагаемого преступника в ходе изучения материалов на доследственных стадиях помогает понять, было ли совершено преступление [4, с. 31]. Необходимо добавить, что также важно исследовать личность стороны обвинения: потерпевшего и его законных представителей.

В.Н. Карагодин отмечает, что при проведении доследственной проверки по делам против половой неприкосновенности несовершеннолетних возникает ряд трудностей, основная из которых связана с тем, что потерпевшие в силу юного возраста и несформировавшейся психики (особенно это касается малолетних) не могут дать четких показаний по поводу случившегося,

описать подозреваемого и дать характеристику его действиям [5, с. 131].

На данном этапе необходимо проведение различного рода экспертиз: судебно-медицинская экспертиза, которая показывает, вступал ли несовершеннолетний в половой контакт; криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий одежды потерпевшей и подозреваемого, а также тщательный осмотр места совершения преступления, позволяющий выявить следы, оставленные преступником. К таким следам относятся биологические жидкости преступника и потерпевшего (кровь, сперма, слюна, пот и т.д.), фрагменты ткани и фурнитура одежды участников дела и т.д.

Иногда сообщение в правоохранительные органы направляют должностные лица учебных учреждений, которые не участвовали в приеме, осмотре, лечении несовершеннолетней и даже не общались с ней. В этих ситуациях опрашиваются не только данные должностные лица, но и непосредственные преподаватели, задаются вопросы об обстоятельствах, послуживших поводом для обращения в правоохранительные органы и о том, в каких отношениях несовершеннолетнее лицо находится с опекунами (родителями) и с другими обучающимися.

В процессе опроса потерпевших необходимо выяснить, каким образом произошло знакомство с преступником. Не будем подробно раскрывать способы, которыми пользуются злоумышленники данной категории преступлений: заманивание несовершеннолетней жертвы в помещение под предлогом угощения, подарка и т.д. Детально выясняются обстоятельства совершения насильственных действий, начиная с того, как потерпевшая оказалась обнаженной, какое психическое и физическое насилие при этом осуществлялось, в какой форме и сколько раз совершался половой акт, как вел себя субъект преступления после его окончания, не похищал ли вещей, принадлежащих пострадавшей, не угрожал ли ей, не наносил ли ударов, в каком направлении скрылся. Потерпевшим также задаются вопросы о том, к кому и когда они обратились за помощью, если не сразу обратились в правоохранительные органы, то почему, кто их видел после совершения преступления и кому они рассказывали о случившемся.

В современном мире насильники зачастую знакомятся с жертвами в сети Интернет. В таком случае необходимо изучить переписки жертвы с преступником, чтобы выяснить адрес и иные контакты субъекта преступления. Для этого, порой, необходимо прибегнуть к помощи экспертов в сфере компьютерной техники, что поможет установить личность преступника, выявить его персональные данные.

В кратчайшие сроки с момента поступления заявления необходимо отправить жертву изнасилования на медицинскую экспертизу, чтобы выявить характер случившегося насилия, оценить степень тяжести травм, причиненных сексуальным контактом, времени их образования. В исключительных случаях, если здоровью жертвы причинен вред, требующий долгого лечения, то необходимо дождаться окончания лечения и только потом проводить экспертизу.

Работа следователя в любой части мира над ошибками при таких условиях приобретет сугубо технический характер и будет заключаться в формулировании и предъявлении практически того же самого обвинения, что и прежде, правда, по статье уголовного закона, подразумеваемой судом. При этом не совсем ясно, почему он должен соглашаться с такой оценкой и утверждать в официальных процессуальных документах о ее наличии, если придерживается иного взгляда, нежели суд. Предложенный законодателем подход подразумевает в достаточной степени нивелирование процессуальной самостоятельности следователя. Вместе с тем таковая рассматривается в юридической науке как один из базовых элементов досудебного производства [6, с. 8]. Одновременно с этим совершенно справедливо отмечается творческий характер деятельности следователя [7, с. 10], которая, как видится, не должна сводиться к формальному составлению основополагающих процессуальных документов.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 1 апреля 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

2. Информация о Постановлении ЕСПЧ от 1 февраля 2018 г. по делу «V.C. (V.C.) против Италии» (жалоба № 54227/14) //

Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 8.

3. Около сотни ульяновцев собрались на митинг в поддержку Сергея Семенова, обвиненного в изнасиловании [Электронный ресурс] // Первый ульяновский портал. URL: https://1ul.ru/city_online/obshchestvo/news/okolo_sotni_ulyanovcev_sobralis_na_mitinge_v_podderzhku_sergeya_semenova_obvinennogo_v_iznasilovanii (дата обращения: 04.04.2021).

4. Насильственная преступность в России / РАН. ИНИОН и др. М., 2001. (Актуал. вопр. борьбы с преступностью в России и за рубежом / ред. кол. сер.: Л.Л. Ананиан (отв. ред. сер.) и др., 2001.)

5. Карагодин В.Н. Расследование умышленных преступлений против жизни, половой свободы и неприкосновенности несовершеннолетних: монография. М.: Проспект, 2019. 320 с.

6. Багмет А.М. Следователь – судья на досудебной стадии // Рос. следователь. 2014. № 14.

7. Боруленков Ю.П. Расследование как искусство // Рос. следователь. 2014. № 14.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хамидуллин Руслан Сибгатуллович. Врио начальника кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел.

Уральский юридический институт МВД России.
620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Khamidullin Ruslan Sibagatulloevich. Acting Head of the Chair of Operational-Investigative Activities of Internal Affairs Bodies.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
620057, Russian Federation, Yekaterinburg, Korepin st., 66.

Ключевые слова: доследственная проверка; изнасилование несовершеннолетнего; следователь; эксперт-криминалист; потерпевший; подозреваемый; материальные следы; идеальные следы; прокурор; суд.

Keywords: pre-investigation check; rape of a minor; investigator; forensic expert; victim; suspect; material trace; perfect tracks; prosecutor; court.

УДК 343.102

Хусанов А.Д.

**О ФИКСАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ
ПРОИСШЕСТВИЯХ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЯМИ
ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

**ABOUT FIXING THE EVIDENTIARY INFORMATION
IN ROAD AND TRANSPORT INCIDENTS CONNECTED
WITH INFRINGEMENTS OF THE ROAD SAFETY
TRAFFIC RULES**

В статье рассматриваются вопросы, связанные с алгоритмом действий органов, осуществляющих доследственную проверку, дознавателей, следователей, взаимодействующих с экспертно-криминалистическими подразделениями в расследовании преступлений, связанных с нарушениями правил безопасности движения транспортных средств и фиксации доказательственной информации в совершенном дорожно-транспортном происшествии, необходимости использования в данном процессе инновационных информационно-коммуникационных технологий.

The article elicits the questions pertinent to the algorithm of actions of bodies carrying out pre-investigation check, investigators, inspectors co-operating with expert criminalistic divisions in investigation of crimes of road and transport incidents connected with infringements of the road safety traffic rules and fixing the evidentiary information about the committed road and transport incident, necessity of use of innovative information-communication technologies for the given process are considered.

При определении эффективности фиксации доказательственной информации в дорожно-транспортных происшествиях (ДТП), связанных с нарушениями правил безопасности движения транспортных средств, важную роль занимают специальные исследования в автотехнической сфере, полученные посредством привлечения специалистов и экспертов в данной области.

Привлечение специалистов в проведении следственных действий по делам о нарушениях правил безопасности движения транспорта является важнейшей гарантией эффективного механизма криминалистического обеспечения фиксации дорожно-транспортного происшествия. В этом отношении считаем правильным мнение Б.Б. Нечаевой о том, что инновационный процесс в расследовании можно поделить на ряд этапов: первый – предшествующий созданию инновационного продукта, начинается с момента зарождения необходимости в нем; вторым этапом является создание новшества, его промышленное производство, если это касается научно-технической продукции; третий этап выражается в целенаправленном и повсеместном внедрении инноваций в работу правоохранительных органов на всех уровнях [1, с. 159].

Непосредственное участие этих специалистов в проведении автотехнической, трасологической или иных экспертиз, производстве следственных действий в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с нарушениями правил безопасности при ДТП, имеет форму специальных исследований [2, с. 119]. Привлекаемые специалисты автотехники, эксперты и экспертные учреждения за счет помощи, консультаций посредством вышеуказанных экспертиз позволяют получать доказательства, основанные на научно-технических достижениях. Они выполняют функции по разработкам методических рекомендаций для применения научно-технических средств и методов раскрытия и расследования преступлений, связанных с ДТП, в виде инновационных технологий.

Из вышеуказанного напрашивается вывод о необходимости оптимизации деятельности экспертных учреждений посредством внедрения инновационных технологий, а также организационной структуры экспертных подразделений. Одним из направлений является процесс объединения в единую и самостоятельную си-

стему экспертных научно-исследовательских учреждений без ведомственного подчинения, что, прежде всего, будет способствовать объективности экспертных исследований и концентрации научного и практического потенциала, а также материальных ресурсов.

Наглядным примером данной тенденции является постановление Президента от 17 января 2019 г. «О мерах по дальнейшему совершенствованию судебно-экспертной деятельности». Создаются негосударственные судебно-экспертные организации, которые смогут проводить наиболее важные виды судебных экспертиз. В части функций, прав, обязанностей и ответственности эти организации приравнены к государственным судебно-экспертным учреждениям.

Внедрение инновационной, компьютерной техники в следственную практику по делам, связанным с нарушением правил безопасности движения транспортных средств, рассматривается нами как средство повышения эффективности использования специальных познаний в установлении обстоятельств происшествия. Здесь вполне возможным представляются инновационные, информационно-коммуникационные разработки и программы сотрудниками экспертных учреждений для криминалистического обеспечения ими следственных органов. Такие попытки уже имеют место в экспертной практике России, Украины, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Так, в настоящее время сотрудниками экспертно-криминалистического центра созданы соответствующие программы, подразумевающие использование инновационных технологий [3, с. 23]. Практическая значимость этих программ заключается в том, что они в процессе формулирования вопросов следователем при назначении судебно-автотехнической экспертизы вынуждают его определять возможности судебной автотехники и целенаправленно вести поиск необходимых исходных данных, достаточных для ответа на интересующие его вопросы.

Также представляет интерес пакет программ «Арм-экспертавтотехника», разработанный экспертно-криминалистическим центром МВД Республики Узбекистан. Так, созданная на базе этих разработок инновационная программа «Car Edit», предназначенная для помощи работникам дознания, следствия, органов,

осуществляющих последовательную проверку и оперативно-розыскную деятельность, используется для экранного моделирования в процессе осмотра места ДТП и проведения других следственных, процессуальных действий типичных следственных ситуаций с последующим выводом масштабированного изображения на печатающем устройстве.

С помощью удобного пользовательского интерфейса следователь, дознаватель имеет возможность изобразить на плане к протоколу осмотра места ДТП дорожное полотно или перекресток, расставить условные обозначения объектов (автотранспортные средства, дорожные знаки, светофоры, зеленые насаждения и т.д.). С помощью «электронной рулетки» следователь имеет возможность измерить расстояние между объектами и оценить взаимную видимость объектов с учетом сложившейся ситуации.

Программа «Car Edit» позволяет создать и пополнить базы данных на автотранспортные средства, на перекрестки и участки дорог, что обеспечивает полноту и точность оформления процессуальных документов, связанных с фиксацией места ДТП.

В целом, научно-технический прогресс, инновационные технологии включающих интенсивное, широкое применение информационно-коммуникационных технологий все большую популярность приобретают специальные знания в области компьютерных, коммуникационных систем безопасности и управления транспортными средствами. Ведь при установлении механизма совершения дорожно-транспортного происшествия определяющее значение имеет выяснение данных о транспортном средстве на момент аварии и до нее (техническое состояние, скорость движения и т.п.). Как правило, данные сведения могут быть получены по следовой информации, добытой в ходе осмотра места происшествия из показаний участников и свидетелей дорожно-транспортного происшествия.

А.Ю. Забавина подробно рассмотрела принцип работы системы «ЭРА-ГЛОНАСС», которая имеет непосредственное значение для криминалистического обеспечения фиксации дорожно-транспортного происшествия. Так, она указывает, что при столкновении автотранспортного средства с препятствием или при наезде на пешехода срабатывает датчик удара, например, сопро-

вождающийся срабатыванием подушек безопасности и т.д. [4, с. 146]

Анализ следственной и судебной практики показывает, что применение инновационных технологий в установлении параметров движения транспортного средства, фиксации доказательств на момент дорожно-транспортного происшествия носит пока единичный характер и вызывает много трудностей. В качестве одного из путей решения этой проблемы предлагается для участия в осмотре транспортного средства приглашать специалиста официального сервисного центра, обслуживающего автомобили конкретной марки. Полученные сведения позволяют осуществить компьютерное моделирование автоаварии, установить причины и восстановить механизм совершения дорожно-транспортного происшествия.

Следовательно, применение инновационных технологий при использовании научно-технических знаний при расследовании дел, связанных с нарушением правил безопасности движения транспорта, является необходимой составляющей, имеющей свои, характерные для данного вида преступлений особенности.

В настоящее время возникли реальные предпосылки для внедрения инновационных компьютерных технологий в следственную практику по делам о ДТП, что существенно повысит эффективность используемых в процессе расследования уголовных дел, связанных с нарушениями правил безопасности движения транспортных средств, специальных познаний посредством криминалистического обеспечения фиксации дорожно-транспортного происшествия. Это позволит при наличии инновационных, компьютерных технологий в считанные минуты извлекать нужную информацию, оформлять процессуальные документы и целенаправленно проводить следственные действия, направленные на получение исходных данных, для назначения и производства судебно-автотехнической экспертизы. Такой подход в определении возможных путей совершенствования криминалистического обеспечения фиксации дорожно-транспортного происшествия при его расследовании требует теоретического осмысления вопросов, касающихся процессуальных аспектов использования инновационных технологий в уголовном процессе.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствуют о необходимости осуществления комплекса правовых, организационных, научно-методических, материально-технических и иных мер, направленных на оптимизацию экспертной деятельности и повышение ее научно-технического потенциала при расследовании преступлений, связанных с нарушениями безопасности движения транспортных средств. Одной из таких мер должно стать изменение системы экспертных учреждений и, в частности, создание единой и комплексной системы экспертных учреждений. Это позволило бы обеспечить, во-первых, правовую самостоятельность и независимость экспертизы в связи с освобождением от ведомственной подчиненности; во-вторых, рациональную нормализацию нагрузки за счет ее перераспределения между экспертами; в-третьих, условия для повышения профессионализма экспертов. Это позволит сконцентрировать весь научный и практический потенциал экспертных учреждений на осуществлении свойственных им функций и позволит успешно справляться со своими задачами в расследовании преступлений, связанных с нарушениями правил безопасности движения транспортных средств.

1. Нечаева Н.Б. Инновации в криминалистике // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 2. С. 159.

2. Демидова Т.В. Судебные экспертизы, назначаемые при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Вестник криминалистики. 2008. Вып. 2 (26). С. 119–125.

3. Зокина А.М. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, связанным с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств: зарубежный опыт; вопросы совершенствования российского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 23 с.

4. Забавина А.Ю. Использование возможностей спутниковых навигационных систем при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных с применением автотранспортного средства // Закон и право. 2015. № 5. С. 146–149.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хусанов Анвар Джумабаевич. Заместитель начальника кафедры криминалистических экспертиз, доктор философии по юридическим наукам.

Академия МВД Республики Узбекистан.

100197, Республика Узбекистан, г. Ташкент, ул. Интизор, 68.

Husanov Anvar Dzhumabaevich. Deputy Head of the Chair of Forensic Examinations, Doctor of Philosophy in Law.

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

100197, Republic of Uzbekistan, Tashkent, Intizor st., 68.

Ключевые слова: доказательственная информация; дорожно-транспортное происшествие; инновационные технологии; эксперт; специалист; автотехническая экспертиза; расследование; следователь.

Keywords: evidentiary information; road and transport incident; innovative technologies; expert; automobile technical examination; investigation; inspector.

УДК 343.346.2

Цоколова О.И.

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА 2021 ГОДА
(ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА)**

**PROBLEMS OF THE CRIMINAL PROCESS OF 2021
(ABSTRACTS OF THE REPORT)**

В статье тезисно рассматриваются с учетом дискуссионного формата доклада на конференции некоторые законода-

тельные и правоприменительные проблемы уголовного процесса, актуальные в текущем году.

Taking into account the discussion format of the report at the conference, the article considers some legislative and law enforcement problems of the criminal procedure that are relevant this year in the abstract.

Наша конференция посвящена 20-летию УПК РФ [1]. Дата, конечно, знаменательная, но вместе с тем нельзя забывать, что 60 лет исполняется УПК РСФСР [2], который воплощал классическое советское процессуальное право в течение 30 лет, пока не начал подвергаться активному реформированию на фоне революционных преобразований в обществе. Не надо идеализировать тот уголовный процесс, тем более абсурдны предложения о возвращении к тому правопорядку, который ушел в прошлое. Советский уголовный процесс строился на иных принципах и представлениях о его предназначении, возможно, был более понятен и доступен для граждан, хотя ставил задачей не защиту прав и свобод потерпевших и обвиняемых, а быстрое и полное раскрытие и расследование преступлений, с тем чтобы ни один виновный не ушел от ответственности и ни один невиновный не был осужден (ст. 2 УПК РСФСР). В настоящее время и преступность меняет свои формы, и уголовный процесс должен быть другим, соответствующим современным реалиям.

Рассмотрим некоторые проблемы уголовного процесса, имеющие место в текущем 2021 году:

1. В связи с изменениями, внесенными в Конституцию Российской Федерации, официально поменялись правовые приоритеты: если ранее провозглашался приоритет международного права над российским, то в настоящее время совершенно справедливо провозглашен приоритет российского права, в том числе процессуального. Вместе с тем в реальности международные правовые нормы в российском уголовном процессе не имели прямого действия, лишь воплощались в положения УПК РФ. Сложнее всего, в том числе и в части имущественных компенсаций, ситуация с решениями ЕСПЧ. Не вторгаясь вместе с тем в вопросы международного права, хотелось бы отметить, что мно-

гочисленные обращения или несостоявшиеся попытки обращений в ЕСПЧ вызваны проблемами с реализацией возможностей обжалования действий и решений должностных лиц в рамках уголовного процесса.

Так, обжалование меры пресечения в виде заключения под стражу, которое требует незамедлительного принятия решения судебной инстанцией, может привести к длительному и «многоступенчатому» процессу пересмотра решения: Апелляционная инстанция принимает решение, которое обжалуется в кассационную инстанцию, которая, в свою очередь, не принимает решения по существу, а возвращает на новое рассмотрение в нижестоящую инстанцию (ч. 11 ст. 108 УПК РФ). «Жалобщик» при этом остается под стражей. С одной стороны, всемерно соблюдаются права и возможность обжалования любого решения, с другой стороны, данная ситуация больше напоминает «крючкотворство», так как требуется безотлагательное принятие однозначного решения, возможно, не подлежащего обжалованию.

Нет и четкого алгоритма обжалования действий и решений должностных лиц, осуществляющих досудебное производство: можно жаловаться: вышестоящему должностному лицу; прокурору; в суд (глава 16 УПК РФ). При этом обжалование руководителю органа предварительного расследования зачастую приводит к рассмотрению процессуальной жалобы в порядке, установленном Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [3], то есть в срок до месяца, хотя к уголовному судопроизводству такой порядок не должен относиться (ч. 2 ст. 1, ч. 2 ст. 11, ст. 12 ФЗ № 59).

2. Еще одна проблема, которую хотелось бы обозначить – распределение подследственности уголовных дел (ст. 151 УПК РФ). Следователи органов внутренних дел (далее – ОВД) десятилетиями специализировались на расследовании краж, мошенничества, иных преступлений против собственности, экономических преступлений, преступлений против общественного порядка, экологических, дорожных и др. Традиционно следователями ОВД расследовались преступления, произведенные несовершеннолетними.

Самый большой корпус следователей (44 389 единиц [4]) должен иметь самую большую подследственность (для сравнения – штатная численность сотрудников СК России, замещающих должности, по которым предусмотрено присвоение специальных званий, определена в количестве 19 871 человека [5]).

Сейчас наблюдается тенденция перераспределения подследственности в пользу СК России. По какой причине следователи ОВД рассматриваются как менее квалифицированные субъекты процессуальной деятельности – совершенно непонятно и необоснованно. Следственные органы МВД имеют почти 60-летнюю историю; десятилетиями складывалась система подготовки следователей ОВД.

В таких условиях изъятие различных видов преступлений из подследственности следователей ОВД может приводить к ухудшению качества и объективности расследования. Например, ст. 238 УК РФ, устанавливающая ответственность за оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, из нормы, имеющей дополнительный характер «по связи дел», превратилась в состав, который усматривается в любом правонарушении. Например, тяжелое дорожное происшествие, повлекшее гибель людей (ст. 264 УК РФ), очевидно, относящееся к подследственности следователей ОВД, получает квалификацию по ст. 238 УК РФ и принимается к производству следователями СК России. Точно так же происходит и в том случае, если в ДТП пострадали несовершеннолетние, хотя преступление неосторожное и личность потерпевшего в данном случае вторична. Степень вины лица, совершившего ДТП, определяется не личностью потерпевшего, а характером нарушений правил дорожного движения.

Имеются проблемы и с вертикальной внутриведомственной подследственностью. Следственные органы МВД и СК России имеют вертикальную иерархическую структуру. Однако УПК не регламентирует распределение внутриведомственной подследственности, хотя производство расследования тем или иным органом весьма существенно влияет на ход и алгоритм расследования: имеет значение не только территориальность (ст. 152 УПК РФ), но и уровень органа расследования: районный, региональный или даже федеральный.

Все более актуальным становится вопрос о подследственности преступлений, совершенных спецсубъектами и в отношении данной категории лиц (пп. в п. 1 ст. 151 УПК РФ). Как в законодательстве, так и в правоприменительной практике имеет место пренебрежение принципом равенства всех перед законом и судом, необъективный обвинительный подход в отношении подозреваемых и обвиняемых – сотрудников ОВД. В связи с тем, что в условиях противодействия коррупции расследование преступлений, совершенных спецсубъектами и в отношении данных лиц в связи с исполнением служебных обязанностей, должно проводиться максимально объективно и результативно, вполне обосновано рассмотрение вопроса о создании специального следственного органа в системе Прокуратуры России.

3. Остановимся еще на одной актуальной проблеме, которая в условиях демократизации общества приобретет характер противоречия. В текущий период времени, когда граждане все больше осознают возможность выбора и свободу законопослушного поведения, пределы действия частного права расширяются, уголовный процесс, напротив, движется в сторону ограничений частного обвинения в пользу публичного. Собственно, к категории уголовных дел частного обвинения в настоящее время относятся лишь три статьи УК РФ (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). При этом несколько расширяется категория дел частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ). Вместе с тем в общественном правосознании уголовное судопроизводство не воспринимается как имеющее исключительно публичный характер, напротив, бытует устойчивое мнение, что для возбуждения уголовного дела обязательно требуется заявление потерпевшего, и по желанию потерпевшего, в том числе при полном возмещении имущественного и морального вреда, уголовное преследование прекращается.

Безусловно, уголовное судопроизводство должно сохранять публичный характер, вместе с тем не противоречило бы интересам общества некоторое расширение частных начал. Категория преступлений, относящихся к делам частного обвинения, может быть расширена за счет, например, кражи, мошенничества, причинения вреда здоровью средней тяжести, ряда иных составов небольшой и средней тяжести (чч. 1–2 ст. 158, чч. 1–2 ст. 159 и др.). На такую категорию преступлений допустимо распростра-

нить порядок возбуждения по заявлению потерпевшего и прекращение по заявлению потерпевшего, или совместному заявлению сторон о примирении. При этом механизм возмещения вреда, причиненного преступлением, может быть реализован в упрощенном и ускоренном порядке, непосредственно от виновного (или его представителя) к потерпевшему. Подобные компромиссные процедуры можно рассматривать как проявление процессуальной экономии сократить количество расследований по преступлениям, не требующим разбирательства, перераспределить усилия органов расследования в интересах производства по делам о преступлениях тяжких, особо тяжких, имеющих повышенную общественную опасность.

Обсуждение идеи о расширении частных начал уголовного судопроизводства представляется очень перспективным в рамках создания института уголовного проступка в уголовном праве и уголовном процессе.

Изложенные и иные проблемы хотелось бы обсудить в ходе научной дискуссии на нашей конференции. Автор также планирует посвятить рассмотрению данных вопросов дальнейшие научные публикации.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: в ред. от 1 июля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ: в ред. от 27 декабря 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. МВД России определена предельная МВД России определена предельная штатная численность органов предварительного следствия (xn--b1aew.xn--p1ai) (дата обращения: 06.09.2021).

5. Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 14 января 2011 г. № 38: в ред. от 6 августа 2021 г.:

вместе с Положением о Следственном комитете Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». Пп. б п. 3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Цоколова Ольга Игоревна. Первый заместитель начальника, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.

121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25/1.

Tsokolova Olga Igorevna. First Deputy Head, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

121069, Russian Federation, Moscow, Povarskaya str., 25/1.

Ключевые слова: публичные и частные начала; сроки рассмотрения; мера пресечения; подследственность; спецсубъекты; обжалование; компенсация вреда.

Keywords: public and private beginnings; terms of consideration; preventive measure; investigation; special subjects; appeal; compensation for harm.

УДК 343.1

Чаплыгина В.Н., Рудов Д.Н.

**К «ЮБИЛЕЮ» СУДЕБНОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ.
ПОЛТОРА ВЕКА СО ДНЯ УЧРЕЖДЕНИЯ В РОССИИ**

**ON THE "ANNIVERSARY" OF THE JUDICIAL
INVESTIGATOR. A CENTURY AND A HALF SINCE ITS
ESTABLISHMENT IN RUSSIA**

В статье рассматриваются исторический аспект становления следственного аппарата, который совсем недавно отпраздновал свой юбилей – 160 лет со дня учреждения в России института судебных следователей. В статье анализируются различные аспекты деятельности следователей в исторической ретроспективе, мнения дореволюционных ученых. Авторы полагают, что в настоящее время есть все основания продолжать дискуссию о существовании процессуальной фигуры следственного судьи, т.к., по их мнению, в юридической литературе зачастую не проводится разграничение между институтами судебного следователя и следственного судьи.

The article examines the historical aspect of the formation of the investigative apparatus, which recently celebrated its jubilee – 160 years since the establishment of the institute of forensic investigators in Russia. The article analyzes various aspects of the activities of investigators in a historical retrospective, the opinions of pre-revolutionary scientists. The authors believe that at present there is every reason to continue the discussion about the existence of a procedural figure of an investigating judge, because, in their opinion, the legal literature often does not distinguish between the institutions of a forensic investigator and an investigating judge.

Совсем недавно следственный аппарат России отпраздновал свой юбилей – 160 лет со дня учреждения в России института судебных следователей, что дает нам основание говорить о его сравнительно «молодом» в историческом аспекте, если не сказать юном, возрасте. Данная дата дает возможность вспомнить исто-

рический аспект становления следственной власти и поразмышлять о ее судьбе в настоящее время.

Проблемы предварительного расследования, обладая практической значимостью, в разные исторические этапы всегда находились в центре внимания российских юристов. Историю развития следственных органов следует рассматривать как неотъемлемую часть истории государства и права России в целом. Это обусловлено тем, что во все времена первостепенной задачей и функцией нашего государства была борьба с преступностью, независимо от политической, социальной, экономической обстановки, а менялись только формы и методы этой борьбы. Профессионализм достигался упорной работой всех органов, занимавшихся расследованием преступлений.

Рассматриваемый период (1860–1917 гг.) организации деятельности предварительного расследования получил название «судебная модель» и сочетал в себе принципы полицейской деятельности, но с некоторым переходом в судебную систему из органов внутренних дел; и если предшествующий период в рамках целостной полицейской системы отличался разграничением следственной функции и дознания, то в период «судебной модели» отмечается отделение следствия от административной системы и переход в органы судебной власти.

Так, 160 лет назад Н.И. Стояновскому удалось сформировать прочную доктрину организации предварительного следствия, явившуюся основой института судебных следователей. Данная доктрина реализовывалась в отечественном уголовном (чём?) более 50 лет, несмотря на некоторые функционально-организационные «процессуальные» огрехи.

Национальные следственные традиции берут начало с Наказа следственным канцеляриям от 9 декабря 1717 г. Петра I, представляющим русскую гвардию как национальный управленческий институт. Данный институт в своем лице олицетворял «сильный» процессуальный статус следователя, который в полной мере мог отвечать национальным интересам. По факту, система органов расследования, о которой мы вели речь выше, была воплощена в трех моделях организации следственного аппарата: вневедомственной, судебной и прокурорской.

В то же время значительным событием при становлении следственного аппарата того времени стал подготовленный под руководством М.М. Сперанским и изданный в 1832 году Свод законов Российской Империи, разделивший досудебное следствие на следствие «предварительное» (легшее в основу позднейшего дознания) и следствие «формальное» (ставшее впоследствии знакомым нам «предварительным следствием»).

Судебные следователи девятнадцатого столетия по своему процессуальному статусу были отнесены к судебному ведомству, что дает право говорить о них как о судебных деятелях. Именно в тот исторический промежуток законодатель того времени обеспечил им такую же процессуальную независимость и самостоятельность, как и судьям, что свидетельствует о том, что следственная власть являлась производной и тождественной власти судебной. При этом следователи выполняли функции, отнесенные к юстиции, через призму представления следователем данной функции при судебных органах.

Органы дознания выполняли функцию уголовного преследования, которая была закреплена в Судебных уставах уголовного судопроизводства 1864 г. как «первоначальные изыскания, производимые полицией для обнаружения справедливости или несправедливости дошедших до них слухов и сведений о преступлении...» [1]. Об этом свидетельствовал и С.И. Викторский, характеризующий дознание как процесс сбора необходимых сведений недоказательственного характера, «...при этом полиция должна «как меньше прибегать к письменной форме, мешающей быстроте его» [2].

И.Я. Фойницкий также указал на то, что особенности дознания должны выражаться через призму быстроты осуществления административных функций негласным путем без применения каких-либо принудительных мер, направленных на исследование виновности лиц и наличие события преступления.

Функционал предварительного следствия направлялся против лица, обладающего процессуальным статусом обвиняемого, при возможности исследования степени участия лица в преступлении путем активного применения энергичных принудительных мер... «Поэтому дознание может быть вверено полицейским ор-

ганам, а предварительное следствие носит на себе характер судебной деятельности и вверяется органам судебным» [3].

Однако нельзя забывать и о том, что история существования следственного аппарата того времени свидетельствовала и о проблемах, стоящих на пути прогрессивного развития следственной власти в России на рубеже XIX–XX веков. Так, В. Случевский отмечал негативные моменты в соединении в руках следователя функций судьи, обвинителя и защитника [4], видя в таком слиянии угрозу. Также он отмечал в качестве недостатка недостаточное обособление розыскных действий от следственных.

Так, относясь к судейскому корпусу, следователь имел своей обязанностью в какой-то мере руководство деятельностью органов дознания по обнаружению виновного лица и основаниям к его изобличению. Негативные тенденции выявлялись и во взаимоотношениях прокурора и судебного следователя, указывающих на двойственность полномочий последнего. Однако предпринятый авторами статьи исторический анализ функциональной деятельности вышеуказанных органов показывает, что они являлись носителями самостоятельной и независимой друг от друга власти, а с другой стороны, прокурор как носитель власти обвинительной, обнаруживающей преступления и преследующей виновных, нуждается в соответствующих средствах действия, поэтому он вправе требовать от следователя выполнения его указаний по расследованию преступлений и собиранию доказательств.

Кроме того, возложение на следователя состязательной функции через исполнение обязанностей по обнаружению доказательств обвинения и защиты свидетельствовало об отсутствии органов адвокатуры в тот период. Мы связываем данный факт с тем, что общественный строй не был готов к обеспечению частных интересов лиц в этой стадии процесса.

Резюмируя сказанное, отметим, что в начале своего исторического пути следователь был «мнимо» наделен самостоятельностью и независимостью, что выражалось в отделении дознания от предварительного следствия через «процессуальную» призму возложения на дознание функции уголовного преследования под контролем суда и надзором прокурора. В то же время деятельность следователя рассматривалась через осуществление им функции предварительного разрешения дела с передачей след-

ствия в суд. Думается, что современники такого масштабного реформирования следственного аппарата хотели видеть в дореволюционном следствии орган, «свободный» от излишней прокурорской опеки, с активным расширением состязательных начал.

История создания и функционирования следственных органов России, определение их оптимальной структуры и подследственности в дореволюционный период не перестает являться предметом исследования в отечественной юридической науке. Анализируя мнение В.А. Емельянова и А.А. Славгородских, обсуждающих проблемные вопросы реформирования досудебного производства России и уверенно утверждающих, что в Российской империи до 1917 года система досудебного производства была представлена следственным судьей (именно в таком контексте) [5], – хотя общеизвестно, что принципиальной новеллой судебно-правой реформы XIX века было введение в уголовное судопроизводство России должности судебного следователя, а не следственного судьи, – возникает больше вопросов, чем ответов.

Полагаем, что данная описка вышеупомянутых авторов (возможно умышленная) и «юбилей» института судебного следователя будут служить продолжением дискуссии о существовании процессуальной фигуры следственного судьи, т.к. в юридической литературе зачастую не проводится разграничения между институтами судебного следователя и следственного судьи, а также поводом для новых процессуальных новаций.

В силу этого, дальнейшее развитие следственных органов современной России должно осуществляться с учетом и использованием исторических закономерностей их становления.

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Ч. 2. СПб., 1867. С. 112–113.

2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс: учебное пособие. М.: Юридическое бюро «Городец», 1997. С. 351–352.

3. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 373, 387.

4. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. Изд. четвертое, доп. и испр. СПб., 1913. С. 246, 503–505.

5. Гуськова А.П., Емельянов В.А., Славгородских А.А. Проблемные вопросы реформирования досудебного производства России // Рос. судья. 2008. № 4. С. 9–11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Чаплыгина Виктория Николаевна. Начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Chaplygina Victoria Nikolaevna. Head of the Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Рудов Денис Николаевич. Заместитель начальника кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Rudov Denis Nikolaevich. Deputy Head of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308024, Russian Federation, Belgorod, Gorky st., 71.

Ключевые слова: история создания и функционирования следственных органов России; судебный следователь.

Keywords: the history of the creation and functioning of the investigative bodies of Russia; a judicial investigator.

УДК 343.1

Шатрова А.В.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В ПРОИЗВОДСТВЕ
О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА**

**ENSURING THE RIGHT TO PROTECTION
IN PROCEEDINGS ON THE APPLICATION
OF COMPULSORY MEASURES OF A MEDICAL NATURE**

Статья раскрывает отдельные проблемы обеспечения права на защиту лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Автор предлагает изменить действующий уголовно-процессуальный закон в части закрепления процессуального статуса такого лица и расширения процессуальных гарантий реализации им прав.

The article reveals certain problems of ensuring the right to protection of a person in respect of whom proceedings on the application of compulsory measures of a medical nature are being conducted. The author proposes to change the current criminal procedure law in terms of securing the procedural status of such persons and expanding procedural guarantees for the exercise of their rights.

В российском уголовном процессе предусмотрен ряд гарантий прав лиц, которые могут быть обозначены как когнитивно уязвимые. Однако эти гарантии не всегда эффективны и оптимальны. Согласимся с современными исследователями, которые пишут, что «во многих современных правовых государствах создан и эффективно функционирует соответствующий компенсаторный механизм, позволяющий компенсировать ограничения участников уголовного судопроизводства, создающий им условия для самостоятельной (наравне с другими участниками) реализации своих процессуальных прав и обязанностей, а также включающий средства их защиты» и справедливо критикуют российское законодательство за отсутствие такого механизма [1, с. 163].

Российским уголовно-процессуальным законодательством нормы, регулирующие особенности производства о применении

принудительных мер медицинского характера, выделены в отдельную главу 51 УПК РФ. Очевидно, что в этих нормах должны получить закрепление специальные процессуальные механизмы, обеспечивающие охрану прав лиц с психическими расстройствами. Однако, как отмечает Е.В. Марковичева, изначально в конструкциях УПК РФ 2001 г. было заложено ограничение возможностей для реализации лицом с психическим расстройством процессуальных прав [2].

В правоприменительной деятельности обеспечить права лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, достаточно сложно. Проблемы, с которыми сталкиваются правоприменители при производстве таких дел, чаще всего связаны именно с недостатками уголовно-процессуального законодательства. Системное толкование норм УПК РФ позволяет говорить о том, что лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, является особым уголовно-преследуемым субъектом. Соответственно, это лицо наделяется всеми правами подозреваемого/обвиняемого подсудимого, которые может реализовать как самостоятельно, так и через своего законного представителя. Но возникает вопрос о необходимости и оправданности такого переноса прав подозреваемого/обвиняемого на специального субъекта. Считаем, что несмотря на то, что исследователями давно ставилась проблема наделения специальным процессуальным статусом лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительного характера [3], на законодательном уровне она не получила своего разрешения.

Неопределенность процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, существенно затрудняет реализацию им базового права – права на защиту. УПК РФ оставляет открытыми многие вопросы: о роли законного представителя в защите прав такого лица, о возможностях самозащиты и другие.

Отметим, что определенные шаги на пути улучшения правовой защищенности лица с психическим расстройством в российском уголовном процессе были все же сделаны, в основном благодаря позиции Конституционного Суда РФ. Например, в 2010 г. лицо, в отношении которого осуществляется производ-

ство о применении принудительных мер медицинского характера, получило нормативный вариант процессуального имени, закрепленного в ст. 437 УПК РФ. Вместе с тем законодатель не считал необходимым включить такое лицо в главу 7 УПК РФ наравне с участниками уголовного судопроизводства стороны защиты.

В результате на практике суды вынуждены часто ориентироваться на разъяснения высшей судебной инстанции. Исходя из разъяснений, данных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», процессуальный статус лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, идентичен процессуальному статусу подозреваемого/обвиняемого; такое лицо обладает теми же процессуальными правами, что и подозреваемый/обвиняемый [4]. Но применение аналогии закона не способствует обеспечению права на защиту лица, в отношении которого ведется такое производство. Полагаем, что необходимо четко определить в нормах УПК РФ самостоятельный процессуальный статус такого лица. Также не будет лишним уточнить и процессуальный статус его законного представителя.

Неопределенность процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, частично связана и с незакрепленностью в УПК РФ момента, с которого начинается осуществление указанного производства. Не указаны в законе и требования, которые должны предъявляться к соответствующему процессуальному решению. В указанном выше Постановлении Пленума Верховного Суда РФ разъясняется обязательность назначения судебно-психиатрической экспертизы в отношении подозреваемого (обвиняемого) при возникновении сомнений в его психическом состоянии. Но само назначение такой экспертизы в соответствии с нормами УПК РФ не порождает начало производства в порядке главы 51 УПК РФ. Подразумевается, что такое производство начинается после получения должностным лицом, назначившим экспертизу, соответствующего заключения по результатам судебно-психиатрической экспертизы. Причем в вводной части такого заключения должен содержаться именно кате-

горичный вывод, позволяющий правоприменителю заключить или о неменяемости лица в момент совершения преступления (по смыслу ст. 21 УК РФ), или о невозможности его дальнейшего уголовного преследования и привлечения его к уголовной ответственности в силу посткриминального психического расстройства. На наш взгляд, четкое определение момента появления лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, закрепление в законе требования к порядку принятия соответствующего процессуального решения и к его содержанию можно рассматривать как дополнительные гарантии обеспечения прав и законных интересов такого лица, поскольку позволит своевременно привлечь законного представителя и обеспечить обязательное участие защитника.

Реализация права на защиту лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, предполагает и уточнение процессуальной сущности помещения такого лица в период производства в психиатрический стационар. Здесь имеет место принуждение, поэтому считаем, что необходимо дополнить нормы УПК РФ и закрепить особую специальную меру процессуального принуждения. Неурегулированность этого вопроса влечет негативные последствия: по уголовным делам о деянии, подпадающего под признаки тяжкого, особо тяжкого преступления, лица с психическими расстройствами нередко содержатся под стражей на общих основаниях. При этом сроки содержания под стражей также не минимизируются.

Считаем, что устранение вышеперечисленных проблем требует внесения корректив как в нормы общей части УПК РФ, так и в главу 51 УПК РФ. Такие изменения должны носить системный характер и соответствовать современным подходам в обеспечении прав человека в уголовном процессе.

1. Курбатова С.М., Русаков А.Г. Компенсаторный механизм как средство реализации правового статуса участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями и пресечения злоупотреблений с их стороны // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограничен-

ными возможностями: компенсаторный подход: материалы Международной научно-практической конференции (18–19 июня 2021 г., г. Красноярск). Ч. 2. Красноярск, 2021. С. 162–168.

2. Марковичева Е.В. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство в производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 4. С. 28–31.

3. Говрунова А.И. Процессуальные права и законные интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Общество и право. 2010. № 2. С. 212–216.

4. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шатрова Анна Вячеславовна. Аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной.

Российский государственный университет правосудия.

117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69.

Судья Норильского городского суда Красноярского края.

663302, Российская Федерация, Красноярский край, г. Норильск, ул. Комсомольская, 37а.

Shatrova Anna Vyacheslavovna. Pastgraduate student of the Chair of Criminal Procedure Law named after N.V. Radutnoy.

Russian State University of Justice.

117418, Russian Federation, Moscow, Novocheryomushkinskaya st., 69.

Judge of the Norilsk City Court of the Krasnoyarsk Territory.

663302, Russian Federation, Krasnoyarsk Territory, Norilsk, Komsomolskaya st., 37a.

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Марковичева Елена Викторовна. Главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия, доктор юридических наук, доцент.

Российский государственный университет правосудия.

117418, Российская Федерация, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, 69.

Markovicheva Elena Viktorovna. Principal Research Scientist of the Research Center for the Study of Justice Problems, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor.

Russian State University of Justice.

117418, Russian Federation, Moscow, Novocheryomushkinskaya st., 69.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; принудительные меры медицинского характера; право на защиту; справедливое судебное разбирательство.

Keywords: criminal proceedings; compulsory measures of a medical nature; the right to defense; a fair trial.

УДК 343.1

Шпагина Ю.В.

**ПРОИЗВОДСТВО НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ
ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

**CARRYING OUT IMMEDIATE INVESTIGATIVE
ACTIONS: PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT
AND POSSIBLE WAYS OF THEIR SOLUTION**

В статье рассмотрены некоторые проблемы производства неотложных следственных действий органами дознания, затра-

гивающие применение мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, а также вопрос о процессуальном статусе конкретного должностного лица органа дознания, которое непосредственно производит по указанию начальника органа дознания неотложные следственные действия. Предложены возможные пути их решения.

The article examines some of the problems of carrying out urgent investigative actions by the bodies of inquiry, affecting the application of preventive measures and other measures of procedural coercion, as well as the issue of the procedural status of a particular official of the body of inquiry, which directly performs urgent investigative actions at the direction of the head of the body of inquiry. Possible ways of their solution are suggested.

В современных реалиях перманентный и в ряде случаев не-системный характер реформирования отечественного уголовно-процессуального законодательства, направленного, в том числе на изменение порядка осуществления уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов, явился одной из причин, повлекшей стирание корреляционных связей между отдельными процессуальными институтами и потребностями правоприменительной практики по противодействию стремительно развивающему преступному сегменту и возникновение ряда проблем, требующих своего разрешения. Одним из таких институтов выступает производство неотложных следственных действий органами дознания.

Рассмотрим некоторые проблемные аспекты, присущие указанному процессуальному институту, затрудняющие его реализацию правоприменителем.

Во-первых, отсутствие в уголовно-процессуальном законе достаточного внимания процессуальным действиям, в производстве которых возникает необходимость при выполнении органом дознания рассматриваемого вида деятельности.

Законодатель, позволяя органам дознания, производить неотложные следственные действия, не дает прямого разрешения на применение мер уголовно-процессуального принуждения, в том числе и мер пресечения, в которых может возникнуть необ-

ходимость. Профессор В.А. Михайлов справедливо отмечает, что на практике задержание лица, причастного к совершению преступного деяния, обычно исключается из числа следственных действий, выполняемых органом дознания, поскольку считается, что акт задержания непосредственно не устанавливает доказательств. Данное мнение не основано на законе. Акт задержания выступает не только как акт процессуального принуждения, но и как самостоятельный способ получения доказательств, поскольку основание задержания фиксируется в протоколе, оно выступает в качестве доказательства, подтверждающего совершение преступления подозреваемым [4, с. 116].

В теории наличествует и иная позиция по этому вопросу, согласно которой содержащаяся в протоколе задержания информация имеет удостоверительное, а не доказательственное значение [3, с. 250].

Следует отметить, что значение задержания как следственного действия весьма велико. Если оно проведено своевременно и соответствует требованиям закона. В этом случае, с одной стороны, оно выступает доказательством причастности задержанного к преступлению, а с другой – лишает подозреваемого возможности скрыться, совершить новые преступления, воспрепятствовать установлению истины по делу [4, с. 118].

Своеобразную позицию в рассматриваемом вопросе занял О.Л. Васильев. Он считает, что орган дознания вообще не стоит наделять полномочием по производству следственных действий, в том числе и по делам, по которым предварительное следствие обязательно [1, с. 283].

С чем автор не может согласиться, поскольку в данном случае не стоит снисходить к буквальному пониманию отдельных правовых явлений. Принятые законодателем меры по наделению органа дознания как участника уголовного судопроизводства правом производства неотложных следственных действий направлено в первую очередь на защиту законных прав и интересов лиц, вовлеченных с указанную сферу, ввиду совершенного противоправного деяния, и, как показывает практика, данный орган справляется с поставленной задачей.

Решение затронутого вопроса автору видится в изменении редакции ч. 1 ст. 157 УПК РФ и указания в ней на возможность

применения органом дознания при производстве неотложных следственных действий мер процессуального принуждения, на что также обращают внимание и представители научного сообщества [6, с. 106]. И поскольку задержание, применение мер пресечения и иных мер процессуального принуждения не отнесены законодателем к системе следственных действий, а их применение реализуется при производстве неотложных следственных действий органами дознания, то целесообразно было бы норму указанной выше статьи после слов «... возбуждает уголовное дело и проводит неотложные следственные действия» дополнить словами «..., а также при необходимости применяет меры процессуального принуждения в порядке и на основаниях, установленных главами 12–14 УПК РФ». Именно такая интерпретация позволит не ограничивать правоприменителя в возможности применения мер процессуального принуждения при производстве неотложных следственных действий, а также наиболее точно отразить правоприменительную действительность в правовых нормах уголовно-процессуального закона.

Во-вторых, по сей день остается неразрешенной проблема процессуального статуса такого самостоятельного участника уголовно-процессуальных правоотношений, как должностное лицо органа дознания (оперуполномоченный, участковый уполномоченный и т.д.), которое непосредственно производит по указанию начальника органа дознания неотложные следственные действия, о чем свидетельствует правоприменительная практика.

Представляется целесообразным привести пример, где особую значимость для правоприменения приобретает решение Верховного Суда Российской Федерации от 12 ноября 2001 г. по делу Ч., обвиняемого по ч. 4 ст. 228 УК РФ. Так, Президиум Воронежского областного суда при рассмотрении указанного выше уголовного дела указал на наличие существенных нарушений уголовно-процессуального законодательства, допущенных в ходе расследования, а именно возбуждение уголовного дела ненадлежащим субъектом. В мотивировочной части своего решения суд сослался на то, что указанное выше процессуальное решение вынесено оперативным сотрудником, который не относится к органу дознания и федеральным законодательством, регламентиру-

ющим оперативно-розыскную деятельность, такое право за ним не предусмотрено.

Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев данное уголовное дело в порядке надзора, признала законным решение о возбуждении уголовного дела, вынесенное оперуполномоченным органов внутренних дел. Одновременно суд обратил внимание на то, что практическая реализация положений закона о наделении правами и обязанностями в одних случаях органа дознания, а в других – лица, производящего дознание, состоит в том, что процессуальные документы, в которых осуществляется фиксация решения органа дознания (в частности, постановление о возбуждении уголовного дела – выделено Ю.Ш.), составляются лицом, производящим дознание и утверждаются начальником. Именно в таком порядке принималось решение о возбуждении рассматриваемого уголовного дела.

Другой пример из судебной практики наглядно показывает, насколько является значимым с уголовно-процессуальной и криминалистической точки зрения подход к производству органом дознания неотложных следственных действий в отдаленных и труднодоступных районах, позволяющий оптимизировать время, силы, средства и исключить повторное производство следственных действий. Так, по уголовному делу № 1-129/2014, возбужденному по ч. 1 ст. 222 УК РФ, именно участковым уполномоченным ОМВД России по Нижневарттовскому району были проведены неотложные следственные действия на территории, расположенной на расстоянии 450 километров от города Нижневарттовска, – осмотр места происшествия, осмотр изъятых предметов, а также обыск в лабазе, в ходе которого были обнаружены и изъяты огнестрельное оружие охотничий карабин «То3-16-01» и боеприпасы к нему.

По затронутому вопросу в уголовно-процессуальной теории совершенно обоснованно укрепился тезис о том, что непосредственно орган дознания не может осуществлять какие-либо конкретные действия и принимать решения [2, с. 8]. Указанные манипуляции может осуществлять только конкретное должностное лицо органа дознания [5, с. 36–37]. Из этого с учетом правоприменительной практики следует, что субъектами производства

рассматриваемых действий по уголовным делам о преступлениях, по которым производство предварительного следствия обязательно, являются как органы дознания, так и их должностные лица, что целесообразно закрепить в нормах уголовно-процессуального закона.

Таким образом, анализируя современное состояние правового регулирования уголовно-процессуальной деятельности органов дознания при производстве неотложных следственных действий, автор приходит к выводу об имеющемся несовершенстве в правовой регламентации обозначенного вопроса, требующего своего разрешения в предложенном им аспекте.

1. Васильев О.Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях российского уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.

2. Гаврилов Б.Я. Новеллы уголовного процесса на фоне криминальной статистики // Рос. юстиция. 2003. № 10.

3. Гриненко А.В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001.

4. Михайлов В.А. Уголовно-процессуальная деятельность федеральных органов налоговой полиции России: учебное пособие. М., 1994.

5. Николаева Т.Г. Правовое регулирование деятельности органов дознания: теоретические основы и правоприменительная практика: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006.

6. Победкин А.В., Бурцев С.Н. Нарушение уголовно-процессуальных норм в деятельности органов дознания, средства их предупреждения и устранения: монография. М.: Юрлитинформ, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шпагина Юлия Викторовна. Старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений, кандидат юридических наук.

Академия управления МВД России.

125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Shragina Yulia Viktorovna. Senior Lecturer the Chair of Management of Crime Investigation Bodies, Candidate of Sciences (Law).

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125993, Russian Federation, Moscow, Zoe and Alexandra Kosmodemyansky st., 8.

Ключевые слова: неотложные следственные действия; производство неотложных следственных действий органами дознания; начальник органа дознания; применение мер пресечения и иных мер процессуального принуждения.

Keywords: urgent investigative actions; carrying out urgent investigative actions by the bodies of inquiry; head of the body of inquiry; application of preventive measures and other measures of procedural coercion.

УДК 343.1

Шурухнов Н.Г.

**ОБ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
И НЕ ТОЛЬКО О НЕЙ**

ON EXPERT ACTIVITIES AND NOT ONLY

В статье рассматривается специфика экспертной деятельности, приводятся некоторые статистические данные о работе Федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России, подразделений Федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», экспертов Следственного комитета Российской Федерации за 2020 год. Показываются проблемы, обозначается осо-

бенность деятельности в предстоящий период, обусловленная изменениями, связанными с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Говорится о необходимости ресурсной поддержки этого направления научной деятельности, обеспечивающего уголовное судопроизводство, приводятся отдельные аргументы о необходимости интенсификации производства экспертиз.

The article considers the specifics of expert activities, provides some statistics on the work of the Federal Budgetary Forensic Institutions of the Ministry of Justice of Russia, units of the Federal State State Institution "Expert Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", experts of the Investigative Committee of the Russian Federation for 2020. Problems are shown, the peculiarity of activity in the coming period is indicated, due to changes associated with the pandemic of coronavirus infection COVID-19. The author states the need for resource support for this area of scientific activity, which ensures criminal proceedings, some arguments are given about the need to intensify examination procedures.

Экспертная деятельность всегда связывалась с реализацией специальных знаний, при этом ей предшествовала особая подготовка людей или наличие у них значительного профессионального опыта в определенной отрасли. Она подразумевала использование различного (в отдельных случаях уникального) оборудования, приборов, расходных материалов, особых условий их размещения, хранения, технического обслуживания и эксплуатации. Производство же самой экспертизы – это всегда исследование, применение апробированных методик, требующие научного подхода для получения объективных, достоверных результатов.

В правоприменении (при расследовании конкретного преступления) выводы эксперта – это результат его научных изысканий, базирующихся на современных достижениях науки, техники, ремесла, на его специальных знаниях. Результаты экспертизы, в отличие от сведений, полученных при реализации других способов (в том числе при производстве следственных действий), значительно реже оспариваются субъектами преступлений, заинтересованными сторонами, их представителями.

Специальные сведения «сведущих людей»¹, их «опытность в науке, искусстве, ремесле, промысле или каком-либо занятии», не свойственные основной массе граждан, во все времена позволяли и позволяют использовать специальное оборудование, приборы, различные технологии, методические рекомендации, реализовывать инструментальные методы исследования различных объектов ради получения объективных ответов на вопросы, поставленные заинтересованными лицами. К примеру, для сравнения элементного состава частей корпуса взрывного устройства, предметов внешней обстановки, обнаруженных на месте взрыва, необходимы навыки владения рентгено-флуоресцентными анализаторами. Установление количества произведенных выстрелов предполагает использование атомно-абсорбционных спектрофотометров (спектрометров)², а ДНК-типирование требует владения амплификаторами.

Всегда экспертная деятельность считалась наукоемким и затратным делом. Для проведения различных видов (родов) экспертиз необходимы человеческие ресурсы, здания, современное лабораторное оборудование, приборы, расходные материалы, подготовка, переподготовка, повышение квалификации кадров, которые будут способны решать сложные задачи обеспечения правоприменения, а это требует материальных затрат, финансовых вложений. Ведь только такой подход создает предпосылки для обеспечения объективного, своевременного, эффективного расследования любых видов преступлений, установления причин и условий, способствовавших противоправной деятельности.

Образно выражаясь, можно сказать, что экспертиза – это достижение науки³, внедряемое в процесс правоохранительной и правозащитной деятельности, где особое место занимает расследование преступлений. Еще раз подчеркнем, что она обладает безукоризненным авторитетом. Ее результаты «способны» опро-

¹ Так их именовал Устав уголовного судопроизводства 1864 года.

² Современные методики атомно-абсорбционного определения позволяют установить содержание около 70 элементов периодической системы Менделеева.

³ В нашей истории были периоды, когда экспертные подразделения МВД в отдельных республиках назывались Научно-техническими отделами, отделениями (НТО) (например в Казахской ССР).

вергнуть комплекс информации, представленной одной из сторон судебного процесса, развернуть процесс расследования в другое направление, опровергнуть ранее сделанные выводы, показания субъектов преступлений, убедить преступников отказаться от противодействия расследованию, установить причины и условия, которые способствовали нарушению законодательства и привели к противоправному деянию.

Подчеркивая важность экспертной деятельности, потребность в решении сложных вопросов, относящихся к правоохранительной и правозащитной деятельности, прежде всего связанной с расследованием преступлений, выявлением причин и условий, способствующим их совершению, следует обратиться к специфике деятельности экспертных учреждений, объему выполняемой работы, проблемам, которые требуется решать для ее интенсификации. Для этих целей кратко сконцентрируем внимание на Федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, на подразделениях Федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», экспертных подразделениях Следственного комитета Российской Федерации¹.

В 2020 году в судебно-экспертных учреждениях Минюста России было выполнено 98 332 экспертизы, из них 75 329 – для решения вопросов уголовного судопроизводства (76,6 %) (в том числе 32 077 – при рассмотрении сообщений о преступлениях). 15 251 экспертиза была направлена на удовлетворение потребностей гражданского, 2 535 – арбитражного и 5 217 – административного судопроизводства. «Наиболее востребованными видами судебных экспертиз в 2020 году являлись автотехническая, товароведческая, почерковедческая, строительно-техническая, КЭМВИ², ТЭД, лингвистическая и криминалистическая экспертиза видео- и звукозаписей» (85,9 %) [1, с. 16].

На разрешение экспертов в 2020 году было поставлено 2 731 688 вопросов, из них разрешено – 2 650 858, в том числе

¹ Мы оставили без внимания экспертные подразделения отдельных служб, в том числе и Федеральной таможенной службы России, по причине незначительного объема экспертного обеспечения расследования преступлений.

² Криминалистические экспертизы материалов, веществ и изделий.

2 635 198 – в категорической форме. Причинами отсутствия ответов на 80 830 вопросов являлись: недостаточный объем представленных материалов – 50 180; отсутствие соответствующих методик производства экспертиз – 3 730; иные обстоятельства – 26 916. Возвращено без производства экспертиз 4 164 материала. В срок до 30 календарных дней выполнено 58,1 % экспертиз, от 31 до 60 дней – 18,0 %, свыше 61 дня – 23,9 %. Причинами несвоевременности производства экспертиз (в срок свыше 30 календарных дней), в том числе, являлись загруженность экспертов (13 707 экспертиз), сложность и многообъектность исследований (1 796)¹.

Вместе с тем возможности государственной судебно-экспертной деятельности Министерства юстиции Российской Федерации ограничены бюджетным финансированием, сегодня они уже практически исчерпаны и не соответствуют в полной мере возросшим потребностям судов в производстве экспертиз, в первую очередь строительно-технических, автотехнических и автооценочных, финансово-экономических, товароведческих, экологических, лингвистических, психологических, компьютерно-технических и почерковедческих.

Реализация мероприятий федеральных целевых программ развития судебной системы России на 2013–2020, 2013–2024 годы [2] по созданию условий для производства качественных экспертиз судебно-экспертными учреждениями Минюста России и внедрению в судебно-экспертную деятельность современных информационных технологий, а также оснащение учреждений современной приборной базой позволят улучшить качество осуществляемых экспертиз и сократить сроки их производства, что повлияет на сокращение сроков судопроизводства.

Констатация ограничения судебно-экспертных учреждений Минюста России бюджетным финансированием не позволяет в должной мере удовлетворять потребности судов в строительно-технических, автотехнических, автооценочных, финансово-экономических, товароведческих, экологических, лингвистических,

¹ Цифровые данные, характеризующие деятельность судебно-экспертных учреждений Минюста России, взяты из приведенного информационно-статистического сборника.

психологических, компьютерно-технических, почерковедческих экспертизах. Есть надежда, что полномасштабная реализация федеральных целевых программ развития судебной системы России обогатит экспертную деятельность современными информационными технологиями, оснастит соответствующие учреждения современной приборной базой (прежде всего, решится вопрос о предоставлении им зданий, сооружений), разумно увеличит штатную численность. Все это позволит иметь специалистов, проводящих исследования, в которых нуждается практика, совершенствовать методики существующих экспертиз, разработать новые, улучшить их качество, сократить сроки производства, повлияет на разумные сроки уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) и таким образом уменьшит затраты на расследование и судебное разбирательство.

Наиболее многочисленной, с большим опытом работы по обеспечению раскрытия и расследования¹ преступлений, является экспертно-криминалистическая служба МВД России. По состоянию на 1 января 2021 года ее штатная численность составляла более 17 тыс. человек (15,9 тыс. аттестованных сотрудников), районное звено насчитывало 9,3 тыс. человек. Ей в 2020 году было назначено 1 млн 238 тыс. экспертиз и 528,9 тыс. исследований по письменным заданиям руководителей оперативных подразделений.

Следует сказать, что экспертно-криминалистическая служба МВД России не только самая многочисленная, но и наиболее приближенная к обеспечению реагирования уполномоченных органов и должностных лиц на совершенные, подготавливаемые преступления. Одна из ее задач — работа в полевых условиях, на местах происшествий с целью поиска, обнаружения, фиксации, предварительного исследования следов и вещественных доказательств. В 2020 году специалисты экспертно-криминалистических подразделений обеспечивали производство 2 млн 327 тыс. процессуальных действий (884,4 тыс. осмотров мест происшествий, из которых 677,3 тыс. было проведено с изъятием следов и

¹ Уполномоченные лица органов внутренних дел в 2020 году предварительно расследовали 838 412 преступлений.

различных объектов)¹, приняли участие в 2 млн 383 тыс. оперативно-розыскных мероприятий.

Более 40 % экспертиз способствовали установлению причастности конкретного лица к совершению преступлений, а 70 % исследований – выявлению или раскрытию преступлений. По направлению ДНК-анализа результативность экспертиз составила 70 %, исследований – превысила 80 %. В последние годы проявилась закономерная потребность следственной практики в производстве лингвистических, фоноскопических, компьютерных, строительно-технических, товароведческих, психофизиологических, радиотехнических, генетических исследований и экспертиз. Оценивая результаты деятельности территориальных экспертно-криминалистических подразделений, руководство ЭКЦ МВД России пришло к выводу о том, что они, вопреки установленной нормативной нагрузке [3], работают с ее превышением в 1,3-1,5 раза, а отдельные – в два и более раза [4, с. 3–4].

Значительное внимание уделялось развитию и расширению сети ДНК-лабораторий, так как экспертные исследования данного вида (способ идентификации человека) относятся к числу востребованных практикой, позволяющей раскрыть наибольшее количество тяжких и особо тяжких преступлений. В 2020 году такие лаборатории имелись в ЭКЦ МВД России и 73 территориальных органах МВД, которые провели «100 тыс. экспертиз и исследований, способствовавших раскрытию преступлений» [5].

Следует сказать о том, что на профильные лаборатории ЭКЦ МВД России возложена и задача отбора геномной информации, составляющей основу Федеральной базы данных геномной информации (ФБДГИ). Благодаря ей осуществляются обеспечение раскрытия и расследования преступлений, поиск пропавших без вести, установление личности неопознанных трупов. В настоящее время в базу данных помещается геномная информация лиц, осужденных и отбывающих наказание за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также относящаяся ко всем категориям

¹ Дактилоскопические следы и объекты, на которых они обнаружены, изымались на 319,5 тыс. осмотров мест происшествий, трасологические – на 306,1 тыс., следы биологического происхождения – на 175,4 тыс., объекты криминалистической экспертизы материалов, веществ и изделий – на 90,7 тыс.

преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. В нее включается биологический материал неустановленных лиц, который изъят в ходе производства следственных действий (в том числе, при осмотре неопознанных трупов).

В последние годы, исходя из настоятельной потребности практики борьбы с преступностью, ЭКЦ МВД России значительно увеличил виды проводимых экспертиз, укрепив их материально-техническую базу [6]. Были открыты радиотехнические лаборатории (более 25), оснащенные современным оборудованием, необходимым для исследования высокотехнологичных устройств, используемых при совершении преступлений. Практика расследования преступлений в строительстве и жилищно-коммунальном хозяйстве поставила задачу производства строительно-технических экспертиз, а киберпреступность (использование информационно-технических технологий) – лингвистических, автороведческих, фоноскопических, психофизиологических экспертиз.

К числу недавно созданных относятся ведомственные экспертные подразделения Следственного комитета Российской Федерации¹. На 1 января 2019 года они насчитывали 664 эксперта, которые представляли каждый региональный следственный орган. На их техническое оснащение в период с 2010-го по 2018 г. затрачено 1,5 млрд рублей. «Экспертами СК России ежегодно проводится более 30 тысяч ... сложных экспертиз специальных видов (молекулярно-генетических, компьютерно-технических, фоноскопических, лингвистических, видеотехнических, налоговых, психофизиологических и др.), результаты которых зачастую решают судьбу резонансных и сложных в раскрытии преступлений, совершенных в условиях неочевидности» [7].

Будем надеяться, что в результате научного сотрудничества Следственного комитета РФ и Российской академии наук будут разработаны отечественные приборы и технологии «для исследования ДНК человека; ...поиска пропавших без вести тел под поверхностью земли и в водной среде; ...живых лиц в различных ландшафтных, температурных и погодных условиях. А также

¹ Следственные органы СК РФ в 2020 году предварительно расследовали 142 833 преступления.

разработка опытного образца геофизического прибора поиска погребенных объектов криминального происхождения» [7].

Представив некоторые статистические данные о деятельности ведущих экспертных учреждений, которые сопровождают судопроизводство Российской Федерации, пытаюсь осмыслить различные направления их деятельности, осознавая сегодняшние их проблемы, ориентируясь на ожидаемые тенденции развития преступности [8] в предстоящие годы, выскажем отдельные развернутые выводы и предложения.

1. В условиях ускорения темпов развития науки и техники, покрытия информационными процессами всей человеческой деятельности возрастает зависимость своевременности, объективности, полноты, истинности процесса расследования от эффективного экспертного обеспечения, где основополагающую роль продолжают играть целенаправленный поиск, обнаружение, фиксация, изъятие, предварительное исследование следов и вещественных доказательств на местах происшествий (в полевых условиях при производстве процессуальных действий).

2. Использование в противоправной деятельности информационно-технических технологий, распространение программных средств анонимизации личности, обеспечивающих сокрытие информации о субъекте преступления, распространение программ для мобильных устройств, позволяющих перехватывать сетевой трафик, расшифровывать имена и пароли пользователей, ведут к росту киберпреступлений и, как следствие, увеличивают потребности в проведении компьютерных, радиотехнических фотоскопических, лингвистических, автороведческих экспертиз и исследований.

3. Изменения в характере, видах (родах) проводимых экспертиз будут обусловлены и комплексом чрезвычайных мер, принятых во всем мире и направленных на борьбу с пандемией коронавирусной инфекции COVID-19: сокращение коммуникаций граждан; повышение спроса на отдельные виды товаров; психологическая разбалансировка отдельных категорий граждан; сокращение незаконного оборота отдельных средств и веществ; увеличение использования информационно-телекоммуникационных технологий как частными, так и юридическими лицами. Нельзя оставить без внимания и такую закономерность, являю-

шуюся результатом научно-технического прогресса, проявлением пандемии, как возрастание использования беспилотных летательных аппаратов. Все чаще и чаще они фигурируют в противоправной деятельности, а значит, станут объектом поиска следов и производства экспертных исследований.

4. Одно из условий повышения эффективности деятельности экспертных учреждений связано со специальной подготовкой дознавателей, следователей, прежде всего в учебных заведениях. Требуется вернуть учебный процесс в лоно практического (работа на полигонах, разрешение следственных ситуаций) с тем, чтобы будущие субъекты расследования приобретали практические знания, умения и навыки на уровне традиционной криминалистики, которая современными подходами к образовательной деятельности вытеснена из учебного процесса.

Необходимо добиться, чтобы выпускники соответствующих специальностей на практике могли самостоятельно (в пределах разумного) при проведении следственных действий осуществлять поиск, обнаружение, фиксацию, предварительное изучение следов, вещественных доказательств, решать вопрос о пригодности для идентификации. Такой подход позволит исключить практику участия специалиста в следственном действии для цели фотовидеосъемки, создать условия для более творческой деятельности сведущего лица при решении важных, сложных и необходимых вопросов. К сожалению, практика показывает, что 40 % осмотров мест происшествий с «участием специалистов ЭКП проведены по происшествиям, не связанным с возбуждением уголовных дел» [4, с. 4].

5. Настоятельно требуется действенное и профессиональное взаимодействие как внутри экспертных учреждений (интровертивное), так и за их пределами (экстравертивное) [9, с. 160–161]. В будущем для цели повышения оперативности проведения судебных экспертиз (в системе Минюста) планируется создание 2 170 автоматизированных рабочих мест, интегрированных в единую информационную сеть, ведение единого федерального банка данных судебных экспертиз и экспертных организаций. Коммуникационный обмен данными, опытом решения вопросов, новыми методиками, практикой использования оборудования должен способствовать интенсификации производства экспертиз.

6. Обозначенные возможности позволяют адаптировать информационные технологии к управлению экспертной деятельностью, создать среду, в которой уполномоченные лица экспертных подразделений различных ведомств могут контактировать между собой по поводу совместной (и даже одноименной) деятельности. Процесс экстравертивного взаимодействия позволит производить техническое замещение экспертов, оказывать взаимную помощь при проведении сложных экспертиз, положительно влиять на обеспечение процесса расследования и судебного разбирательства в конкретных случаях.

7. Обозначенные подходы в определенной мере будут сглаживать временное отсутствие соответствующих специалистов по конкретным экспертным специальностям и даже недостаточность материально-технической базы и необходимых технических условий (в соответствии со ст. 15 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации») для производства конкретных видов экспертиз. Следует сказать о том, что «по состоянию на 1 января 2019 г. средняя оснащенность ЭКЦ территориальных органов основными видами криминалистической техники составляла 58 %, в том числе техническими средствами для производства экспертиз традиционных видов – 59 %, оборудованием для производства экспертиз специальных видов – 52 %...» [10].

8. Судебная экспертиза, как уже отмечалась, относится к наукоемким видам деятельности; затратность на нее, даже если она не будет окупаться, стоит того, так как защита прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации – конституционная обязанность государства. Поэтому экспертные учреждения должны оснащаться оборудованием, современной приборной базой, иметь высокопрофессиональных специалистов, способных вести разработку новых видов (родов) экспертиз, позволяющих решать новые экспертные задачи, которые постоянно обновляются изменяющейся противоправной деятельностью.

1. Основные итоги деятельности Федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России за 2020 год: информационно-статистический сборник. М., 2021. 195 с.

2. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»; О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы» [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406: в ред. от 29 декабря 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ». Как представляется, ряд задач, поставленных в федеральной целевой программе, были бы уже решены, однако в связи с пандемией COVID-19 их пришлось перенести, скорректировав намеченные сроки.

3. О вопросах организации деятельности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 30 мая 2003 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

4. Обзор о результатах деятельности экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России за 2020 год. 19 с.

5. Пробыть по базе. Как с помощью новых технологий теперь ищут пропавших без вести: интервью первого заместителя начальника Экспертно-криминалистического центра МВД России полковника полиции Эмиля Мусина // Аргументы и факты. 2021. № 23.

6. О внесении изменений в Нормы положенности материально-технических средств для отделов (отделений) специальных видов экспертиз экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденные приказом МВД России от 28 декабря 2018 г. № 896 [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 22 мая 2020 г. № 364. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

7. Следствие ведут знатоки. Глава Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин – о криминалистических секретах // Рос. газ. 2019. 9 апр.

8. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 года и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор. М., 2021. 77 с.

9. Шурухнов Н.Г., Петрухина О.А. Основные направления взаимодействия субъектов расследования экологических преступлений // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: материалы межвуз. науч.-практ. конференции (Тула, 15 марта

2018 г.). Тула: Тульский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 154–165.

10. Обзор о результатах деятельности экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России за 2018 год. 31 с. Органы МВД России обращались в судебно-экспертные учреждения Минюста за производством лингвистических, психологических, автотехнических, товароведческих экспертиз.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шурухнов Николай Григорьевич. Главный научный сотрудник, доктор юридических наук, профессор.

НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России.

125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Нарвская, 15-а/1.

Shurukhnov Nikolai Grigorievich. Principal Researcher, Doctor of Sciences (Law), Professor.

Scientific Research Center-3 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

125130, Russian Federation, Moscow, Narva st., 15-a/1.

Ключевые слова: экспертная деятельность; экспертные подразделения; эксперт; судопроизводство; пандемия.

Keywords: expert activity; expert units; expert; judicial proceedings; pandemic.

УДК 343.13; 343.98

Якубина Ю.П.

ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СВЕТЕ ПРОКУРОРСКО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PROTECTION OF RIGHTS AND FREEDOMS OF A HUMAN AND A CITIZEN IN THE LIGHT OF THE PROSECUTOR'S AND SUPERVISION ACTIVITIES

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с надзором за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является главной обязанностью страны.

This article discusses issues related to the supervision of the observance of human and civil rights and freedoms. Observance and protection of human and civil rights and freedoms is the main duty of the country.

Важной задачей нашего государства является надлежащее обеспечение прав и свобод человека и гражданина, перечень которых закреплен в главенствующем нормативе Российской Федерации в Конституции РФ, а именно в главе 2 [1]. В структуре правового статуса личности значимое место занимают права и свободы, которые, в свою очередь, подлежат защите. На сегодняшний день в государстве сформирована система правоохранительных, судебных и контролирующих органов, которые должны охранять и защищать конституционные права и свободы человека и гражданина.

Защита прав и свобод человека и гражданина выступает приоритетным направлением деятельности органов прокуратуры.

На расширенном заседании коллегии, которая состоялась в 2021 году, Генеральный прокурор РФ отметил, что за 2020 год были восстановлены права более 1 млн. человек, а также в период непростой ситуации – пандемии коронавируса – органам прокуратуры удалось продемонстрировать эффективное выполнение своих должностных обязанностей, эффективной защиты прав и свобод граждан, общества и государства.

В настоящий период актуальной и серьезной проблемой для граждан нашей страны является защита их личных прав и свобод. Ведь каждый человек должен быть уверен, что его права и свободы надежно защищены государством. К сожалению, нельзя утверждать, что деятельность государства в данной сфере идет по правильному пути. Так, например, за январь–октябрь 2020 года органами прокуратуры было выявлено 2 022 706 нарушений закона в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а за 2019 год было выявлено 2 112 141 нарушений [3]. Нельзя не отметить положительный момент, что, по сравнению с 2019 годом, в 2020 году было выявлено на 4,2 % меньше нарушений, чем за предыдущий год. Также за 2020 год применялись следующие акты прокурорского реагирования: вынесено 417 374 представлений и принесено протестов 195 177.

Многочисленные нарушения прав и свобод человека и гражданина, совершенные в последние годы, недостатки в деятельности правоохранительных органов из-за большого количества рассматриваемых дел, недоступность юридических услуг для многих граждан из-за отсутствия средств и, как следствие, снижение правовой защиты граждан подчеркивает необходимость совершенствования надзора со стороны прокуратуры за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [5].

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [4] содержит отдельную главу, посвященную надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, что говорит нам о том, что этот вопрос актуален – с одной стороны, а с другой стороны, это указывает на некоторые проблемы в этой сфере деятельности, что, в свою очередь, усиливает роль прокуратуры как надзорного органа. Стоит отметить, что в данной главе закреплен предмет надзора, что отличает его от других видов надзора. Как мы знаем, выделяют пять основных отраслей прокурорского надзора, полномочия прокурора в данной сфере деятельности, а именно: рассматривает и в последующем проверяет жалобы, заявления и сообщения о нарушении прав и свобод человека; разъясняет пострадавшим лицам порядок защиты их прав и свобод; принимает меры по предупреждению и пресечению нарушений, а также по привлечению лиц, нарушивших закон, к ответственности.

Средствами прокурорского реагирования в данной области выступают протест и представление на выявленные нарушения органами прокуратуры.

Прокуратура – прочный институт правоохранительных органов. Он занимает главное место в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина, поскольку эффективная деятельность прокуратуры является важнейшим условием обеспечения законности, правопорядка, укрепления, единства и верховенства закона. Прокуратура осуществляет свои полномочия в строгом соответствии с действующим в нашей стране законодательством, использует правовые методы для обеспечения государственного контроля над деятельностью всех ветвей власти и, в свою очередь, выступает гарантом восстановления нарушенных прав и свобод человека.

Хочется отметить, что органы прокуратуры особое внимание обращают на такую категорию граждан, как участники войны, инвалиды, престарелые лица, лица, которые нуждаются в социальной защите в силу определенных жизненных обстоятельств – тем самым органы прокуратуры придают особое значение защите конституционных прав и свобод данной категории граждан – то есть мало защищенных. В случае нарушения прав и свобод и поступления информации о данном выявленном факте прокурор должен осуществить проверку.

Так как наше государство – социально, следовательно, в основе всех институтов власти должны присутствовать меры, направленные на улучшение жизни каждого гражданина, который в той или иной степени нуждается в этом. Генеральным прокурором Российской Федерации является Краснов Игорь Викторович, который, в свою очередь, определяет основные направления деятельности в области надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Согласно приказу Генеральной прокуратуры РФ № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» необходимо сосредоточить внимание на закрепленных в настоящем законодательстве прав на охрану здоровья, медицинскую помощь, социальное обеспечение, трудовых, жилищных и иных прав и свобод,

на которые имеет право каждый гражданин нашей страны без исключения [2].

Нередки случаи, когда довольно часто встречаются нарушения, связанные с увольнением женщин в связи с их длительным отпуском по причине ухода за ребенком; травматизмом на производстве в связи с нарушением и несоблюдением правил безопасности со стороны руководства. К сожалению, лица, чьи права нарушены, очень редко обращаются за защитой своих прав и свобод, так как боятся осуждения со стороны работодателя.

Необходимо отметить, что также одним из основных направлений деятельности органов прокуратуры в данной сфере является рассмотрение обращений граждан. Каждое обращение гражданина подлежит обязательно регистрации и после уже рассмотрения, по которому принимается решение о дальнейших мерах: либо же вернуть лицу для устранения недостатков, либо провести проверку по данному факту.

В свою очередь, усиленный режим прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод личности испытывает определенные трудности, так как прокурор может обращаться в суд за защитой прав ограниченного круга лиц. В связи с данным обстоятельством создаются проблемы, которые затрудняют полное осуществление прокурорского надзора данной отрасли.

Таким образом, можно сделать вывод, что органы прокуратуры в полной мере осуществляют надзор в сфере соблюдения прав и свобод граждан, своевременно реагируют на нарушения, тем самым проводят проверки, восстанавливают и защищают их личные права. Защита прав и свобод человека и гражданина выступает приоритетным направлением деятельности органов прокуратуры. Главная цель прокурорского надзора в данном направлении деятельности состоит в том, чтобы сложилось такое положение, при котором будет иметь место реальное соблюдение прав и свобод граждан всеми правоохранительными органами; граждане должны быть уверены в оказании им защиты и помощи со стороны государства.

1. Конституция Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля

2020 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.

2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195: в ред. от 21 июня 2016 г. // Законность. 2008. № 3.

3. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1894234> (дата обращения: 09.06.2021).

4. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47, ст. 4472.

5. Чупанова С.А. Прокурорский надзор в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 2. С. 59–60.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Якубина Юлия Павловна. Доцент кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Yakubina Yuliya Pawlowna. Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedure, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

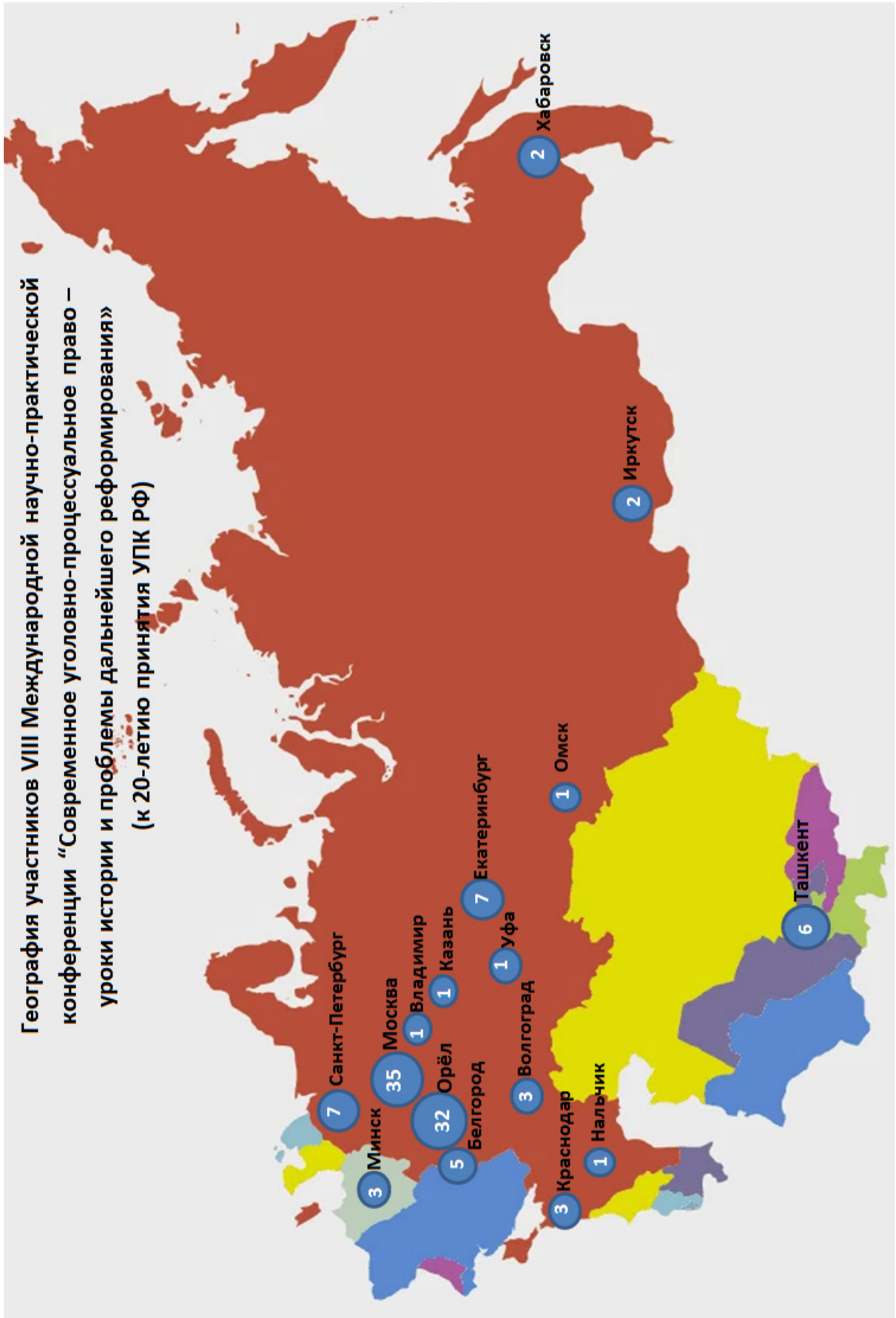
302027, Russian Federation, Orel, Ignatov st., 2.

Ключевые слова: прокурорский надзор; соблюдение прав и свобод; гражданин; защита; органы прокуратуры.

Keywords: prosecutor's supervision; observance of rights and freedoms; citizen; protection; prosecutor's offices.

УДК 343.1

География участников VIII Международной научно-практической конференции «Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования»
(к 20-летию принятия УПК РФ)

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклонённые материалы не рецензируются и не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих выпусках журнала.

Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.